

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ (УНИВЕРСИТЕТ)
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

**ИНСТИТУТ МЕЖДУНАРОДНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
ИБЕРОАМЕРИКАНСКИЙ ЦЕНТР**

ИБЕРОАМЕРИКАНСКИЕ ТЕТРАДИ CUADERNOS IBEROAMERICANOS

ВЫПУСК 3 (17) 2017

**МОСКВА
ИМИ МГИМО
2017**

ББК 63.3 (70)

И 14

Главный редактор *А. А. Орлов*
Зам. гл. редактора *М. В. Ларионова*
Редакционный совет *Н. Е. Аникеева, Е. М. Астахов, Е. В. Астахова, Е. Р. Воронин,*
А. Л. Зенькович, В. А. Иовенко, И. В. Попов, Г. С. Романова, С. М. Хенкин

Председатель Научно-экспертного совета *А. В. Шестопал*

Научно-экспертный совет
А. Баамонде Магро (Университет Карлос III, Мадрид, Испания),
Р. Гусман Тирадо (Университет Гранады, Испания), В. М. Давыдов, А. Л. ДUFFE Монтальбан (Университет
Ренн II, Франция), Е. М. Кожокин, А. И. Кузнецов, А. В. Мальгин,
Р. дель Мораль (Университет Вирджинии, США), Л. С. Окунева (зам. председателя), А. И. Подберезкин,
А. Санчес-Андрес (Университет Валенсии, Испания), Н. А. Симония, А. В. Щетинин

Ответственный редактор выпуска *М. В. Ларионова*

И 14

Ибероамериканские тетради. Вып. 3 (17) / Гл. редактор *А. А. Орлов*, отв. редактор выпуска
М. В. Ларионова. — М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2017. — 79 с.

ISSN 2409-3416

В издании представлены статьи российских и европейских авторов, посвящённые исследованиям различных аспектов истории и современности Испании и Латинской Америки. В отдельной рубрике публикуются статьи по вопросам языка и культуры Ибероамериканского мира. Настоящее издание является частью комплексной программы научной деятельности МГИМО МИД России и осуществляется при финансовой поддержке банка «Сантандер Консьюмер Банк». Издание адресовано как экспертам-международникам, так и широкому кругу читателей, интересующихся современными проблемами Ибероамерики.

The publication presents the papers of the Russian and European authors which deal with various aspects of Spanish history and modernity and actual problems of socio-political and economic development of Latin America. A separate section includes articles on the Spanish language and culture. This edition is a component of the complex program of the MGIMO-University research activities and is carried out with the financial support of Santander Consumer Bank. Present edition is addressed both to experts in international relations and broad audience of readers interested in contemporary problems of Iberoamerica.

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакционного совета.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Издание зарегистрировано в каталоге Агентства «Роспечать», [http //www.rospr.ru/](http://www.rospr.ru/).

Подписной индекс: 80603

ISSN 2409-3416

ББК 63.3 (70)
© МГИМО МИД РОССИИ, 2017

Editor-in-Chief *A. Orlov*

Deputy Editor-in-Chief *M. Larionova*

Editorial council

*N. Anikeeva, Eu. Astakhov, E. Astakhova, V. Iovenko, S. Khenkin, I. Popov, G. Romanova,
E. Voronin, A. Zenkovich*

President of Scientific and Expert council *A. Shestopal*

Scientific and expert council

*Á. Bahamonde Magro (Universidad Carlos III, Madrid, España), V. Davidov, A. L. Duffé Montalván (Université
Rennes 2, Francia), R. Guzmán Tirado (Universidad de Granada, España), E. Kozhokin, A. Kuznetsov, A. Malguin, R. del
Moral (Universidad de Virginia, EE UU), L. Okuneva (vice president), A. Podberezkin, A. Sánchez-Andrés (Universidad de
Valencia, España), N. Simonia, A. Shetinin*

Executive editor *M. Larionova*

Cuadernos Iberoamericanos. Issue 3 (17) / Editor-in-Chief *A. Orlov*, executive editor of the issue *M. Larionova* —
M.: Institute for International Studies MGIMO University, 2017. — 79 p.

ISSN 2409-3416

The publication presents the papers of the Russian and European authors which deal with various aspects of Spanish history and modernity and actual problems of socio-political and economic development of Latin America. A separate section includes articles on the Spanish language and culture. This edition is a component of the complex program of the MGIMO-University research activities and is carried out with the financial support of Santander Consumer Bank. Present edition is addressed both to experts in international relations and broad audience of readers interested in contemporary problems of Iberoamerica.

Opinions of the authors may not coincide with the opinion of the Editorial Board.

Materials are published in author's edition.

The issue is registered in «Rospechat» Agency catalog: <http://www.rospechat.ru/>

Subscription index: 80603

ISSN 2409-3416

© МГИМО МИД РОССИИ, 2017

Колонка Главного редактора

<i>Орлов А. А.</i> Кризис в Каталонии: проблемы и последствия	7
---	---

Раздел I. Ибероамерика в международном контексте: парадигмы истории и модернизации

<i>Аникеева Н. Е.</i> Иbero-американское направление внешней политики народной партии (2011–2017 гг.)	13
--	----

<i>Астахов Е. М.</i> Испанский опыт организации внешнеэкономической деятельности.	18
--	----

<i>Воронин Е. Р.</i> Уроки международного права: проблема территориальной целостности в контексте итогов американо-мексиканской войны 1846–1848 гг.	24
---	----

<i>Королева А. А.</i> Век протестной культуры: Россия и Испания.....	27
--	----

<i>Фомина О. Н.</i> Финансово-экономические потрясения и тенденции экономического развития: опыт стран Латинской Америки.....	33
--	----

Раздел II. Иberoамериканский мир в пространстве и времени: актуальные вопросы языка и культуры

<i>Fernández Bueno, Aída</i> (España) La seducción de la palabra en Noches Blancas de F. Dostoievski.	42
---	----

<i>González Trueba, Juan José</i> (España) Paisaje e identidad cultural en España.....	47
--	----

<i>Manso Vergara, Javier</i> (España) La amplitud idiomática de España: ¿Paraíso o Averno si se utiliza políticamente?.....	58
--	----

<i>Алимова Р. Р.</i> Специфика грамматических реалий и нарушений грамматических стандартов в современном дискурсе испанских газетных СМИ.	64
--	----

<i>Силин А. А.</i> Его называли «золотым пером» Испании	68
---	----

Раздел III. Научные обзоры, рецензии

<i>Fernández Bueno, Aída</i> (España) La intermedialidad textual en la cultura rusa: disputa virtual entre Nikita Mijalkov e Iván Búnin (Insolación).....	75
--	----

<i>Крюкова Е. В.</i> Рецензия на учебник Е. В. Астаховой «Испанский язык для дипломатов. Уровни B2-C1» — «Español para diplomáticos».....	77
--	----

Editor's notes

<i>Orlov A.</i> The crisis in Catalonia: problems and consequences.	7
--	---

Section I. Ibero-America in the international context: paradigm of history and modernization

<i>Anikeeva N.</i> Ibero-american direction of the external policy of the People's Party (2011–2017).	13
---	----

<i>Astakhov E.</i> The Spanish experience of foreign trade.	18
--	----

<i>Voronin E.</i> Lessons of international law: the problem of territorial integrity in the context of the outcomes of American-Mexican War (1846–1848).	24
--	----

<i>Koroleva A.</i> Century of the protest culture: Russia and Spain.....	27
--	----

<i>Fomina O.</i> Financial and economic shocks and trends in economic development: the experience of Latin American countries.	33
--	----

Section II. The Ibero-American world in space and time: topical issues of language and culture

<i>Fernández Bueno, Aída</i> (Spain) The seduction of the word in White Nights of F. Dostoevski.	42
--	----

<i>González Trueba, Juan José</i> (Spain) Landscape and cultural identity in Spain.	47
--	----

<i>Manso Vergara, Javier</i> (Spain) The idiomatic amplitude of Spain: Paradise or Averno if it is used politically?.....	58
--	----

<i>Alimova R.</i> Specificity of grammatical realities and violations of grammatical standards in the contemporary discourse of Spanish newspaper media.	64
---	----

<i>Silin A.</i> They called him the «golden pen» of Spain.....	68
--	----

Section III. Scientific reviews

<i>Fernández Bueno, Aída</i> (Spain) The textual intermediality in Russian culture: virtual dispute between Nikita Mijalkov and Ivan Búnin (Sunstroke).	75
---	----

<i>Kriukova E.</i> Review of the textbook E.V. Astakhova «Spanish for diplomats. Levels B2-C1» — «Español para diplomáticos».	77
---	----

Колонка Главного редактора

Кризис в Каталонии: проблемы и последствия

Орлов Александр Арсеньевич, директор Института международных исследований МГИМО МИД России,
Чрезвычайный и Полномочный Посланник,
профессор Кафедры дипломатии, канд. ист. наук.
ORLOV_A@mgimo.ru

Аннотация. В статье рассматриваются отдельные проблемы, порожденные кризисом в Каталонии. Автор акцентирует внимание на беспрецедентной волне русофобии, охватившей часть политического класса Испании, которая разрушает ткань российско-испанских отношений. При этом, как отмечается в статье, Испания и ее народ переживают сегодня важный период самоидентификации в новых условиях, который может завершиться успешно в том случае, если удастся избежать разделения каталонцев на победителей и побежденных.

Ключевые слова: Испания, Каталония, русофобия, сепаратизм, патриотизм.

Alexander A. Orlov, Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation.
Director of the Institute for International Studies,
Professor of the Department of Diplomacy. PhD (History).
Envoy Extraordinary and Minister Plenipotentiary

Abstract. In the article the problems created by the crisis in Catalonia are considered. The author focuses on an unprecedented wave of the russophobia that has captured a part of the political class of Spain which destroys the basis of the Russian-Spanish relations. At the same time, as it is noted in article, Spain and its people endure today an important period of self-identification in new conditions which can be completed successfully in case of avoiding the division of Catalans into winners and losers.

Keywords: Spain, Catalonia, russophobia, separatism, patriotism.

В последние месяцы Испания переживает исключительно сложный период своей современной истории, сопоставимый по своей остроте с пиковыми моментами политического транзита конца 1970-х гг. или с крайним напряжением нескольких решающих часов во время подавления попытки военного переворота, устроенного группой ностальгировавших по франкизму военных и гражданских гвардейцев в феврале 1981 г. Кризис в Каталонии, связанный с реализацией на практике идеи провозглашения независимости этого региона и ставший причиной и детонатором нынешнего осложнения ситуации в Испании, высветил целый ряд относительно новых проблем, которые прежде не выглядели первостепенными.

Одна из них — беспрецедентная волна русофобии, поразившая часть политического класса Испании. Попытка связать обострение каталонского индипендентизма с происками Москвы сама по себе смешна и не выдерживает никакой критики. Сепаратистские устремления части каталонского общества — это внутренняя проблема Испании, имеющая глубокие исторические корни, и искать ее первопричину на стороне — не делает чести испанскому политическому словию, а также тем околополитическим экспертным и научным кругам, которые включились в эту кампанию. Симптоматично, что вместе с некоторыми членами испанского правительства, сформированного консервативной «Народной партией», весьма активно в раскручива-

нии темы «русского следа» в каталонских делах участвует самая влиятельная испанская газета «Эль Паис», которая всегда считалась близкой «Испанской социалистической рабочей партии» (ИСРП). Это только подтверждает высказанный ранее в ряде моих публикаций тезис о том, что «диапазон современной западной либеральной демократии («матрицы») включает политическое пространство от левого центра (социал-демократы) до правого центра (консерваторы)»¹, позиции которых по большинству ключевых проблем современной действительности близки или совпадают, что делает возможным их сосуществование и сотрудничество в рамках правительственных коалиций².

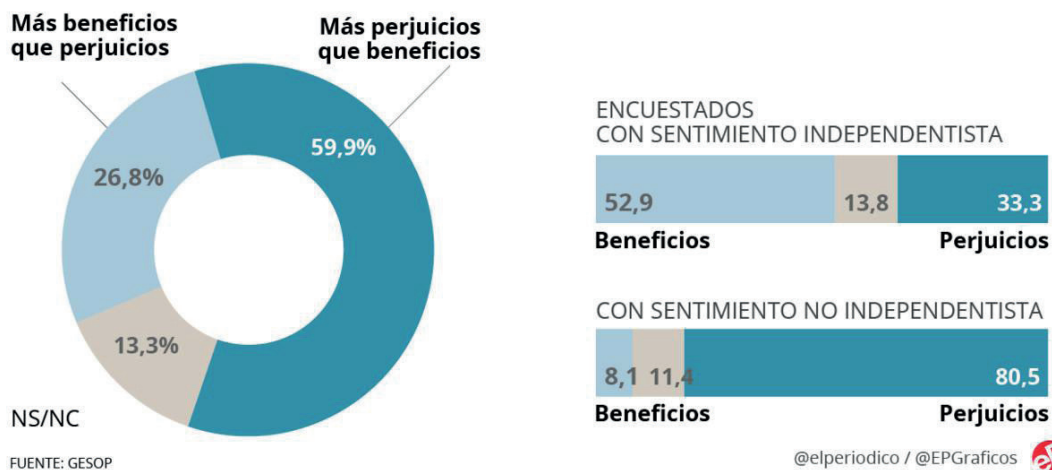
Поразивший современный либеральный мир вирус русофобии не имеет чисто испанского происхождения. Он пришел на испанскую землю издалека, из-за океана. Но этот вирус оказался очень заразным. До того, как попасть в Испанию, он поразил правящий истеблишмент целого ряда европейских государств. Жаль, что, начав размножаться в Стране за Пиренеями, он безжалостно разрушает формировавшуюся годами прочную ткань двусторонних отношений, сотканную усилиями нескольких поколений россиян и испанцев; ткань, в основу которой заложены исторические симпатии между народами двух наших стран³. Внезапно возникшая в Испании русофобия дает пищу для отдельного серьезного исследования. Обойти эту тему было бы непростительной ошибкой. Но это — домашнее задание на перспективу.

Возвращаясь к ситуации в Каталонии, отметим, что пережитые в последние месяцы каталонцами события становятся сегодня предметом для глубокого осмысления. В этом контексте будет полезно познакомить читателя с результатами опросов общественного мнения Каталонии, проведенных недавно по заказу каталонской газеты «Эль Периодико» компанией GESOP⁴.

Порядка 60 % каталонцев считают сегодня, что пятилетний сепаратистский «процесс» («procés» на каталанском) принес больше вреда, чем пользы, и только около 27 % опрошенных полагают, что дело обстоит ровно наоборот. Если поделить опрошенных на сторонников независимости и приверженцев сохранения единой Испании, то, естественно, здесь будут несколько иные предпочтения. Тем не менее даже среди индипендентистов только чуть более 50 % уверены, что «процесс» принес благо, а каждый третий из этой категории убежден в обратном. Среди противников независимости Каталонии расклад более категоричен: 80 % считают, что эксперимент принес больше вреда, на фоне незначительных 8 %, думающих иначе (См. Рис. 1).

El balance del proceso soberanista

LOS CINCO AÑOS DE 'PROCÉS' SOBERANISTA, PARA CATALUNYA HAN TENIDO...

Источник: URL: <http://www.elperiodico.com/es/politica/20171120/encuesta-catalanes-consideran-proces-perjudica-catalunya-6437054>

Рис. 1. Итоги опроса по заказу каталонской газеты «Эль Периодико» компанией GESOP.

¹ Орлов А. А. Победа Макрона во Франции: реванш либералов // Международная жизнь. — 2017. — № 6. — С. 67–77; Орлов А. А., Орлова Е. В. Обострение межэлитной конфронтации в западных странах. Методы политической борьбы // Обозреватель-Observer. — 2017. — № 8 (331). — С. 17–28.

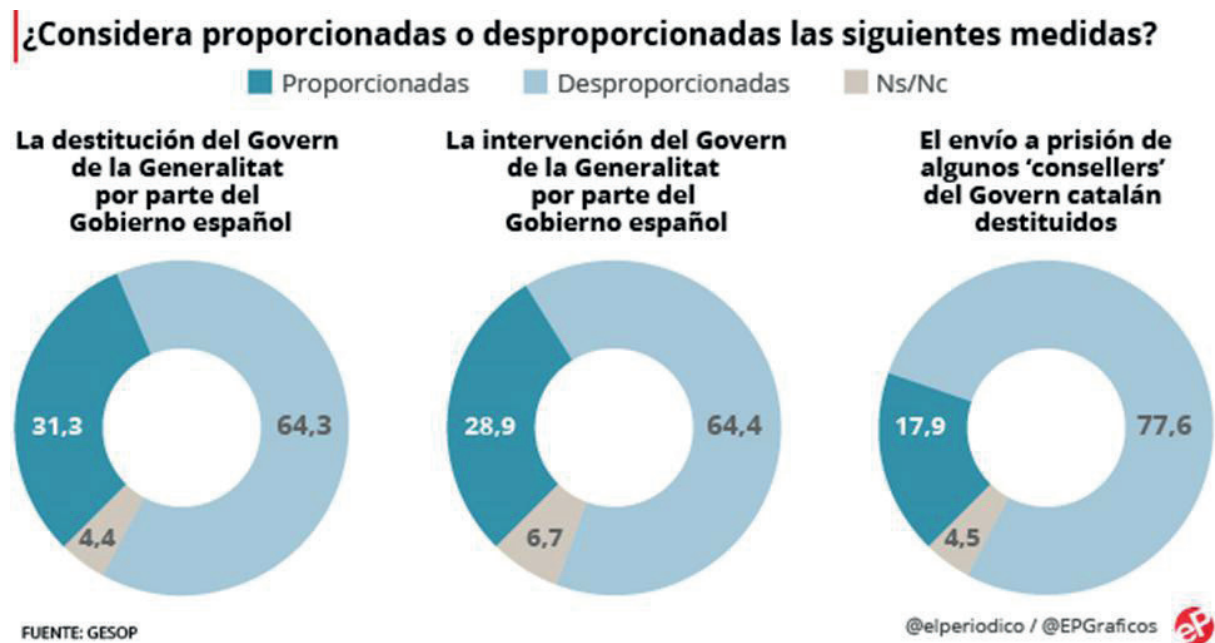
² В качестве примера приведем «большую коалицию» демохристиан и социал-демократов, существовавшую еще совсем недавно в Германии.

³ Астахова Е. В. Испания как метафора. — М.: МГИМО-Университет, 2017. — 274 с.

⁴ GESOP — Gabinet d'Estudis Socials i Opinió Pública.

В то же время каталонцы несколько иначе оценивают действия правительства Испании, предпринятые во исполнение статьи 155 Конституции страны. Так, почти две трети опрошенных (64,3 %) посчитали «непропорциональными» действия Мадрида по отстранению от выполнения своих полномочий и расформированию правительства Каталонии (т. н. «Govern») и только менее трети поддержали этот шаг испанских властей. По этому вопросу налицо глубокий раскол между каталонцами: за эту меру высказалось 95,2 % сторонников правящей в Испании «Народной партии» и 90,5 % приверженцев партии «Граждане/Ciudadanos» (обе партии сегодня весьма близки по своим политическим воззрениям), но из общего числа противников независимости ее одобрили только 53,5 %, в то время как почти все индипендентисты (97,3 %) осудили этот шаг Мадрида.

Весьма непопулярной оказалась и такая мера властей, как арест и заключение в тюрьму полковины министров («consellers») бывшего каталонского правительства (другая половина во главе с отстраненным от должности председателем Женеалитата Карлесом Пучдемоном укрылась от преследования испанских властей в Брюсселе), а также некоторых руководителей общественных организаций и движений в пользу независимости (ANC и Omnium). Не поддержали эту акцию 77,6 % опрошенных, а согласились с ней только 17,9 %. Среди сторонников независимости недовольных оказалось 99,4 %, в то время как и среди их оппонентов более 60 % также посчитали действия властей «непропорциональными» (См. Рис. 2).

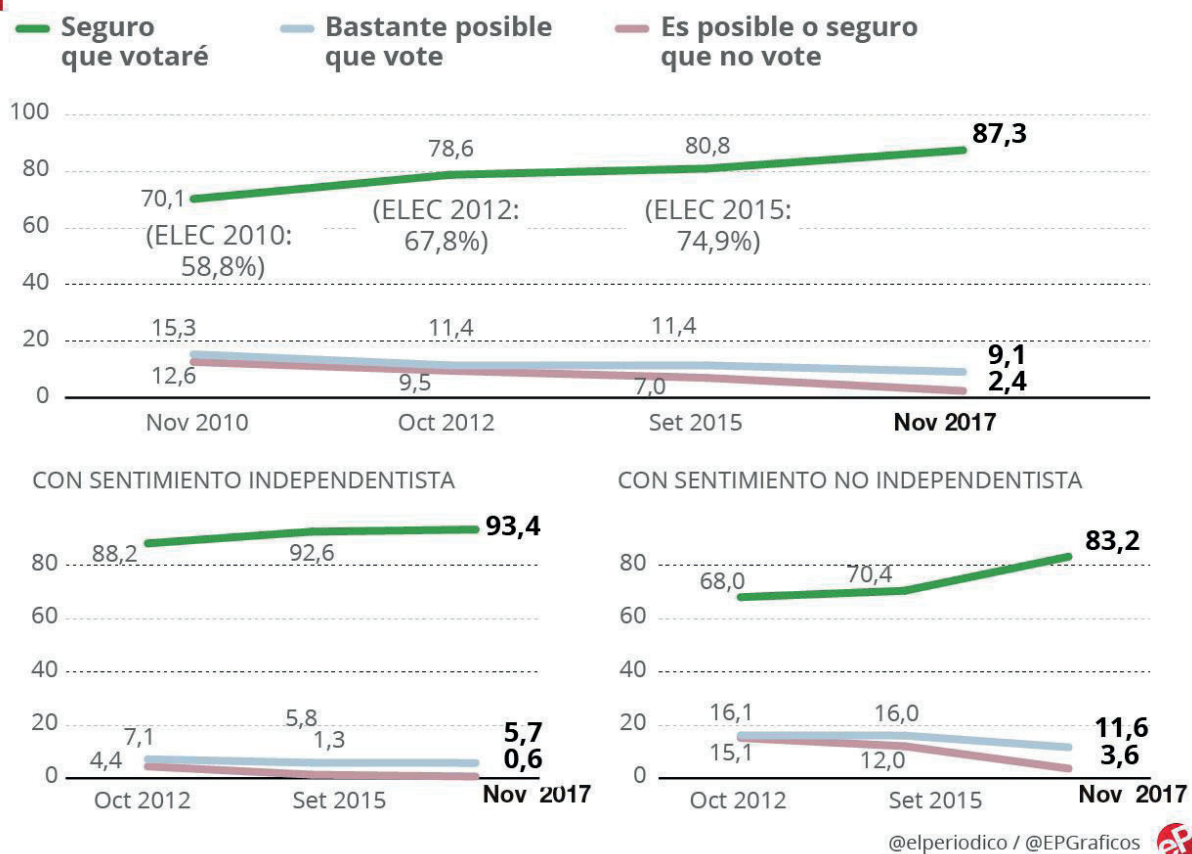
Источник: URL: <http://www.elperiodico.com/es/politica/20171120/sondeo-gesop-mayoria-catalanes-consideran-desproporcionadas-medidas-estado-catalunya-tras-dui-6437468>

Рис. 2. Итоги опроса по поводу ареста и заключения в тюрьму министров («consellers») бывшего каталонского правительства.

И, наконец, последний опрос, который касался намерения каталонцев принять участие во внеочередных (чрезвычайных) выборах в автономный парламент Каталонии, назначенных испанским правительством на 21 декабря с. г. и призванных положить конец политическому и институциональному кризису, поразившему этот регион. Поначалу было неясно, как отреагирует индипендентистский сегмент каталонского общества на назначенные «сверху» выборы, не захочет ли он их бойкотировать. В конечном итоге реакция оказалась прямо противоположной высказывавшимся опасениям. Согласно итогам опроса, предстоящие выборы могут стать рекордными по количеству принявших в них участие граждан. На данный момент почти 90 % каталонцев, обладающих правом голоса, заявили о своей готовности прийти на избирательные участки, что более чем на 10 % больше явки на предыдущие автономные выборы, где выбирался состав каталонского парламента, декларировавшего свое намерение открыть путь к провозглашению независимости Каталонии. При этом две трети опрошенных заявили, что считают буду-

щие выборы законными. Это обстоятельство имеет существенное значение для Мадрида, поскольку возможные дискуссии по поводу легитимности принятых в последние месяцы каталонскими и центральными властями различных документов могли растянуться на длительное время и затруднить восстановление стабильности в Каталонии. Вместе с тем предстоящие выборы, судя по всему, едва ли существенно изменят расклад политических сил в Каталонии и большая явка избирателей в этой ситуации может быть на руку сторонникам независимости (См. Рис. 3).

En las próximas elecciones, ¿qué hará?

Источник: URL: <http://www.elperiodico.com/es/politica/20171119/sondeo-elecciones-cataluna-participacion-6434964>

Рис. 3. Результаты опроса, который касался намерения каталонцев принять участие во внеочередных (чрезвычайных) выборах в автономный парламент Каталонии.

Каталонский кризис еще полностью не преодолен. В дальнейшем возможны его новые обострения. И каталонцам, и испанцам предстоит пройти, возможно, долгий путь от несостоявшегося расставания (в Каталонии это называется «desencuentro») к новому состоянию единства. На многих балконах в Барселоне и Мадриде сегодня по-прежнему можно увидеть разные флаги: где-то полосатые каталонские, где-то красно-желтые испанские. В обоих случаях это проявление патриотизма, правда различного. В Мадриде и других городах Испании никогда прежде не приходилось наблюдать столь зримого всплеска испанского патриотизма. Это — новое явление, порожденное противоречивыми событиями в близкой сердцах многих испанцев Каталонии.

Испания и ее народ переживают сегодня ответственный и важный период самоидентификации в новых условиях. Если этот процесс будет развиваться в правильном направлении, без попыток разделить каталонцев на победителей и побежденных, то его итогом станет восстановление и укрепление единства испанской нации, что только пошло бы на благо этой прекрасной стране⁵. Но возможен и иной вариант, при котором каталонский сепаратизм станет менее заметным в своих внешних проявлениях, но конечная цель этого политического движения останется неизменной.

⁵ Орлов А. А. Единая и неделимая родина всех испанцев // Международная жизнь. — 1998. — № 7. — С. 54—60.

Литература / References

1. *Астахов Е. М.* Задачи России в информационной войне // Международная аналитика. — 2014. — № 2 (8). — С. 136–141.
2. *Астахова Е. В.* Испания как метафора. — М.: МГИМО-Университет, 2017. — 274 с.
3. *Орлов А. А.* Единая и неделимая родина всех испанцев // Международная жизнь. — 1998. — № 7. — С. 54–60.
4. *Орлов А. А.* Победа Макрона во Франции: реванш либералов // Международная жизнь. — 2017. — № 6. — С. 67–77.
5. *Орлов А. А., Орлова Е. В.* Обострение межэлитной конфронтации в западных странах. Методы политической борьбы // Обозреватель-Observer. — 2017. — №8 (331). — С. 17–28.
6. *Попов И. В.* Сложный выбор Каталонии // Международная жизнь. — 2015. — № 11. — С. 27–42.
7. *Щербак И. Н.* Антикризисные механизмы ОБСЕ в интеграционных процессах Запад-Восток // Международная жизнь. — 2014. — № 12. — С. 45–56.
8. El 60 % de los catalanes consideran que el ‘procés’ ha sido perjudicial // URL: <http://www.elperiodico.com/es/politica/20171120/encuesta-catalanes-consideran-proces-perjudica-catalunya-6437054>
9. La mayoría de catalanes ven desproporcionadas las medidas del Estado tras la DUI // URL: <http://www.elperiodico.com/es/politica/20171120/sondeo-gesop-mayoria-catalanes-consideran-desproporcionadas-medidas-estado-catalunya-tras-dui-6437468>
10. El 87,3 % de los catalanes, decididos a votar en las elecciones del 21-D // URL: <http://www.elperiodico.com/es/politica/20171119/sondeo-elecciones-cataluna-participacion-6434964>

Раздел I.
Ибероамерика в международном
контексте

Н. Е. Аникеева

ИБЕРО-АМЕРИКАНСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ НАРОДНОЙ ПАРТИИ (2011–2017 гг.)

Наталья Евгеньевна Аникеева, д-р истор. наук, профессор
Кафедры истории и политики стран Европы и Америки
МГИМО МИД России. anikeevan@yandex.ru

Аннотация. В статье отмечается, что основным вектором внешнеполитической деятельности правительства Народной партии по-прежнему являются отношения с Латинской Америкой. Несмотря на определенные трудности, которые возникают в отношениях Испании с некоторыми из стран региона в период правления Народной партии М. Рахоя, продолжается линия на укрепление двустороннего сотрудничества с государствами Латинской Америки.

Ключевые слова: Латинская Америка, Испания, Народная партия.

Natalya Anikeeva

IBERO-AMERICAN DIRECTION OF THE EXTERNAL POLICY OF THE PEOPLE'S PARTY (2011–2017)

Abstract. The article notes that the main vector of the foreign policy activity of the People's Party Government is still relations with Latin America. Despite certain difficulties that arise in Spain's relations with some of the countries of the region during the rule of the People's Party of M. Rajoy, the line continues to strengthen bilateral cooperation with Latin American countries.

Keywords: Latin America, Spain, People's Party.

Основным вектором внешнеполитической деятельности правительства «Народной партии» по-прежнему остаются отношения с Латинской Америкой. Несмотря на определенные трудности, которые возникают в отношениях Испании с некоторыми из стран региона, при М. Рахое (2011–2017 гг.) продолжается линия правительства «Народной партии» на укрепление двустороннего сотрудничества с государствами Латинской Америки.

Важную роль продолжают играть иберо-американские саммиты. Расширению сотрудничества в рамках Иберо-американского сообщества наций (ИСН) была посвящена беседа М. Рахоя 29 февраля 2012 г. с послами стран Латинской Америки, аккредитованными в Мадриде, в штаб-квартире Генерального иберо-американского секретариата (ГИС) [1].

Очередная XXII иберо-американская встреча состоялась 16–17 ноября 2012 г. в Кадисе. Она проходила под девизом «Обновлённые отношения в год двухсотлетия Кадисской конституции». Особенностью этой встречи стал тот факт, что на ней отсутствовали первые лица следующих латиноамериканских стран: Аргентины, Венесуэлы, Гватемалы, Кубы, Никарагуа, Парагвая, Уругвая.

На мероприятии присутствовал Король Испании Хуан Карлос I. Согласно его мнению, в условиях продолжающегося финансово-экономического кризиса Испания обратила свой взор на

Латинскую Америку, а М. Рахой призвал руководствоваться в рамках ИСН принципом «единства в многообразии» и отставить в сторону имеющиеся разногласия.

По традиции на саммите были приняты заключительные документы: «Декларация Кадиса», «Программа действий» и 16 специальных коммюнике по актуальным вопросам международной жизни (в том числе, о борьбе с терроризмом, ситуации на Ближнем Востоке, защите окружающей среды и т. д.). В отдельном коммюнике выражалась поддержка дипломатических усилий Испании, претендующей на пост непостоянного члена Совета Безопасности ООН.

В частности, в «Декларации Кадиса» указывается, что значительная часть государств Латинской Америки в условиях мирового кризиса «сумела поддержать экономический рост», и это открывает новые возможности для сотрудничества в целях развития на ибероамериканском пространстве. В «Программе действий», в свою очередь, в числе конкретных задач называется подготовка «дорожной карты» мер, направленных на повышение эффективности ибероамериканских организаций и усиление международных позиций ИСН.

Одним из практических решений стало образование рабочей группы, в задачу которой входила подготовка предложений по совершенствованию механизмов деятельности ИСН и обновлению его институтов. Эти рекомендации должны были быть рассмотрены на следующем, XXIII ибероамериканском саммите в октябре 2013 г. в Панаме [2].

Руководство Испании во главе с Мариано Рахоем принимало участие в саммите стран ЕС и Содружества стран Латинской Америки и Карибского бассейна (Celas), который начал свою работу 26 января 2013 г. в городе Сантьяго де Чили. Во встрече приняли участие 27 европейских и 33 латиноамериканских государства. Участники встречи единогласно приняли «декларацию Сантьяго» и «План действий на 2013–2015 гг.». В этих документах государства подтвердили необходимость создания прозрачного правового режима для инвесторов и заявили, что будут стараться избегать односторонних протекционистских мер в экономике, упомянули о неприемлемости экстерриториальных экономических ограничительных мер, в частности принятого в США закона Хелмса — Бертон о санкциях против иностранных компаний, торгующих с Кубой [3, С. 56–57].

Для Испании неизменным приоритетом остается укрепление связей между ЕС и Латинской Америкой. Второй саммит ЕС — СЕЛАК состоялся 11 июня 2015 г. в Брюсселе и обозначил новый этап в сотрудничестве. Испания дала старт процессу изучения и формулирования возможных предложений для интенсификации отношений, результаты которого были представлены на встрече министров иностранных дел ЕС и СЕЛАК 25–26 октября 2016 г. Испания внесла значимый вклад в этот процесс, выдвинув ряд предложений в сфере экономического и политического сотрудничества. Помимо развития этого формата сотрудничества между двумя регионами, в последние месяцы Испания активно работала над заключением Соглашения о политическом диалоге и сотрудничестве между ЕС и Кубой. ЕС и Куба подписали соглашение о нормализации отношений — Договор о политическом диалоге и сотрудничестве 12 декабря 2016 г. [4].

14 января 2012 г. наследный принц Испании Фелипе Астурийский посетил Никарагуа и Гватемалу. В январе 2012 г. в Мадриде побывал президент Перу О. Умала. Новый король Испании Филипп VI прибыл в Веракрус (Мексика) 9 декабря 2014 г. для участия в первом латиноамериканском саммите в качестве главы государства. Президент Эквадора Рафаэль Корреа 30 января 2017 г. побывал с визитом в Мадриде, в ходе которого встретился с королем Филиппом VI. В ходе двусторонней беседы глава Эквадора рассмотрел состояние отношений между странами, а также выразил признательность за поддержку в подписании торгового соглашения между Эквадором и ЕС 11 ноября 2016 г. [5, с. 267–270].

Кризис в испанской экономике снизил объёмы экспорта из Латинской Америки в Испанию. Испанские инвестиции в регион продолжали поступать, однако компании стремились найти наиболее привлекательные условия для вложения капитала. К примеру, в 2011 г. доля перуанского экспорта в Испанию составила 3,5 %, аргентинского — 2,9 %, чилийского — 1,9 %.

В 2011 г. М. Рахой сразу после вступления в должность своим приоритетом во внешней политике определил экономическую дипломатию [6]. Мадрид стал активно помогать своим компаниям, оказавшимся в сложнейшем положении в условиях кризиса.

Особо следует отметить непростые испано-аргентинские отношения. Президент Аргентины Кристина Фернандес де Киршнер в апреле 2012 г. внесла в национальный парламент законопроект о национализации нефтяной компании «Yacimientos Petroliferos Fiscales» («YPF»), которая является дочерней компанией испанской «Репсоль». Мадрид решил отстаивать свои наци-

ональные интересы. В Брюсселе позиции Испании была оказана поддержка. В итоге между сторонами возник острый экономический и дипломатический конфликт [7, с. 112–116]. Испанская сторона предлагала аргентинской решить спорные вопросы путем диалога. К президенту по этому поводу даже обращался король Испании Хуан Карлос I. Не помогло и оказанное на правительство давление Аргентины со стороны ЕС. Фернандес де Киршнер была непреклонна, заявив, что «продолжение политики затрат на нефтедобычу, а не на производство практически делает уровень экономического роста страны нежизнеспособным». Таким образом, власти Буэнос-Айреса в своем решении пошли до конца, что вызвало в испано-аргентинских отношениях политико-юридическое противостояние [8]. На данном этапе отношения Испании и Аргентины переживали серьезный кризис. Эти действия аргентинского правительства спровоцировали резкую негативную реакцию как Испании, так и всего ЕС. Решение Киршнер о национализации испанской компании было положительно воспринято аргентинскими соседями по региону, а многочисленные попытки Испании «наказать» Буэнос-Айрес международной экономической изоляцией не удались [9].

Председатель правительства Испании Мариано Рахой заявил, что «решение Аргентины об экспроприации “Репсол” заставляет усомниться относительно надежности этой страны как экономического партнера и создает опасный прецедент, тем не менее Испания продолжит инвестировать в экономику Латинской Америки». Глава внешнеполитического ведомства Хосе Мануэль Гарсия-Маргальо назвал шаг аргентинских властей «враждебным» и пообещал принять в ответ «жесткие и последовательные меры». А министр промышленности, энергетики и туризма Хосе Мануэль Сория заявил, что «каждый жест враждебности, направленный против испанской компании в любой части света, будет рассматриваться испанскими властями как враждебный жест против Испании и ее правительства».

На упомянутом XXII Иberoамериканском саммите тема национализации YPF практически не затрагивалась. На саммите отсутствовала президент Киршнер [10].

На данном этапе отношения с Аргентиной Государственный секретарь министерства Иностранных дел Испании Хесус Грасиа Альдас охарактеризовал как «трудные» [11]. Испанская сторона не может простить национализацию YPF. Однако Испанию и Аргентину связывают торгово-экономические обязательства друг перед другом, Испания продолжает быть крупнейшим инвестиционным партнером Аргентины.

У Мадрида и Буэнос-Айреса дипломатические отношения на исследуемом этапе находились в сильной зависимости от присутствия испанских ТНК в Аргентине и испанских прямых иностранных инвестиций. Начиная с правления Нестора Киршнера, принявшего за политику национализации, отношения претерпели заметное охлаждение, а в итоге произошла национализация администрацией президента Киршнер испанской нефтяной компании YPF. Принимая во внимание огромный экономический потенциал Аргентины, Испания старается сгладить углы. Однако стоит иметь в виду, что Буэнос-Айрес также сильно рискует, ведя агрессивную политику по национализации иностранных предприятий — это может негативно сказаться на его привлекательности для иностранных инвесторов, в которых растущая экономика Аргентины сильно нуждается.

После прихода к власти «Народной партии» внешнеполитический курс Испании в отношении Бразилии практически не изменился. На встрече с главой партии ИСРП А. Рубалькабой М. Рахой отметил, что на латиноамериканском направлении в целом он будет придерживаться консенсуса с социалистами [13]. Новое правительство сделало ставку на новую и прагматичную экономическую дипломатию [14]. В июне 2012 г. король Испании Хуан Карлос I посетил Бразилию для встречи с президентом Дилмой Руссефф. Визит проходил на фоне обострившегося кризиса с правительством Аргентины, поэтому Хуан Карлос I подчеркнул при разговоре с бразильским лидером желание испанских предпринимателей сотрудничать с Бразилией — страной, которая уважает принцип законной безопасности иностранной частной собственности [15]. Руссефф со своей стороны подчеркнула важность сотрудничества с Испанией для ее страны.

На Иberoамериканском саммите 2012 г. в Кадисе Рахой в своей речи подчеркнул привлекательность Испании и ЕС для Латинской Америки [16]. Президент Бразилии Руссефф принимала активное участие в саммите, после которого состоялись встречи с королем Хуаном Карлосом I и председателем испанского правительства М. Рахоем. На них обсуждались экономические аспекты сотрудничества.

Особая необходимость в налаживании и укреплении отношений с Бразилией возникла вследствие ухудшения отношений с Буэнос-Айресом после национализации контрольного пакета акций Репсол в компании YPF [18].

После проведения в 2013 г. в Венесуэле новых президентских выборов, победителем на них стал Николас Мадуро — сторонник курса У. Чавеса, бывший долгое время министром иностранных дел Венесуэлы. Минимальный отрыв в 200 тыс. голосов избирателей и высокая активность оппозиционного лидера Энрике Каприлеса привели к тому, что последний не признал результаты выборов, заявляя, что Венесуэла «расколота», и требовал пересчета голосов [19].

Таким образом, Венесуэла после окончания выборов находилась в политическом кризисе. Испания, наряду с ЕС и США, была не удовлетворена результатами выборов, поначалу потребовав пересчета голосов, чем спровоцировала дипломатический кризис между Мадридом и Каракасом. Для его улаживания министру иностранных дел Испании Маргальо пришлось лично выступить с опровержением информации о непризнании Мадуро новым лидером Венесуэлы. Президент Николас Мадуро подтвердил свою приверженность курсу Чавеса, пообещав продолжить дело Боливарианской революции.

В июле 2017 г. премьер-министр Мариано Рахой выступил с заявлением, в котором осудил нападение на венесуэльский парламент, совершенное сторонниками президента Николаса Мадуро.

Трудности экономического и политического характера привели к пересмотру модели отношений Испании с некоторыми странами Латинской Америки, особенно ввиду вышеописанных событий в Аргентине. По заявлениям Рахоя, он надеялся придать новый импульс отношениям Испании с Латинской Америкой, ведь на данный момент иберо-американские саммиты не выполняют всех поставленных задач. Процесс реформирования начался на саммите в Кадисе в 2012 г., а закончился на саммите в Веракрус в 2014 г. Результатом реформ стало решение проводить саммиты раз в два года, между которыми будет проходить саммит ЕС — СЕЛАК, расширить возможности неформального общения между главами государств и правительств, расширить полномочия Генерального ибероамериканского секретариата в сфере сотрудничества, стремиться к интеграции пяти ибероамериканских организаций (Генерального ибероамериканского секретариата, Иберо-американского бюро просвещения, Ибероамериканской организации социального обеспечения, Международной организации ибероамериканской молодежи и Конференции министров юстиции ибероамериканских стран) под эгидой Генерального ибероамериканского секретариата [20].

М. Рахой стремился усилить влияние Испании в латиноамериканском регионе. Сделать это становилось все сложнее из-за традиционно влияния США в Мексике, в государствах Центральной Америки и Карибского бассейна, из-за растущего лидерства Бразилии в делах Латинской Америки в целом, а также из-за такого стратегически важного актора, как Китай. Необходимо также учитывать сложный комплекс энергетических вопросов и особенности как экономического и политического развития каждой из стран, так и социально-культурного.

Следует напомнить, что длившийся более десяти месяцев политический кризис в Испании был преодолен 3 ноября 2016 г. Правительство «Народной партии» Испании во главе с Мариано Рахоем было приведено к присяге. В стране не были назначены третьи за год парламентские выборы на декабрь 2016 г. в связи с тем, что ранее, после проведения первых (декабрь 2015 г.) и вторых (июнь 2016 г.), кандидатура Рахоя дважды не была одобрена в парламенте. В итоге был сформирован новый состав правительства.

Новым главой МИД стал Альфонсо Дастис Кеседо. Выступая в декабре 2016 г. перед Комитетом по международным отношениям Конгресса депутатов, министр иностранных дел Испании правительства М. Рахоя вновь подтвердил, что испанская внешняя политика держится на трех основах: Европа, Ибероамерика и Средиземноморье [21].

В 2017 г. одни из первых заявлений правительства «Народной партии» в отношении стран Латинской Америки были связаны с поддержкой Мексики в ситуации обострения отношений с США после прихода к власти президента США Дональда Трампа, в связи с его решением начать строительство стены на границе с Мексикой. Рахой, в свою очередь, подчеркнул, что обе страны (Мексика и Испания) поддерживают очень прочные исторические и персональные связи [22].

Внешняя политика М. Рахоя подразумевает беспристрастное и прагматичное отношение с партнерами в латиноамериканском регионе во имя продвижения внешнеполитических интересов Мадрида. Таким образом, в будущем отношения между странами будут продолжать развиваться в позитивном ключе.

Литература /References

1. URL : <http://segib.org/news/2012/02>
2. Яковлев П. Ибероамериканский саммит-2012: неоднозначные результаты. — URL: iberoamerikanskij_sammit-2012_neodnoznachnyje_rezultaty_2012-12-11.htm
3. Аникеева Н. Е. Испания в период правления Хосе Луиса Родригеса Сапатеро (2004–2011 гг.). — М.: МГИМО-Университет, 2013. С. 56–57.
4. ЕС и Куба подписали соглашение о нормализации отношений // ТАСС. 12.12.2016 [Электронный ресурс]. — URL: <http://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/3863866> (Дата обращения: 10.09.2017).
5. Аникеева Н. Е. Внешняя политика Испании в конце XX — начале XXI века. — М.: МГИМО-Университет, 2016. С. 269–270.
6. Яковлев П. П. Внешняя политика нового правительства Испании. 27.04.2012. — URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/europe/vneshnaja_politika_novogo_pravitelstva_ishpanii_2012-04-27.htm
7. Аникеева Н. Е. Новое во внешней и внутренней политике правительства Мариано Рахоя // Вестник МГИМО-Университета. — 2012. № 6 (27). — С.112–116.
8. Там же.
9. El pais. 2012. 10 de abril.
10. Intervención de los mandatarios iberoamericanos ante el plenario de la Cumbre. — URL: <http://www.cumbreiberoamericana.es/cumbreiberoamericana/es/content/intervención-de-los-mandatarios-iberoamericanos-ante-el-plenario-de-la-cumbre>
11. Guido Braslavsky. Por Repsol, España dice que la relación con Argentina es difícil. Clarín. — URL: http://www.clarin.com/politica/Repsol-Espana-relacion-Argentina-dificil_0_910708954.html
12. URL: <http://www.rbcdaily.ru/2012/05/03/world/562949983726710>
13. El presidente del Gobierno recibe al secretario general del PSOE. 15 de febrero de 2012. — URL: <http://www.lamoncloa.gob.es/>
14. Яковлев П. П. Внешняя политика нового правительства Испании // Портал «Перспективы», 27.04.2012. — URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/europe/vneshnaja_politika_novogo_pravitelstva_ishpanii_2012-04-27.htm
15. Яковлев П. П. Испания в мировой политике. — М.: ИЛА РАН, 2011. — С. 214.
16. URL: <http://www.lamoncloa.gob.es/Presidente/Intervenciones/Discursos/2012/prdi20120229.htm>
17. Яковлев П. П. Испания в мировой политике. — М.: ИЛА РАН, 2011. С. 214.
18. Там же.
19. Henrique Capriles no reconoce resultado electoral hasta que haya recuento voto a voto. Correo Confidencial.com. 14.04.2013. — URL: <http://correoconfidencial.com/archivos/43644>
20. García-Margallo J. Todos los cielos conducen a España. Cartas desde un avión. — Barcelona, 2015. — P. 424.
21. Comparecencia del señor ministro de Asuntos Exteriores y de Cooperación, Dastis Quecedo, para informar sobre las líneas generales de la política de su departamento // Diario de Sesiones del Congreso de los Diputados. Comisiones. Sesión no 8. 21.12.2016. P. 3. [Электронный ресурс]. — URL: http://www.congreso.es/public_oficiales/L12/CONG/DS/CO/DSCD-12-CO-84.PDF (Дата обращения: 15.01.2017).
22. Испания поддержала Мексику в ситуации обострения отношений с США [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.ria.ru> (Дата обращения: 01.02.2017).

Е. М. Астахов

Испанский опыт организации внешнеэкономической деятельности

Евгений Михайлович Астахов, канд. истор. наук,
профессор Кафедры дипломатии МГИМО МИД России.
dipc@mgimo.ru

Аннотация. В статье анализируются основные элементы организации внешнеэкономической деятельности Испании. Подчеркивается, что основным фактором её эффективности является координация испанской внешнеэкономической политики правительством, что позволяет проводить в этой сфере единую государственную политику.

Ключевые слова: Испания, внешнеэкономическая политика, Институт внешней торговли, поддержка экспорта, рыночная экономика, государственная политика.

Evgeny Astakhov

The Spanish experience of foreign trade

Abstract. This paper analyzes basic elements of economic activity of Spain abroad. The author underlines that the main factor of its efficiency is government coordination, which permits elaboration of state foreign policy in economic sphere.

Keywords: Spain, economic policy abroad, Institute of foreign trade, export support, market economy, state policy.

В последние годы международные экономические отношения все более подчиняются геополитическим раскладам, подчас в ущерб национальным экономическим интересам самих инициаторов геополитических игр. Возникает ощущение, что классические представления о «политике как концентрированном выражении экономики» теряют свою актуальность [1].

В современной практике мирохозяйственных связей скорее политика определяет экономическую деятельность, а не наоборот, как это было прежде. Это просматривается в реальной политике США и их ближайших союзников по НАТО не только в отношении Китая, России и других конкурентов, но и в экономическом взаимодействии между странами самого натовского лагеря. «Внутриусобные» противоречия стали особенно заметными при Д. Трампе.

В «золотом миллиарде» Испания находится на старых ролях и не имеет решающего голоса в определении глобальной политики «коллективного Запада». Испания не свободна от блоковой дисциплины и вынуждена подчиняться решениям Брюсселя. Вместе с тем Испания не является инициатором, в отличие, например, от Польши, значимых внешнеполитических решений НАТО и Европейского Союза. Фактически Испания пользуется своеобразной автономией и по некоторым направлениям может проводить свою внешнеэкономическую политику исходя, прежде всего, из собственных национальных интересов.

В этом контексте в эпоху санкционных войн испанский опыт организации внешнеэкономической деятельности представляет практический интерес.

Продвижение испанских экономических интересов за рубежом осуществляется на нескольких уровнях. На правительственном уровне главная роль во внешнеэкономической деятельности принадлежит **Министерству экономики, промышленности и конкурентности** (Ministerio de

Economía, Industria y Competitividad), аналогу российского Минэкономразвития. Конкретная работа осуществляется Институтом внешней торговли — ICEX, который с июля 2012 г. согласно декрету правительства стал именоваться **ICEX España Exportación e Inversiones (ICEX)** — Институт экспорта и инвестиций. В последнее время МИД Испании пытается усилить своё влияние в решении внешнеэкономических вопросов. По его инициативе принято принципиальное решение о создании межведомственной комиссии, представляющей МИД, Министерство экономики, промышленности и конкурентности и другие профильные ведомства, имеющие интересы во внешнеэкономической сфере. Упомянутые министерства и ведомства представлены в специальной комиссии на уровне статс-секретарей или Генеральных директоров. Комиссия принимает политические решения, обеспечивает их реализацию соответствующими бюджетными ассигнованиями.

В испанских посольствах коммерческие сотрудники, непосредственно занимающиеся экономической работой, представляют Институт экспорта и инвестиций. Многие из них не имеют дипломатических паспортов и не обладают дипломатическим иммунитетом. Однако в крупных посольствах руководители коммерческих отделов имеют дипломатические паспорта. Второй официальный уровень — исполнительные власти автономных областей. Основные функции и методы работы — примерно те же, что и у центрального правительства. Однако деятельность автономных властей направлена на поддержку только местных производителей. В последние годы их деятельность, особенно Страны Басков и Каталонии, резко активизировалась. Они добились от центрального правительства права открывать свои собственные торговые представительства за рубежом. Эта тенденция серьёзно беспокоит Мадрид с учётом растущих сепаратистских настроений упомянутых автономных областей, особенно Каталонии.

Третий уровень — национальный частный капитал. Он работает на внешних рынках самостоятельно, используя собственную информативную базу. Вместе с тем испанские бизнесмены в праве обращаться за содействием в государственные структуры, в том числе к их представительствам за рубежом. Однако практика показывает, что ICEX, его заграничный аппарат и представительства в ведении автономных и муниципальных образований оказывают содействие частному бизнесу на платной основе.

ICEX был создан за счёт выделения «государственных инвестиций чрезвычайного характера» в 1982 г. За прошедшие годы это государственное учреждение претерпело неоднократные реорганизации. Среди основных сфер деятельности ICEX выделяются: разработка и осуществление программ продвижения торговли на зарубежные рынки; повышение квалификации и подготовка специалистов по внешней торговле; стимулирование инвестиционных проектов, производственное размещение и предпринимательское сотрудничество на зарубежных рынках. ICEX предоставляет помощь малым и средним предприятиям Испании в реализации проектов за рубежом.

Одним из основных направлений деятельности ICEX является организация, финансирование и непосредственное осуществление подготовки и распространения внешнеэкономической информации. Институт предоставляет в открытом доступе через сеть интернет-ресурсов сведения о внешнеэкономических связях и регулирующем их законодательстве, информацию по группам товаров, по рынкам отдельных стран. Аналитические и информационные материалы готовятся в плановом порядке в рамках финансово обеспеченных программ этой организации. Значительные объёмы информации о зарубежных рынках подготавливаются с помощью 94 торгово-экономических отделов Посольств Испании. ICEX организует подготовку информации об инвестиционном климате и возможностях в конкретных странах и ведёт базу данных INFOICEX, содержащую конкретные предложения по внешнеэкономическому сотрудничеству.

Для информирования иностранных партнёров портал www.icex.es предлагает специальные справочники по испанским фирмам. С помощью электронной системы он распространяет ежедневно сортированную информацию о деловых возможностях за рубежом для фирм. ICEX осуществляет свою деятельность в тесном сотрудничестве с региональными администрациями (многие из которых создали собственные организации поддержки экспорта), а также в координации с планами Высшего Совета торговых палат и отраслевыми объединениями экспортёров Испании [2].

Политико-дипломатическое содействие продвижению испанского экспорта (помимо сети испанских посольств) оказывает **Испанское агентство международного сотрудничества для развития (AECID)**, которое было создано в 1988 г. как независимая организация при Министерстве иностранных дел и сотрудничества Испании.

Исполняя функцию управления испанской политикой международного сотрудничества для развития, это агентство содействует формированию благоприятного имиджа Испании и достижению внешнеэкономических интересов, в частности, через продвижение испанского языка и культуры за рубежом, развитие международного сотрудничества и культурных связей, субсидирование и финансирование проектов и соглашений; управление программ технического содействия.

Подготовка специалистов в интересах последующего привлечения их к реализации внешней политики (в том числе, продвижение экспорта) осуществляется путём предоставления стипендий испанским гражданам для обучения за рубежом и иностранным гражданам для обучения (испанскому языку или различным дисциплинам) в Испании. Функцию оператора выделения государственных стипендий на эти цели исполняет это агентство, которое определяет ежегодные приоритеты по странам и дисциплинам.

Для осуществления своей деятельности AECID располагает широкой зарубежной сетью: 36 технических центров сотрудничества, 12 культурных центров, 3 образовательных центра. Среди приоритетных направлений, помимо развития демократии, обеспечения социальными потребностями, охраны окружающей среды, особая роль отводится продвижению предпринимательства [3].

Институт официального кредитования предоставляет кредитование экспорта и финансирование зарубежных инвестиций испанским компаниям. Институт официального кредитования (ICO) был создан в 1993 г. и является государственным учреждением при Государственном секретариате по экономике и поддержке предпринимательства Министерства экономики, промышленности и конкурентной способности Испании. Институт располагает собственными финансовыми средствами, а также автономией для выполнения поставленных перед ним задач. Помимо осуществления функций институционального заёмщика за счёт собственных средств, эта организация действует как финансовый агент от имени государства, управляя инструментами государственного финансирования экспорта и развития [4].

Основным инструментом государственного содействия испанским компаниям в их деятельности за рубежом является **Фонд продвижения развитию (FPD)**, который заменил Фонд содействия развитию (FAD), созданный в 1976 г. испанским государством с целью оказания финансовой помощи другим, в первую очередь развивающимся странам, их государственным организациям или компаниям-резидентам, а также многосторонним финансовым институтам [5].

С 2010 г. этот фонд служит инструментом финансового сотрудничества на межгосударственном уровне, поэтому финансируемые им проекты должны быть приоритетными для властей страны-бенефициара. FPD пополняется за счёт средств, которые ежегодно ассигнуются в соответствующих законах о государственном генеральном бюджете Испании. Другим источником FPD являются доходы, получаемые от ранее проведённых операций, а также проценты и комиссионные на выданные кредиты. За счёт FPD оказываются различные виды помощи: кредиты или дотации, взносы, финансирование оценки жизнеспособности проектов. Испания выделяет из этого фонда до 70 % общей стоимости проекта, а 30 % должна вложить страна, в которой осуществляется проект. Одним из условий выделения средств из этого фонда является то, что основным контрактором по данному проекту должна быть испанская компания, которая для реализации проекта нанимает местных подрядчиков, экспертов. Таким образом, страна, инициирующая проект с испанской помощью, получает выгоду в виде реализованного проекта и создания новых рабочих мест, а Испания как страна-донор содействует своим компаниям в выходе на новые рынки, получении контрактов, участии в крупных международных проектах в стране-бенефициаре.

Решение о предоставлении кредита FPD принимается правительством Испании на основе предложения специально созданной межведомственной комиссии. В качестве государственного агента, заключающего и исполняющего кредитные соглашения, выступает Институт официального кредитования. Государственная организация страны-бенефициара должна представить подготовленный проект на любую социально-экономическую тему, касающуюся страны в целом, области, региона или города. Приоритетными направлениями финансирования проектов из этого Фонда являются водоснабжение, окружающая среда, электроснабжение, телекоммуникации, информационные технологии, информатика, информационное общество, картография.

Значительную роль в продвижении испанского экспорта и участия испанских компаний в зарубежных проектах играет **Линия финансирования экономической политики**, открытая

в рамках ICO. За счёт средств этой линии возможно финансирование проектов оценочной деятельности. При этом выявляются возможности осуществления конкретных проектов; проводится анализ определённого региона или отрасли с целью идентификации программ и проектов, которые могут быть интересны для испанских компаний; оказываются консалтинговые услуги при проведении институциональной модернизации на экономическом уровне (консультации, подготовка институциональных реформ, подготовка кадров, разработка норм и регламентов, техническое содействие и пилотные проекты).

Средства этого механизма применяются на государственном, многостороннем и частном уровнях. Первое осуществляется путём предоставления донорской помощи правительства Испании правительству страны-бенефициара для оплаты испанского консультанта, выбранного на основе конкурса. В рамках многостороннего участия из Линии финансирования экономической политики вносятся средства в испанские консультационные фонды многосторонних организаций развития, членами которых является Испания. Например, Испания имеет три специальных фонда поддержки испанских консалтинговых компаний при Межамериканском банке развития.

Институт официального кредитования Испании содействует привлечению частных финансовых компаний к кредитованию экспортных операций с помощью механизма, который получил наименование Контракта о взаимном урегулировании интересов (CARI). Этот инструмент основан на соглашении, заключаемом между ICO, представляющим интересы государства, и субъектом финансового рынка. Главной особенностью указанного механизма является установление сторонами фиксированной ставки кредитования, которая каждые шесть месяцев сверяется с базовыми показателями банковского рынка. Если показатель банковского рынка вырос по сравнению с установленной ранее ставкой, то ICO в соответствующем объёме покрывает это увеличение. В противном случае — кредитор возмещает ICO возникающую разницу.

На практике кредитование экспорта, осуществляемое на основе контракта CARI, имеет три основные разновидности:

- кредитование иностранного покупателя (финансовая компания заключает кредитное соглашение с иностранным покупателем; испанский экспортер получает возмещение за отгруженный товар;
- кредитование национального поставщика (в качестве заёмщика средств выступает экспортер; иностранный покупатель имеет обязательства только перед продавцом в соответствии с условиями коммерческой сделки);
- кредитная линия (финансовая компания предоставляет, как правило, банку страны покупателя определённую сумму, предназначенную для финансирования нескольких коммерческих сделок).

Кредитная часть составляет 85 % от общей стоимости сделки, а 15 % иностранный покупатель должен оплатить продавцу непосредственно. В кредитную часть может включаться стоимость фрахта, страхование транспортировки и кредита (если указанные услуги предоставляются испанскими фирмами), а также некоторые другие платежи, например комиссионные. Валютой кредита является, как правило, евро. Однако допускается предоставление кредита в иной валюте, котирующейся на валютном рынке Испании.

Содействием испанскому производственному экспорту и инвестиций в развивающиеся страны занимается Испанская компания финансирования развития (COFIDES). Она создана в 1990 г. с целью оказания финансовой поддержки испанских предприятий за рубежом, содействуя тем самым экономическому развитию вышеуказанных стран [6].

Эта компания представляет собой пример частно-государственного партнёрства как акционерное общество, членами которого являются государственные учреждения: Институт внешней торговли (38,1 %), Институт государственного кредитования (15,3 %), а также крупные испанские банковские группы — Santander (6,9%), BBVA (6,9%) и другие.

COFIDES, применяя среднесрочное планирование, использует финансовые механизмы на трёх стадиях: преинвестиционная, инвестиционная и постинвестиционная. Она управляет имеющимися в её распоряжении фондами по следующим направлениям:

- 1) долгосрочное финансирование инвестиционных проектов (отобранных и финансируемых Межамериканским банком развития) испанских компаний в странах Латинской Америки;
- 2) помощь проектам в Латинской Америке и Азии, финансируемым Европейским инвестиционным банком;

- 3) финансовая помощь испанским компаниям туристического сектора, инвестирующим в развивающиеся страны;
- 4) финансовая помощь испанским компаниям, занимающимся проблемами окружающей среды, инвестирующим в развивающиеся страны;
- 5) помощь испанским компаниям, инвестирующим в сферу услуг за рубежом;

За период своей деятельности эта компания утвердила более 340 инвестиционных проектов в 48 странах, в ряде которых она имеет свои офисы.

Государственное страхование экспортного кредитования является ключевым звеном всей системы поддержки экспорта. Без страхового полиса, выдаваемого испанской **государственной компанией по страхованию экспортных кредитов (CESCE)**, банк не откроет финансирование экспортной сделки.

CESCE была учреждена в 1970 г. в целях содействия интернационализации испанских компаний, путём страхования и перестрахования их операций в области внешней торговли. Эта компания имеет статус акционерного общества, в котором контрольный пакет принадлежит государству. Её акционерами также являются основные банки и страховые компании Испании, поэтому она выступает на рынке страхования кредитов как от имени государства, так и от имени акционерного общества [7].

За счёт государственных средств CESCE обеспечивает страхование политических рисков, связанных с невозможностью осуществления переводов валютных средств, неплатёжеспособностью государственных организаций-покупателей, форс-мажорными обстоятельствами (стихийные бедствия, военные действия и пр.). За счёт собственных средств CESCE обеспечивает страхование коммерческих рисков, связанных с фактической неплатёжеспособностью иностранных партнёров, длительной задержкой их платежей, официально объявленным состоянием банкротства или прекращением платежей.

CESCE принимает на себя обязательство перед страхователем (банком или экспортёром) при наступлении страхового случая (невозврат кредита) возместить соответствующие платежи, предусмотренные договором страхования. Страховой полис CESCE покрывает за счёт государства политические риски на любой период времени, риски чрезвычайного характера, а также коммерческие риски на длительный период (операции со сроком исполнения, превышающим 3 года). За счёт компании покрываются коммерческие риски, связанные с краткосрочными (менее 3 лет) операциями. Размер взимаемой страховой премии зависит от того, к какой из 7 категорий риска принадлежит страна, в которой находится иностранный контрагент. Для каждой страны и отдельных видов операций устанавливаются также лимиты страховых гарантий по краткосрочным операциям.

Основными видами страхового полиса, выдаваемого CESCE, являются: страхование в пользу банка, финансирующего экспортную операцию, на случай невозврата кредита иностранным покупателем или его гарантом и страхование в пользу экспортёра, поставившего товары в кредит; от рисков неплатежей. В обоих случаях страхование может покрывать до 94 % коммерческих и 99 % политических рисков.

За годы своей активной деятельности эта компания стала лидером в страховании экспортных кредитов и зарубежных испанских инвестиций. Период расширения деятельности CESCE связан с политикой экспансии и диверсификации испанских предприятий в начале 1990-х гг. CESCE превратилась в группу компаний путём создания филиалов и участия в капитале других компаний в Испании, Латинской Америке, Европе. В настоящее время она обеспечивает более 50 % объёма внутреннего рынка перестрахования коммерческих операций, является активным членом различных национальных и международных ассоциаций, связанных со страхованием кредитов.

Проведённый обзор основных государственных компаний, обеспечивающих исполнение государственной политики поддержки экспорта и управление выделяемых государством на эти цели средств, свидетельствует, что они располагают различными программами и инструментами содействия испанским экспортноориентированным компаниям, которые отвечают следующим критериям:

- а) со-финансирование — не предоставляется 100 % финансирования деятельности компаний за рубежом, то есть компания должна финансировать какую-либо часть, а доля помощи зависит от вида программы и рынков, на которые она направлена [8];
- б) приоритетность финансирования и помощи малому и среднему бизнесу по сравнению с компаниями, располагающими собственными крупными средствами (при

- определении уровня компании — малой или средней — применяются рекомендации комиссии Европейского союза);
- в) функционирование каждой программы требует подачи заявок и предоставления отчётов, сложность которых зависит от программы и характера оказываемой помощи, наличия оценки финансово-экономической жизнеспособности проекта (затраты на подготовку данной оценки могут возмещаться из специального фонда или относиться на общие расходы по проекту [9];
- г) возмещение расходов и инвестиций в рамках предоставленной помощи на основании документов, подтверждающих их осуществление.

Анализ испанского опыта организации внешнеэкономической деятельности подтверждает, что многое может быть полезным и для России [10]. Следует выделить, в частности, следующие элементы испанской практики в этой сфере:

- Все направления внешнеэкономической деятельности подчинены национальным интересам и основаны на политической стратегии, вырабатываемой министерствами и специализированными компаниями. Эта стратегия утверждается правительством, что позволяет проводить единую линию даже в условиях рыночной экономики и растущей глобализации мирохозяйственных связей.
- Внешнеэкономическая политика реально координируется Министерством иностранных дел и сотрудничества Испании. Практическая работа в этом направлении осуществляется подведомственным министерству Испанским агентством международного сотрудничества для развития.
- Эту координацию осуществляют в странах пребывания испанские посольства через свои экономические отделы, в которых работают как профессиональные дипломаты, так и сотрудники соответствующих экономических ведомств.
- Активная экономическая работа посольств способствует налаживанию взаимодействия между исполнительной властью и частными компаниями, работающими на внешних рынках.
- Внешнеэкономическая стратегия является составной частью государственной политики «мягкой силы» [11] по укреплению политических, экономических и культурных позиций Испании за рубежом.

Литература / References

1. Астахов Е. М. Государственная поддержка национального бизнеса на внешних рынках: учебное пособие / Е. М. Астахов, Р. О. Райнхардт. — М.: МГИМО-Университет, 2015. — 268 с.
2. URL: <http://www.icex.es/icex/es/index.html> (Дата обращения: 12.06.2017).
3. URL: <http://www.aecid.es/ES/la-aecid> (Дата обращения: 12.06.2017).
4. URL: <http://www.ico.es/web/ico/que-es-ico> (Дата обращения: 12.06.2017).
5. URL: <https://www.ico.es/web/ico/fondo-para-la-promocion-del-desarrollo> (Дата обращения: 12.06.2017).
6. URL: <https://www.ico.es/web/ico/lineas-de-financiacion-de-politica-economica> (Дата обращения: 12.06.2017).
7. URL: <https://www.cofides.es/en/> (Дата обращения: 12.06.2017).
8. Постоленко М. Л. Управление внешнеэкономической деятельностью: учебное пособие / М. Л. Постоленко. — М.: Форум, 2012. — 480 с.
9. Дяттерева О. И., Матусевич А. П., Шевелева А. В. Управление внешнеэкономической деятельностью: учебник / Под ред. О. И. Дяттеревой. — М.: Магистр. — 2015. — 352 с.
10. Астахов Е. М. Дипломатическое сопровождение национального бизнеса: учебно-методический комплекс / Е. М. Астахов. — М.: МГИМО-Университет, 2010. — 228 с.
11. URL: <http://www.cesce.es/> (Дата обращения: 12.06.2017).

Е. Р. Воронин

**Уроки международного права:
проблема территориальной целостности
в контексте итогов
американо-мексиканской войны 1846–1848 гг.**

Евгений Ростиславович Воронин, канд. юрид. наук,
профессор Кафедры международного права
МГИМО МИД России. tverv@rambler.ru

Аннотация. Статья посвящена феномену американо-мексиканской войны 1846–1848 гг. в международно-правовом плане, в частности в аспекте проблемы территориальной целостности, в её понимании как принципа международного права.

Ключевые слова: американо-мексиканская война 1846–1848 гг., принцип территориальной целостности, национальный суверенитет, принципы международного права.

Evgeny Voronin

**Lessons of international law:
the problem of territorial integrity
in the context of the outcomes
of American-Mexican War (1846–1848)**

Abstract. The article is devoted to the phenomenon of the American-Mexican War of 1846–1848 through the prism of international law, in particular, in the aspect of the problem of territorial integrity in its understanding as a principle of international law.

Keywords: American-Mexican War of 1846–1848, principle of territorial integrity, national sovereignty, principles of international law/

Феномен мексикано-американской войны 1846 г. в международно-правовом плане заключается в том, что по существу ее последствия не ограничиваются лишь проблемой территориальной целостности, в её понимании как нормы принципа международного права, но завязаны на широкий круг международно-правовых вопросов, которые сегодня стоят в числе основных вызовов в мире, имеются в виду: миграционные проблемы, уважение национального суверенитета и применение силы в обход решений Совета безопасности ООН.

Уникальность последствий мексикано-американской войны заключается в том, что в международно-правовом плане этот вооруженный конфликт, а по сути дела агрессивная, захватническая война со стороны одного государства территории другого, соседнего суверенного государства, не получила заметного международно-правового рассмотрения ни в органах международной юстиции, которых тогда, в XIX век, еще не существовало, ни в последующем — как исторического казуса международного беззакония, ни в Палате международного правосудия,

ни в Международном суде, хотя бы в плане ретроперспективы. Это необъяснимо, хотя бы в силу того, что речь идет не просто об агрессивных действиях одного государства против другого, а об аннексии половины (1,36 мл км², а вместе с Техасом — 2,3 млн) территории соседнего государства, никогда не принадлежавшей ранее США и не находившейся под его юрисдикцией. Очевидное нарушение территориальной целостности и суверенитета Мексиканского государства не получило широкого международно-правового и политического осуждения ни в ходе событий, ни в последующем. Подобное малообъяснимое замалчивание на политических, научных, включая международно-правовой, уровнях сохраняется. Об этой войне и особенно об ее территориальных последствиях в форме небывалой аннексии мало что знают до сих пор, словно эта агрессия и противоправные территориальные приобретения имеют какие-то оправдания. Специфика ситуации имеет две примечательных стороны. Первая — мексикано-американский конфликт завершился победой внерегионального, то есть не латиноамериканского, игрока в тех условиях фактического отсутствия латиноамериканской солидарности. Вторая — США применяли в отношении территории суверенного государства по сути дела ту же стратегию, которая применялась против индейских территорий: непризнание права индейцев на их территории. Иными словами, они применили так называемый принцип *terra nullius*, территории, не находящейся под суверенитетом другого государства или ненаселенная. Незаконность применения этого принципа в отношении чужих территорий была подтверждена в 1975 г. в связи с вопросом о статусе Западной Сахары. Международный суд ООН подтвердил в качестве *terra nullius*, то есть ничейной территории, не могут рассматриваться территории, на которых обитают народы и даже племена, «социально и политически неорганизованные». В наше время известно два других достойных латиноамериканских примера защиты собственной национальной территории: это возвращение бывшей американской зоны Панамского канала под государственный суверенитет Панамы после вековой борьбы панамского народа, активно использовавшего международно-правовой инструментарий с целью заставить Вашингтон сесть за стол переговоров о передаче канала и его зоны под панамскую юрисдикцию. Второй пример — борьба Аргентины за Мальвинские острова как часть национальной территории против пребывания их под Британской незаконной юрисдикцией. В отличие от атмосферы тотальной агрессии против Мексики, в условиях которой американская дипломатия была ориентирована исключительно на обеспечение силового, военного решения территориального конфликта и не играла самостоятельной, то есть собственно дипломатической роли в том, чтобы избежать масштабного вооруженного столкновения с мексиканцами и добиться политического, переговорного результата. Подобную «собственную» роль пыталась в ходе Фолклендской войны 1982 г. сыграть британская дипломатия, хотя и безуспешно. В расчете на поддержку общественности она намеревалась прибегнуть к созданию в стране «атмосферы информированной озабоченности» и добиться через компромиссные подходы необходимого диалога с аргентинским правительством. В фолклендском вопросе, то есть о территориальной принадлежности островов, последняя точка не поставлена. Вероятно, борьба будет продолжена, но вряд ли в форме нового вооруженного конфликта. На данный момент перспективы урегулирования за счет уступок в области территориального верховенства, как кажется, не просматриваются. Очевидно, что принцип права наций на самоопределение, который был использован британской стороной как главный аргумент в отстаивании интересов жителей — британских подданных на Фолклендских островах, будет оставаться основным камнем преткновения.

Война, завершившаяся несправедливым международным договором Гваделупе — Идалго 2 февраля 1848 г., отнявшим более половины национальной территории суверенного мексиканского государства является по сути дела первым наиболее заметным уроком поражения международного права для тех стран, которые не учитывают для себя возможных последствий своей недальновидной миграционной политики, готовности ради различного рода выгод (экономических или финансовых) идти на уступки, влекущие серьезные последствия для собственного суверенитета и территориальной целостности. Бывшая актуальной в XIX веке проблема бесконтрольности американского заселения чужих территорий и правового нигилизма англо-саксонских переселенцев сегодня близка, хотя и совсем не идентична вышедшей из-под законного контроля проблеме ближневосточной и африканской миграции на территорию Евросоюза. Важнейший элемент мексиканского урока — это недооценка аннексии территории путем миграционного процесса, как это случилось с захватом американскими колонистами Техаса и переселенцами в Верхней Калифорнии и в Новой Испании. Ложно используя принцип национального самоопределения американских колонистов, составивших при попустительстве

властей Мехико большинство населения на этих мексиканских территориях, Вашингтон обеспечил необходимую сепаратистскую акцию и, по сути, беспрепятственную аннексию чужих территорий, никогда и ни при каких обстоятельствах не входивших в США. Поучительность мексиканского казуса в том, что он повторился в случае с Косово, когда вследствие массового переселения албанцев в историческую сербскую область Косово и Метохию и создания сепаратистского «независимого» албанского государства (еще одного), были поставлены под вопрос территориальная целостность и суверенитет Сербии. Небезразличным мексиканский опыт потери национальных территорий вследствие неконтролируемых миграционных процессов может оказаться и для российских интересов на Дальнем Востоке и Восточной Сибири с учетом активности китайской миграционной политики в отношении зарубежных стран, в том числе и прежде всего приграничных.

Разумеется, время заключения несправедливых, насильственных договоров типа мексикано-американского или панамо-американского прошлых веков, которые с точки зрения международного права являлись и являются незаконными, вероятно, ушло. Но территориальные проблемы до сего дня остаются основными, вызывающими международную и региональную нестабильность. Территориальные проблемы — это всегда проблемы суверенитета. Если суверенитет государства обеспечивается всей полнотой национального ресурса: политического, дипломатического, военного и, разумеется, финансово-экономического, то вряд ли возможно повторение казусов типа мексиканского международно-правового случая. Впрочем, в современном мире, переживающем все последствия — как позитивные, так и негативные — тотальной глобализации, основной удар, в том числе, из-за интеграционных процессов наносится по суверенитету каждого из государств-партнеров. Не зря в свое время нарком Чичерин выделял государства как полноценного, так и «фиктивного» суверенитета, из которых в наше время складывается большинство в мире и интересы которых определяются в «карманных» измерениях великих держав.

Перспективы преодоления ретроспективного «ущемления» территориального суверенитета в обоих «казусах» — мексиканском и аргентинском — различны; аргентинцы не намерены изымать из внешнеполитической повестки вопрос возвращения своей исторической территории из-под британского 185-летнего колониального владычества, основывавшегося на принципах «кулачного права»: «сила есть право» и «владение есть девять десятых закона». В мексиканском случае ситуация иная: ее определяет на 80 % экономическая зависимость от США, интеграционная заинтересованность в рамках НАФТА. Фактор мексиканской миграции на «исторически мексиканские» территории южных штатов США в плане «реконкисты» пока непредсказуем.

«Неосмотрительность» в территориальных вопросах и признании необоснованных искусственных границ вновь образованных в 1918 г. на территории бывшего единого российского государства национальных гособразований создало немало двусторонних, включая территориальные, проблем, повлекших вооруженные конфликты (Финляндия, Польша, латышские и эстонские территориальные претензии по договорам 1920-х гг. с правительством Ленина). Вряд ли стоит особо останавливаться на кризисном положении с украинской государственностью, искусственно созданной советским режимом, породившей failed state и известные сопутствующие внутренние проблемы, ставящие под сомнение мазепинское будущее нацистствующего украинства. Территориальные потери этой страны могут ограничиться не только Галицией.

А. А. Королева

Век протестной культуры: Россия и Испания

Королева Алина Алексеевна, канд. культурологии,
преподаватель Кафедры рекламы и связей с общественностью
МГИМО МИД России. alkoroleva@gmail.com

Аннотация: В XX в. успех протестной идеологии обеспечивали простые, понятные и зажигательные фразы-образы. Но в XXI в. над словом доминируют имиджи – яркие визуальные и музыкальные образы, символы, а также выстроенные вокруг них медийные истории. Именно они формируют отношение к реальности и стимулируют определенные действия. Это связано с технологическими и социальными трансформациями, которые на протяжении XX и XXI вв. делали процесс коммуникации доступнее и быстрее.

Ключевые слова: протестная культура, идеология, миф, имидж, текст, медиа.

Alina Koroleva

Century of the protest culture: Russia and Spain

Abstract: In the 20th century the success of a protest ideology was ensured by simple, conceivable and inspiring phrases-images. But in the 21st century the images such as bright visual and musical conceptions, symbols and media stories created around them look over the word power. It is the images that form our attitude towards the reality and provoke certain actions. That is connected with social and technological transformations, which during the 20th and 21st centuries were making the process of communication more accessible and faster.

Keywords: protest culture, ideology, myth, image, text, media.

Одним из основных видов деятельности в сфере культуры является сохранение и репрезентация культурно-исторического наследия. Данная категория включает празднование памятных и знаменательных дат. Для России ключевое событие 2017 г. – 100-летие Февральской и Октябрьской революций, а для российско-испанских отношений выпадают сразу три значимых даты: 40 лет восстановления дипломатических отношений; 350 лет первому русскому посольству в Испанию во главе со стольником П. И. Потемкиным и 500 лет первым официальным письменным контактам (письмо короля Испании Карла I Габсбурга московскому государю Василию III). Юбилейные даты вызывают лавинообразный рост обращения к данным сюжетам как объекту исследований в области гуманитарных наук и делают их трендами. Статья подготовлена в рамках гранта МГИМО МИД России на выполнение НИР научными группами под руководством молодых ученых «Революции 1917 года в России – 100 лет».

Политической доминантой XX столетия было противостояние идеологий. Катаклизмы политического и социального развития и перманентный мировоззренческий кризис не только масс, но и элит обусловили актуальность обращения к феномену «протестная культура» – комплексу социокультурных установок, противостоящих фундаментальным принципам, доминирующим в актуальной политической культуре. В протестной культуре заложен глобальный

механизм обновления, который может выражаться в различных формах: общественных реформаторских движениях, государственных переворотах, гражданских войнах и революциях.

Великая французская революция и последовавшие за ней европейские конфликты конца XVIII — начала XIX вв. развивались по следующему сценарию: «В воинствующей манере революционеры отвергли фундаментальные основания старого мира, провозглашая окончательный и бесповоротный разрыв с ним, и заявили о радикально новом этапе человеческой истории» [6, с. 20–21]. Этот опыт наглядно продемонстрировал, что агрессия народных масс мотивирована скорее поведенческими стереотипами и политическими мифами, чем представлениями о рациональном поведении в духе просветительской философии. Социальные катаклизмы XX в. подтвердили данную гипотезу. Опыт России и Испании показателен в этом плане, поскольку «Россия и Испания — это своеобразные границы Европы. Русская и испанская цивилизации относятся к пограничным, и их культурно-исторический опыт является неотъемлемой частью общей европейской культуры» [4, с. 248].

Период от Февральской до Октябрьской революции 1917 г. занимает особое место в общественной жизни России. Революционный подъем разделил население на два противоборствующих лагеря, а историю страны на «до» и «после». Период Второй республики в Испании (1931–1936 гг.), закончившийся фашистским путчем, и последовавшая за ним гражданская война были временем острой идеологической борьбы в Испании.

Особенности современной протестной политической культуры рассматриваются на примерах «цветных революций» на постсоветском пространстве и «белоленточного» движения или несостоявшейся «Болотной революции» в России 2011–2013 гг., а также на опыте трансформации партийно-политической системы Испании и ситуации вокруг референдума в Каталонии. Современные «демократизирующие» или «цветные» революции происходят в разных частях мира, в том числе и на постсоветском пространстве. Они сопровождаются острыми политическими переменами, но качественно разными, в зависимости от того побеждают революционеры или нет. Протестная культура в современной Испании находит отражение в подъеме радикальных сил в политическом спектре Испании, что стало одним из последствий глобального финансово-экономического кризиса.

Рациональное и мифологическое в протестной идеологии

Протестная политическая культура XX в. основывалась на идеологиях, способствующих мобилизации восставших. Но в современную цифровую эпоху место идеологий заняли имиджи — «яркие визуальные и музыкальные образы, символы и выстроенные вокруг них медийные истории, формирующие отношение к реальности и стимулирующие определенные действия» [6, с. 85–86].

Эмоциональный выбор, основанный на предубеждениях, далеких от рациональных аргументов, всегда был первичен. Управлять массовым сознанием, апеллируя к эмоциям проще и эффективнее, чем просвещать его.

Кризисный характер общественного развития прошедшего века обуславливает актуальность обращения к упрощающим социальную реальность идеологиям и политическим мифам. Но если традиционные идеологии рациональны и представляют собой иерархические системы ценностей и идей, то политические мифы лежат в области иррационального, а не логического мышления.

С точки зрения Дж. Шварцмантеля, политическая идеология — «это совокупность нормативных идей, которые формируют идеал и призваны обеспечить массовую поддержку этих идей через агитацию в их пользу» [8, с. 49]. Эти идеи критически ориентированы к любому существующему порядку, ведь реальность не может сравниться с идеалом. Ценности протестной культуры выражены в идеологиях, включающих в себя практические проекты политических стратегий и тактик, предназначенных трансформировать реальность. Фундамент идеологий заложен в социальной реальности, но они ориентированы на будущее.

В политических мифах заложены представления о политических событиях, явлениях и процессах. Но это устойчивые, некритические эмоционально окрашенные образы, часто используемые для манипулирования сознанием. В периоды политических кризисов политическое мифотворчество усиливается, так как мифы дают возможность объяснить новые и непонятные массовому сознанию явления и процессы. Миф как феномен политико-идеологической практики представляет собой вкрапление мифа в немифологическую по своей природе культурную традицию.

В первой половине XX в. миф был предметом исследования преимущественно антропологов, историков, социологов и культурологов. В частности, Дж. Кэмпбелл, специализирующийся на сравнительной мифологии, вывел сходства героических мифов разных времен и мест пространства. «Они структурированы на основе героев и злодеев, вступающих в смертельные битвы, поддерживаемых помощниками и получающих магические подарки» [2, с. 45]. Его теория была основана на понятии «архетип» К. Юнга. Для обозначения универсальных мифологических сюжетов, имеющих широкое распространение в различных национальных культурах, также используются термины мифологема и мифологический архетип.

«Справедливость» – ключевая мифологема протестной культуры

Идея справедливости составляет мифологическое и моральное ядро идеологии. Понимание справедливости контекстуально и варьируется в зависимости от эпохи, страны и социальной группы. Стремление к справедливости способно мобилизовать людей с целью изменения статуса. Исторический опыт демонстрирует, что достижение справедливости – утопия. Постреволюционный порядок чаще всего не становится справедливее дореволюционного. Только человек не в состоянии представить себе последствия революции в силу того, что находится под влиянием «когнитивных искажений» – систематических ошибок в человеческом мышлении. В данном случае будущее не может восприниматься качественно иным в сравнении с настоящим.

Массовое требование справедливости тесно связано с ключевым элементом любой идеологии – утопией идеального строя, а также наличием общего врага. Общим врагом для революционеров в большинстве случаев становится правящий режим. К нему общество предъявляет два требования: справедливость и эффективность. Причем соблюдение в глазах общества только одного из требований вполне достаточно для стабильности. Чем более несправедливой и одновременно неэффективной выглядит власть, тем большей объединяющей и мобилизующей способностью обладает революционная идеология.

Баланс между эффективностью и справедливостью власти был нарушен в России в 1917 г. Серьезные военные неудачи и тяжелое экономическое положение России предшествовали Февральской революции, а освобождение народа от гнета старого режима провозглашала уже Великая октябрьская революция.

Период Второй республики в Испании сопровождался острой идеологической борьбой, поляризацией общественно-политических сил и социально-экономической нестабильностью. В 1936 г. в условиях внутреннего политического кризиса и общеевропейской угрозы фашизма лидеры социалистов, коммунистов, республиканцев и националистических партий создали Народный фронт, противостоящий консервативно-монархическим и фашистским группировкам. На парламентских выборах Народный фронт одержал победу. Курс на радикальные социально-экономические реформы, отражающие существующий дисбаланс между справедливостью и эффективностью государственного строя, вызвал недовольство военных.

Импульс цветным революциям на постсоветском пространстве чаще всего давали обвинения в фальсификации на выборах. Так началась «революция роз» в Грузии в 2003 г., «оранжевая» революция на Украине в 2004 г., «тюльпановая революция» в Киргизии в 2005 г., «сиреневая революция» в Молдавии в 2009 г. Митинги «белоленточного» движения в России начались в декабре 2011 г. после обвинения в фальсификации выборов в Государственную думу.

Требование справедливости на фоне экономической нестабильности выражалось и в форме массовых митингов оппозиции. Формальным поводом для акций протеста в ходе «Дынной революции» в Киргизии в 2010 г. послужил резкий рост тарифов на электричество и отопление, но очень быстро протестующие перешли от митингов к захвату административных зданий, и в итоге произошла смена власти. Причиной протестов в ходе Евромайдана на Украине в 2013–2014 гг. послужила отмена соглашения об ассоциации с Евросоюзом. В ходе митингов во время «Хризантемовой революции» в Молдавии 2015–2016 гг. звучали обвинения в коррупции и в том, что олигархи обирают страну, прикрываясь евроинтеграцией.

Последствия мирового финансово-экономического катаклизма и существовавшая до 2015 г. в международном медиа пространстве прямая ассоциация Испании с кризисом создали запрос на справедливость в испанском обществе. Одним из результатов протестной мобилизации стало появление в политической системе Испании новых акторов. Одним из них стала партия «Подemos». Успехи партии на выборах отразили недовольство существую-

щей политической системой. Они выразили «протест против политики жесткой экономии и недостатков политической системы, массовый запрос на социальную справедливость» [7, с. 16].

Мифологема «геополитический заговор»

История свидетельствует, что иностранное участие в революциях, как со стороны оппозиции, так и действующей власти, является нормой, а не исключением. Парадокс массового сознания заключается в том, что современный человек, будучи воспитанным в рациональной парадигме, не может поверить, что многие вещи просто случаются и за ними нет потаенного смысла.

Русская революция 1917 г. в конспирологической перспективе представляется как «фантастический заговор немецких спецслужб, американских финансистов-евреев и английской аристократии против консервативной Российской монархии» [6, с. 32].

В гражданскую войну в Испании также были вовлечены другие страны. Уже в первые дни войны глава республиканского правительства обратился с просьбой о содействии к правительству Франции, а в сентябре 1936 г. со стороны СССР было принято решение об оказании помощи. Поддержку Франко оказывали фашистские режимы Германии и Италии. 9 сентября 1936 г. в Лондоне был создан «Комитет по невмешательству», который должен был не допустить перерастание конфликта в европейскую войну. Комитет препятствовал поставкам оружия и боеприпасов республиканцам, чем фактически способствовал франкистам. В октябре 1936 г. Коминтерн создал Интернациональные бригады, выступающие на стороне антифашистов.

Традиционные для XX в. формы иностранного участия сводились к финансированию, поставкам оружия и боеприпасов, военного контингента. На современном этапе к ним добавились новые формы, в частности «мягкая сила», иностранное влияние через культуру, ценности, образ жизни.

С официальной российской точки зрения цветные революции выглядят примерно одинаково: «В стране имярек дела обстояли, быть может, не благостно, но стабильно. Однако коварные внешние силы «разогрели» общество и оснастили (интеллектуально, технологически, финансово, а иногда и оружием) внутренние подрывные элементы. Для чего? Чтобы свергнуть законное правительство и свергнуть страну в хаос. С какой целью? Чтобы поставить под свой контроль ресурсы охваченной революцией страны» [6, с. 31]. С точки зрения Кремля НКО, финансируемые из заграницы, играют главную роль в организации цветных революций. Уже летом 2012 г. законодательно ввели понятие НКО — иностранный агент. Статус иностранного агента получают НКО, занимающиеся политической деятельностью, но уставная деятельность большинства НКО в реестре связана с формированием гражданского общества, а не политикой.

Восприятие Запада как утопии составляет важную часть мифа «геополитический заговор» на постсоветском пространстве. Рациональное звено в восприятии этого мифа заключается в том, что Запад является привлекательной политической и социально-экономической моделью и активно и достаточно успешно продвигает свои территориальные бренды.

В социологическом опросе «имидж Испании» Королевского института Элькано, проведенном за рубежом в феврале — марте 2017 г., в вопросе об основных угрозах были предложены следующие варианты ответа: проблема мигрантов, внешняя политика Дональда Трампа, превращение Китая в супердержаву и внешняя политика России. Предложенные формулировки ответов соответствуют мифу «геополитический заговор» [1].

Тема международных отношений и места Испании в мире не является сейчас ключевой для испанского общества. «Характерно, что тема внешней политики Испании и в целом анализ современных международных отношений «блестяще» отсутствовали в ходе последней предвыборной кампании в Кортесы. Раньше такого пренебрежения к мировой политике никогда не замечалось. Это особенно странно и необычно для традиционно небезразличной Испании, тем более на фоне тех сложных и противоречивых процессов, которые сегодня переживает не только Европа, но, по сути, весь мир» [5, с. 13]. В этой неестественной отстраненности потенциально закладываются основания для актуализации протестной культуры, но скорее в основе оказывается мифологема «справедливость», так как невыразительная роль, которую играет Испания в Евросоюзе может восприниматься как унижение.

Вербальное и визуальное в протестной агитации

В XX в. успех протестной идеологии обеспечивали простые, понятные и зажигательные образы и слоганы. Большевистские лозунги «Вся власть советам!», «Землю — крестьянам!», «Заводы и фабрики — рабочим!», «Домохозяйки — на производство!», антифашистский лозунг времен гражданской войны в Испании ¡No pasarán! и франкистский лозунг ¡Arrriba España! обеспечивали успех мобилизации, хотя и содержали в себе утопические обещания.

Но в XXI в. над словом доминируют имиджи — яркие визуальные и музыкальные образы, символы, а также выстроенные вокруг них медийные истории. Именно они формируют отношение к реальности и стимулируют определенные действия. Это связано с технологическими и социальными трансформациями, которые на протяжении XX и XXI вв. делали процесс коммуникации доступнее и быстрее.

Революционеры первой половины XX в. были ограничены в технологических возможностях создания и распространения агитационных материалов, что требовало значительных финансовых затрат. Широкую популярность получили такие виды агитационных материалов, полные ярких и запоминающихся образов и лозунгов, как плакаты и листовки. Агитплакаты — достаточно специфическое городское явление. В эпоху индустриализации население преимущественно было городское, так что пространством для агитации, как и для действия революционных процессов, закономерно становились города. Агитационные печатные материалы, как и другие виды пропаганды, относятся к средствам психологической войны. В них заложен сильный эмоциональный заряд за счет использования изобразительных средств. Успех воздействия основывался на эффекте многократных контактов с агитационными плакатами и на том, что визуальные образы оказывают влияние также на подсознание, вызывая определённые, надолго запоминающиеся ассоциации. Кроме того, советские плакаты, как и плакаты времен гражданской войны в Испании, с течением времени приобрели статус произведений искусства и стали объектом коллекционирования.

В современную цифровую эпоху технологические возможности определили новую природу протестной агитации, в которой преобладают горизонтальные, сетевые коммуникации. Сегодня вместо хорошо подготовленной кампании можно вбросить идею, которая проходит через процесс нелинейного развития и краудсорсинга имиджей и идей. В Web 2.0 пользователи сами вовлекаются в производство и распространение контента.

Дихотомия «свой — чужой»

Если XX в. был временем идеологий, то XXI в. — время идентичностей. «Сам термин “идентичность” появился только в XX в., но становление этого понятия и его компонентов в истории культуры началось гораздо раньше. Одним из факторов исторического становления понятия “идентичность” было влияние восприятия образа другого на самоопределение в рамках дихотомии “свой — другой”» [3, с.14].

Клиповое мышление молодых поколений — это восприятие имиджей, а не текстов. Современный тип сознания осмысляет и осваивает мир через впечатления, визуальные и музыкальные образы и символы, а не логику и нарратив. Растолковать, кто свой, а кто чужой, к чему стремиться и как добиться поставленных целей, через образы лучше, быстрее и проще, чем через слова. Общие эмоции недолговечны, но объединяют быстро и эффективно. Оперирование образами уменьшает потенциальный риск взаимонепонимания и конфликта при использовании слов и понятий.

Для разделения на своих и чужих нужны маркеры. Визуальным маркером может быть цвет или символ. Причем выбор маркера может быть как идеологически или историко-культурно мотивирован, так и выбран случайно. Так, оранжевый цвет послужил маркером революции 2004 г. на Украине. О мирном характере некоторых революций на постсоветском пространстве говорил выбор цветка в роли символа: красная гвоздика — в Грузии в ноябре 2003 г., тюльпан — в Киргизии 2005 г., хризантема — в Молдавии 2015–2016 гг. Маркером «белоленточного» движения стал белый цвет. Выбор был связан со временем года — зимой. Во всех случаях цвет проводил границу между своими и чужими и маркировал оппозиционную идентичность.

В 2017 г. была разработана кампания в поддержку референдума о независимости Каталонии «Love demoscasu», призванная найти международную поддержку проведения референдума. Красная избирательная урна и слоган на английском языке — символы демократии, вокруг которых выстроилась медийная история. Этот имидж очень быстро был подхвачен и распростра-

нен как в социальных сетях, так и на улицах городов.

Акцент на визуальном является одной из отличительных особенностей современного мира. Причем характерной чертой визуальной культуры является усиливающаяся тенденция к визуализации тех вещей, которые не являются визуальными по своей природе. Визуальные объекты играют важную роль в социальной коммуникации, нередко обеспечивая переносное значение изображаемого и выполняя разнообразные метафорические функции. Визуальные образы не всегда говорят сами за себя. Чаще всего визуальное обеспечивает доступ к некоторым потенциальным значениям, облегчающим хотя бы частично возможные смысловые интерпретации.

Литература / References

1. 7ª Oleada Barómetro Imagen de España, febrero-marzo 2017 [Electronic resource]. — URL: http://www.realinstitutoelcano.org/wps/portal/rielcano_es/encuesta?WCM_GLOBAL_CONTEXT=/elcano/elcano_es/observatoriomarcaespana/estudios/resultados/barometro-imagen-espana-7
2. Кафтанджиев Х. Мифологические архетипы в коммуникации. — Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2016. — 268 с.
3. Королева А. А. Трансформация социокультурной идентичности в условиях перехода к сетевому обществу (сравнительный анализ опыта России и Испании): дисс. ... канд. культурологии. — М., 2015. 177 с.
4. Ларионова М. В. Россия и Испания в зеркале газетно-публицистического дискурса: метафоры и стереотипы // Вестник МГИМО-Университета. — 2010. — № 2. — С. 247–254.
5. Орлов А. А. Ключевые проблемы современной Испании // Ибероамериканские тетради. — 2016. — № 1. — С. 9 — 14.
6. Соловей В. Д. Революция! Основы революционной борьбы в современную эпоху. — М.: Эксмо, 2016. — 320 с.
7. Хенкин С. М. Феномен Подемос // Ибероамериканские тетради. — 2016. — № 1. — С. 15–20.
8. Шварцмантель Д. Идеология и политика. — Харьков: Изд-во Гуманитарный Центр, 2009. — 312 с.

О. Н. Фомина

Финансово-экономические потрясения и тенденции экономического развития: опыт стран Латинской Америки

Ольга Николаевна Фомина, аспирант,
координатор Школы бизнеса и международных компетенций
МГИМО МИД России. o.fomina@inno.mgimo.ru

Аннотация: В данной статье рассматриваются этапы экономического развития стран Латинской Америки, анализируется опыт преодоления кризисных явлений в финансово-экономической сфере. Показаны модели и стратегии социально-экономического развития латиноамериканских стран в XX – начале XXI вв.

Ключевые слова: Латинская Америка, экономическое развитие, социально-экономическая сфера, этапы и модели развития, кризис.

Olga Fomina

Financial and economic shocks and trends in economic development: the experience of Latin American countries

Abstract. This article aims to the stages of economic development in Latin America, analyzes the experience of overcoming the crisis phenomena in the financial and economic spheres. The author shows the strategies and models of the socio-economic development of Latin American countries from the beginning of the 20th century to the present days.

Keywords: Latin America, economic development, social and economic sphere, stages and models of development, crisis.

На протяжении своей истории страны Латинской Америки неоднократно сталкивались с рядом факторов, замедляющих рост и не позволяющих выйти на новый уровень развития. Государства континента прошли путь от бывших колоний до конгломерата независимых государств, а затем — до равноправных членов мирового сообщества, но тем не менее имеются различия по степени участия в мировой хозяйственной системе, по характеру и уровню социально-экономического развития [1], [2].

В колониальный период в регионе были относительно развиты такие отрасли, как добыча благородных металлов и производство тропических культур на плантациях. Как правило, эта продукция отправлялась в Испанию и Португалию, характерной чертой внутренней экономики было натуральное хозяйство [3].

В дальнейшем развитии региона большую роль стали играть английский и американский капиталы, создавая экономику, которая сильно зависела от внешних рынков. Так, Бразилия, например, стала «кофейной страной», страны Центральной Америки превратились в экспортеров бананов, Аргентина и Уругвай — в «мясо-шерстяную концессию» [4].

Оживление на внутреннем рынке, в частности в финансовом секторе, началось после Первой мировой войны, когда европейский капитал потерял прежние позиции. Но другой стороной данного процесса стало усиление присутствия американского капитала в регионе (особенно накануне и во время Второй мировой войны) [5].

Таким образом, навязанная внешними игроками модель аграрно-сырьевой специализации, или модель «сравнительных преимуществ», сменилась — после начавшейся в 1929 г. «великой депрессии» — на модель государственного капитализма, или модель импортозамещающей индустриализации. В основе данной модели лежали идеи кейнсианства, теория и практика «государственного дирижизма» [6]. Но даже решение первых скромных задач по замене импорта потребовало усилий и изменений, к которым страны региона были не готовы (например, не удалось на первом этапе добиться сокращения импорта технически менее сложных промышленных товаров) [7].

Кризис 1929–1933 гг. негативно сказался прежде всего на внешнеэкономических связях региона: так, экспорт сырьевых товаров резко сократился, что привело к масштабному ухудшению торгового и платежного баланса, ощущалась острая нехватка валюты для оплаты импорта промышленных товаров и внешних долгов. Основной задачей стало на тот момент создание условий для накоплений частного капитала в промышленном секторе экономики. [8], [9].

С этой целью правительства латиноамериканских стран разработали меры с целью:

- 1) расширить прямое участие государства в укреплении и развитии производственной инфраструктуры;
- 2) предпринять протекционистские меры по защите местных промышленников от внешней конкуренции;
- 3) разработать кредитные и фискальные льготы, которые должны были повысить интерес частного капитала к недостаточно развитым отраслям промышленности.

На этот же период (1930-е — 1940-е гг.) пришлось открытия первых государственных инвестиционных банков [10].

Модель импортозамещающей индустриализации, однако, несмотря на ее протекционистские барьеры, не запрещала участия иностранного капитала в промышленном развитии стран региона [11].

Последствия «великой депрессии» и Вторая мировая война еще больше подталкивали страны региона к уходу от однобокой сырьевой специализации, к диверсификации экономики, развитию промышленных секторов хозяйства [12].

Новая волна кризиса пришлась на начало 1950-х гг. Для улучшения платежных балансов страны региона начали повышать таможенные барьеры и провозгласили политику замещения импортных товаров товарами местного производства. Результатом стали практически немедленные попытки США и других стран завоевать рынки стран Латинской Америки «изнутри». Крупнейшие американские компании начали создавать филиалы в самых прибыльных отраслях промышленности — химической, электротехнической, автомобильной, стекольной, радиоэлектронной, судостроительной, фармацевтической, резиновой и цементной [13], [14].

В попытках защититься от повсеместного завоевания внутренних рынков иностранными инвесторами страны Латинской Америки бросили силы на развитие и укрепление госсектора. С помощью местных промышленников и патриотических движений и вопреки сопротивлению иностранного капитала в Латинской Америке начали создаваться нефтяные, энергетические и металлургические предприятия с участием национального капитала.

Итогами процесса импортозамещающей индустриализации стало то, что отрасли тяжелой промышленности, наукоемкие производства, атомная промышленность получили толчок к развитию, но реализация государственных программ привела к хроническому бюджетному дефициту, шаткому финансовому положению, росту внешнего долга. Вместе с тем ощутимые положительные результаты были достигнуты в развитии здравоохранения, социального обеспечения и образования [15].

«Потерянное десятилетие» стран Латинской Америки — это период 1980-х гг., ставший следствием замедлявшегося экономического роста, долгового кризиса, увеличения дефицита госбюджета, ухудшения внешней конъюнктуры, связанного с падением цен на основные экспортные товары. Из стран «догоняющего развития» периода 1970-х гг. страны Латинской Америки превратились в отстающие страны. Откат в развитии произошел во всех крупных странах региона — Аргентине, Бразилии, Венесуэле, Колумбии, Перу, Мексике, Чили [16], [17], [18], [19], [20].

Итогом стали буксующая экономика, упадок финансовой сферы, огромные долги государ-

ственных предприятий. Более того, межгосударственные противоречия обострились, значительно сократился рост подушевого дохода (за период 1980-х гг. сокращение в среднем составляло 0,2 % в год, дохода в некоторые периоды до 1,7 %). Экономический рост, начавшийся в конце 1960-х гг., закончился в 1981–1982 гг., на смену ему пришла длительная депрессия [22].

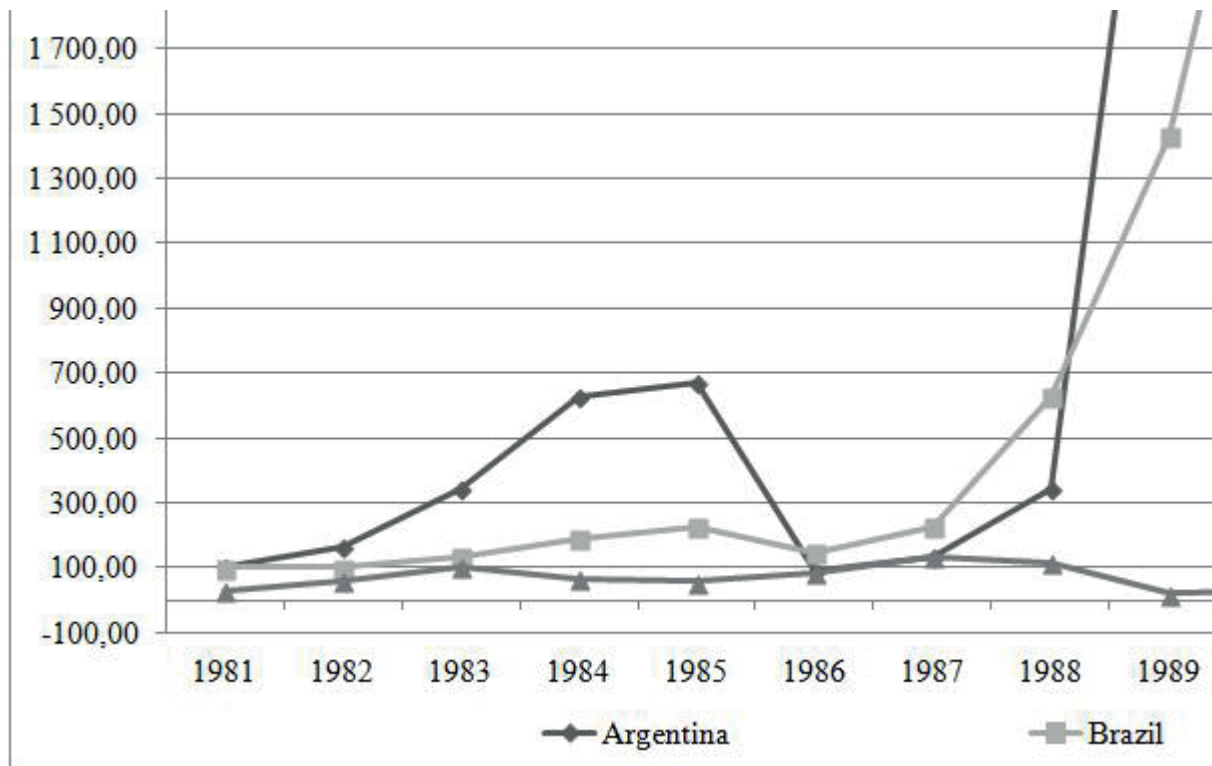

Рис. 1. Инфляция потребительских цен в Мексике, Аргентине и Бразилии в 1981–1995 гг. [21]

На графике Рис. 1 отчетливо видно, что в таких странах, как Бразилия и Аргентина, огромный скачок инфляции пришелся именно на вторую половину 1980-х гг., и до начала 1990-х гг. ситуация не изменялась.

Первой надеждой на выход из кризиса 1980-х гг. стало появление в 1985 г. «плана Бейкера»¹, основной идеей которого был лозунг «чтобы выплачивать долги, необходимо развиваться». Данный план подразумевал получение странами-должниками новых кредитов для реструктуризации просроченных долгов [22].

Волна приватизации, которая охватила Латинскую Америку в конце 1980-х и в начале 1990-х гг., к тому моменту уже практически завершилась в Мексике.

Уменьшение вмешательства в экономику государства, приватизация большей части госсектора, ужесточение налоговой системы и финансовой политики, возобновившийся экономический рост привели к тому, что поток иностранного капитала в Латинскую Америку усилился. В рамках «плана Брейди»² (названного по имени тогдашнего министра финансов США) внешний долг большинства латиноамериканских стран во второй половине 1980-х гг. был реструктурирован, в результате чего он снизился более чем на 55 % [23].

¹ Согласно «плану Бейкера», для решения проблемы с долгами предлагалось выдавать новые кредиты странам-должникам, чтобы у этих стран появилось время на увеличение экспорта и производства в целом, что, в свою очередь, должно было способствовать погашению старых и новых долгов. Также предполагалось обязательное осуществление структурных реформ. План был признан неудачным, ему на смену пришел «план Брейди» [1].

² В соответствии с «планом Брейди» было выделено около 80 млрд долл. для ликвидации долговой задолженности стран Латинской Америки; была «списана» часть задолженности банков; также были введены торговые льготы для доступа товаров латиноамериканских стран на рынок США. Предложенные меры ожидаемого успеха не принесли, страны Латинской Америки все больше увязали в долгах, часть которых приходилась на кредиты, выданные, в том числе, под гарантии МВФ, Всемирного банка и американского правительства (на общую сумму более 500 млрд долл.) [1].

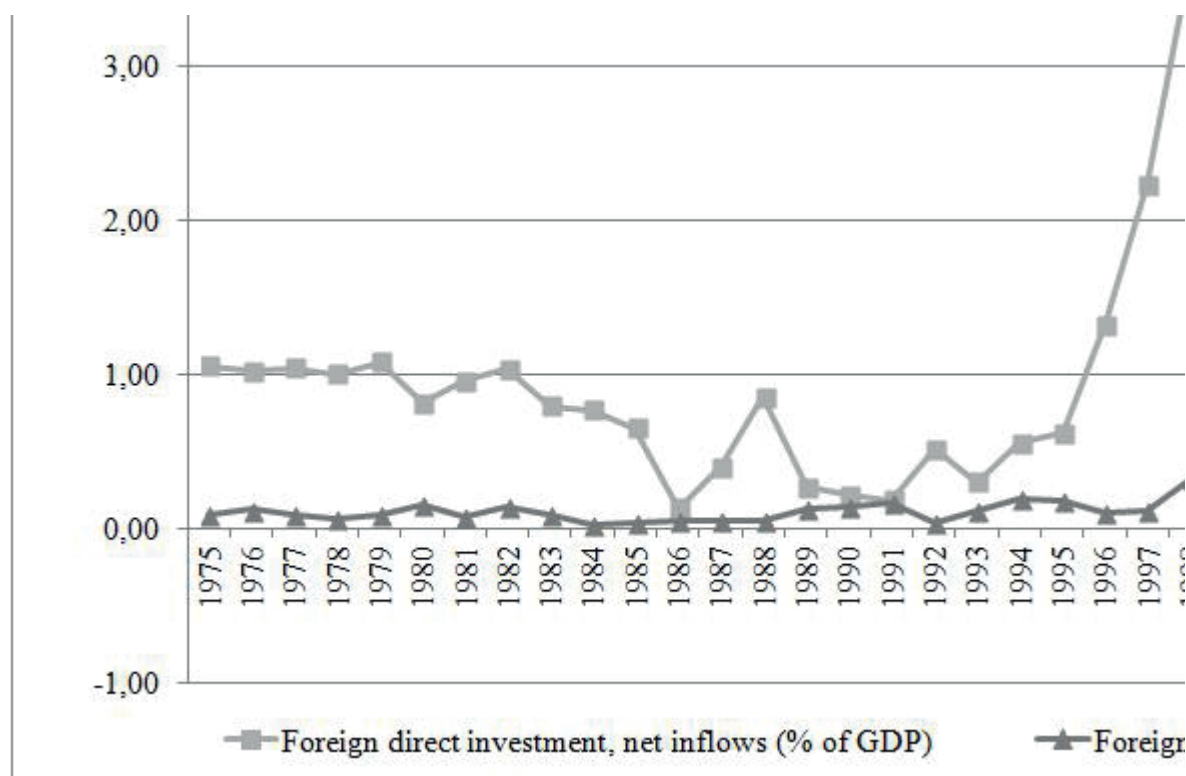

Рис. 2. Чистый отток и приток иностранных инвестиций Бразилии в 1975 – 2015 гг. [21]

На Рис. 2 можно заметить, что спад в притоке инвестиций в Бразилию начался в первой половине 1980-х гг.; после попыток стабилизировать ситуацию в регионе в ходе проведения «плана Бейкера» и «плана Брейди» ситуация с притоком инвестиций начала улучшаться, и с практически нулевого показателя 1986 г. приток увеличился на 0,9 % в 1988 г., но уже в 1989 г. данный показатель вновь приблизился к нулевой отметке. Ситуация с оттоком инвестиций в Бразилии практически не менялась с 1975 г. до начала 2000-х гг., демонстрируя незначительные показатели, близкие к нулю.

В начале 1990-х гг. в основу новой экономической модели были положены радикальные реформы. Был разработан Вашингтонский консенсус. Документ состоял из 10 позиций, среди которых – либерализация финансовой сферы при усилении государственного надзора, широкая приватизация государственных предприятий, обеспечение гибкости рынка рабочей силы, налоговая реформа, введение поземельного налога [24], [25], [26], [27].

Из-за возрастающего в 1990-е гг. дефицита торгового баланса, нарастающего внешнего долга и, соответственно, увеличения расходов по обслуживанию долга платежный баланс стал сводиться с еще большим дефицитом. «Горячие деньги», привлеченные к обслуживанию дефицита платежного баланса, впоследствии привели к финансовым кризисам.

Названный ЭКЛАК «десятилетием света и теней» период 1990-х гг. ознаменовался появлением в 1998 г. «Поствашингтонского консенсуса». Его творцом принято считать Дж. Стиглицу, который подверг критике и предложил переосмыслить принципы «консервативного неолиберализма». Он призвал включить в программу реформ «второго поколения» улучшение образования, здравоохранения, сохранение окружающей среды и демократизацию общества. Таким образом, переход ко «второму поколению» реформ обусловлен не успехом реформ «первого поколения», а необходимостью их корректировки с учетом институциональных преобразований и социальной направленности [28], [29], [30], [31].

Первая волна мирового финансового кризиса лета 2007 г. не вызвала беспокойства у стран Латинской Америки. Но в конце 2008 г. уже стали ощущаться первые симптомы, а к концу 2009 г. кризисные явления достигли своего пика [32]. Наиболее болезненными последствиями для экономики региона явились спад в сельскохозяйственном и промышленном производстве, сокращение объема государственных расходов и инвестиций.

Нестабильность мировых финансовых и товарных рынков повлияла на ухудшение платежных балансов по текущим операциям, положительное сальдо сменилось дефицитом, сокра-

тились суммы переводов мигрантов, произошло падение доходов от экспорта и внутреннего производства, большие потери понес внутренний фондовый рынок, акции компаний падали, национальные валюты начали обесцениваться, крупные средства были потрачены на стабилизацию курсов национальных валют, масштабным стало бегство капитала [33].

Таким образом, кризис 2008 г. стал преградой для начавшихся в новом столетии позитивных процессов в экономике региона. Кризис вновь заставил пересмотреть приоритеты социально-экономической политики. На первый план вышло не развитие социальной сферы, а антикризисные меры. Но в числе приоритетных задач были поддержка наименее защищенных слоев общества и сохранение достигнутого уровня жизни населения.

Мерами антициклической политики стали бюджетно-налоговые стимулы. Бюджетные средства направлялись в основном на развитие инфраструктуры, жилищное строительство, на поддержку системообразующих предприятий и сельского хозяйства [34].

Очередной цикл периода 2003–2013 гг. также называется «золотым десятилетием» стран Латинской Америки. Данный период отличался высокими ценами на сырье, дешевыми кредитами, притоком капитала на рынки развивающихся стран. Но нарастание кризисных явлений в мировой экономике, резкое падение цен на энергоносители привели страны Латинской Америки к новой рецессии. Так, в 2015 г. средние темпы роста экономики в регионе составили - 0,9 %, что является наиболее низким показателем с середины 1980-х гг., исключая только кризисный 2009 г. Более других стран Латинской Америки от ухудшающейся обстановки в мировой экономике после 2013 г. пострадала Венесуэла наряду с Бразилией и Эквадором [35].

Начиная с 2014 г. в Латинской Америке сокращение объема инвестиций достигло 7,7 %; дефицит бюджета составил порядка 6,9 % ВВП; уровень инфляции в Бразилии возрос до 10 %, а, например, в Венесуэле инфляция превысила 100 %; падение курса национальной валюты по отношению к доллару измерялось двузначными цифрами: так, в Мексике и Чили падение было около 13 %, в Аргентине приближалось к 30 %, а в Бразилии даже превысило 30 % [35].

Обеспечение стратегии социально направленного интегрированного развития предполагает повышение эффективности производства, его диверсификацию, формирование высокого уровня инфраструктуры, более равномерное распределение доходов, обеспечение равных возможностей доступа к образованию и медицинскому обслуживанию [36].

Для решения этих задач правительства государств Латинской Америки использовали ряд моделей:

- 1) Модель импортозамещающей индустриализации (1963–1973 гг.), которая предполагала развитие национального предпринимательства.
- 2) Модель экспортоориентированной индустриализации (1970–1990-е гг.), которая предполагала использование доходов от экспорта для расширения финансовых ресурсов страны и модернизации хозяйства (успех такой модели был достигнут четырьмя южноазиатскими «тиграми» — Гонконгом, Тайванем, Сингапуром, Южной Кореей).
- 3) Смешанная модель индустриализации, которая является сочетанием импортозамещающей и экспортоориентированной моделей.

Преодоление отсталости, повышение уровня жизни населения, экономический рост, изменение позиций на мировой арене и сейчас остаются главными целями социально-экономического развития [37], [38], [39].

Руководитель Центра иберийских исследований ИЛА РАН профессор П. П. Яковлев отмечает: «Нынешнее завершение сырьевого “суперцикла” совпало с началом четвертой технологической революции, с глобальным разворотом в сторону “новой экономики”. Это означает, что все государства — экспортеры сырья, стремящиеся, как минимум, сохранить свои позиции в системе мирохозяйственных связей, должны будут провести глубокую модернизацию производственных структур». Также П. П. Яковлев описывает способы перехода латиноамериканских стран на новую модель функционирования следующим образом:

- «приоритетное внимание постоянному повышению качества человеческого капитала и сокращению социальных дисбалансов;
- региональная конвергенция национальных производственных систем на базе углубления интеграционных процессов и реализации масштабных трансграничных инфраструктурных проектов;
- закрепление (при помощи государства) лидирующей роли конкурентоспособных местных предприятий в процессе активного включения латиноамериканских про-

изводителей товаров и услуг в глобальные цепочки стоимости. По сути, речь идет о выращивании «национальных чемпионов» [40], [41].

Темпы экономического роста стран региона в большой степени зависят от их места в мировой экономике и от структуры и географической направленности их товарооборота. Латинская Америка в целом является высоко зависимой от конъюнктуры мировых рынков, что объясняет факт того, что в фазе подъема мировой экономики финансово-экономическое положение латиноамериканских стран улучшается, более активное участие в экономике начинают принимать частные национальные и государственные компании, а также филиалы транснациональных корпораций. И обратная тенденция: в кризисных условиях, при спаде мировой экономики, вялого спроса на товары региона ситуация в экономике стран Латинской Америки, в ее финансовой системе начинает ухудшаться, уровень ВВП сокращается, снижаются темпы экономического роста, что напрямую влияет на сокращение возможностей решения существующих острых социальных проблем [42], [43], [44].

Задачами новой стратегии и модели развития должны стать:

- 1) Развитие «человеческих ресурсов», что в дальнейшем послужит делу роста и модернизации национальных экономик.
- 2) Сохранение «природного капитала».
- 3) Доступ к современным технологиям и их развитие внутри региона.
- 4) Обеспечение и поддержание конкурентных преимуществ латиноамериканских стран-экспортеров.
- 5) Поиск своего места в структуре современных международных отношений [45], [46], [47].

Пока странам Латинской Америки не удалось достичь устойчивого экономического роста при адекватной современным потребностям социальной справедливости.

На современном этапе, учитывая нестабильность мировой экономики в целом, региону хорошо было бы развиваться, опираясь на внутренние движущие силы, используя национальные резервы и собственные ресурсы, но пока в полной мере это трудноосуществимо. Так, по мнению П. П. Яковлева, «...на текущий момент в основном израсходованы местные финансовые ресурсы накачки потребительского спроса и антирыночного субсидирования из средств государственного бюджета отдельных отраслей экономики, что широко практиковалось популистски настроенными правящими кругами целого ряда стран в годы “золотого десятилетия”» [40].

Странам Латинской Америки необходимо двигаться по пути инновационной модернизации экономики, что будет определяться внутренней политикой и способностью решать внутрирегиональные проблемы, противостоять потрясениям глобальной экономики.

Латиноамериканскому региону стоит перед необходимостью решения следующих задач: уделять внимание развитию собственной сферы научно-исследовательских разработок; провести модернизацию в системе образования; стремиться к повышению производительности труда; повышать конкурентоспособность национальных экономик; оторваться от сырьевой специализации путем производства все большего количества товаров с высокой добавленной стоимостью. Одной из задач также является улучшение системы здравоохранения и укрепление институциональной базы общества, при этом странам Латинской Америки необходимо укреплять и развивать то, что уже достигнуто по многим направлениям в разных секторах экономики и сферах социально-экономического развития.

Литература / References

1. Шереметьев И. К., Николаева Л. Б. Латинская Америка: история финансово-экономических потрясений от «Великой депрессии» до наших дней. — М.: «АВАНГЛИОН-ПРИНТ», 2013.
2. Жирнов О. А., Шереметьев И. К. Латинская Америка: затянувшееся ожидание экономического чуда. — М.: ИНИОН РАН, 2003.
3. Промышленное развитие стран Латинской Америки в условиях НТР. — М.: Наука, 1981. — С. 335.
4. История Латинской Америки. Доколумбова эпоха — 70-е годы XIX века. — М.: Наука, 1991.
5. Давыдов В. М. Латиноамериканская периферия мирового капитализма. — М.: 1991.

6. *Michael Pettis*. The Liquidity Trap: Latin America's Free-Market Past // *Foreign affairs*. — N.Y., 1996. № 6. — P. 6–7. URL: www.foreignaffairs.com.
7. *Холодков Н. Н.* Латинская Америка: финансовая либерализация и перестройка национальных банковских систем. Итоги и проблемы. — М.: ИЛА РАН, 2009.
8. *Ткачев В. Н.* Анализ сущности денег через призму кризисных явлений // *Финансовый бизнес*. — 2011. — № 6 (155). — С. 40–48.
9. *Ткачев В. Н.* Международное движение капитала и проблема финансовых кризисов. Российский аспект. — М., 2008 (2-е изд.).
10. *Кузнецов В. С.* Латинская Америка и мировой валютный порядок XXI в. // *Перспективы развития Латинской Америки в глобализирующемся мире (первая четверть XXI века)*. Сборник докладов на научной конференции. — М.: ИЛА РАН, 2003.
11. *Urias Brambila H.* Economía y desarrollo: El debate en democracia. Comercio exterior (México). 1999. N 3. P. 183.
12. *История Латинской Америки: вторая половина XX века*. — М., 2004.
13. *Яковлев П. П.* Латинская Америка в условиях глобальной нестабильности // *Латинская Америка*. — 2016. — № 5. — С. 12–30.
14. *Бурлачков В. К.* Деньги: Учебное пособие / В. К. Бурлачков, В. Ю. Катасонов, В. Н. Ткачев. — М.: МГИМО, 2010.
15. *Латинская Америка: что принесли неолиберальные преобразования?* — М.: ИЛА РАН, 1997.
16. *Окунева Л. С.* Бразилия: особенности демократического проекта. Страницы новейшей политической истории латиноамериканского гиганта (1960-е — 2006 гг.). — М.: МГИМО-Университет, 2008.
17. *Яковлев П. П.* Аргентинская экономика перед вызовами модернизации. — М.: ИЛА РАН, 2008.
18. *Боровков А. Н., Шереметьев И. К.* Мексика на новом повороте экономического и политического развития. — М.: ИЛА РАН, 1999.
19. El Banco de desarrollo de Brasil. — URL: <http://www.inter.bndes.gov.br>
20. El grupo del Banco Mundial. — URL: <http://www.bancomundial.org>
21. World Development Indicators. URL: <http://databank.worldbank.org/data/home.aspx>
22. *Латинская Америка: экономический кризис 80-х годов и его последствия*. — М.: ИЛА АН СССР, 1987.
23. URL: http://estadisticas.cepal.org/cepalstat/Perfil_Regional_Economico
24. *Бобровников А. В., Теперман В. А., Шереметьев И. К.* Латиноамериканский опыт модернизации: итоги экономических реформ первого поколения. — М.: ИЛА РАН, 2009.
25. *Financial Globalization and the Emerging Economies* / Ed. by J. A. Ocampo, S. Zamagni, R. French-Davis, C. Pietrobelli // CEPAL. International Jacques Maritain Institute. — Santiago de Chile, 2000.
26. *Коминетт Р.* Процесс приватизации // *Латинская Америка*. — 1996. — № 1. — С. 21–33.
27. *Рютов И. В.* Приватизация в Бразилии: итоги десятилетия // *Латинская Америка*. — 2000. — № 10. — С. 25–31.
28. *Строганов А. И.* Латинская Америка в XX веке. — М., 2002.
29. *After the Washington Consensus: Restarting Growth and Reform in Latin America* / Ed. by P. P. Kuczynski, J. Williamson. — Washington, 2003.
30. CEPAL. Impacto de la crisis asiática en América Latina. — Santiago de Chile, 1998.
31. *Stiglitz J.* More Instruments and Broader Goals: Moving Toward the Post-Washington Consensus. The World Bank, January 7, 1998. The 1998 WIDER Annual Lecture (Helsinki, Finland).
32. *Лобанцова С. Н.* МАБР — крупнейший региональный банк мира (политика, механизмы, опыт). — М.: ИЛА РАН, 1998.
33. *Астахов Е. М.* Межцивилизационное измерение иберо-американского мира // *Ибероамериканские традиции*. — М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2016. Вып. 4 (14). — С. 7–12.
34. *Ткачев В. Н.* Денежно-кредитная статистика. — М.: Изд-во МГИМО-Университет, 2008.
35. UNCTAD. URL: <http://unctad.org/en/Pages/Home.aspx>
36. *Майданик К. Л.* «Четвертая волна» (О новом цикле социально-политического развития Латинской Америки. Взгляд слева) // *Мировая экономика и международные отношения*. — 2006. — № 11–12.
37. *Малые страны Латинской Америки — смена экономической модели* / Отв. ред. В. А. Теперман. — М.: ИЛА РАН, 2007.
38. URL: <http://data.worldbank.org/country>
39. Fondo Multilateral de Inversiones. Las Remesas a América Latina y el Caribe durante la crisis 2010: Estabilización después de la crisis.
40. *Яковлев П. П.* Перед какими вызовами стоит Латинская Америка // *Латинская Америка*. — 2017. — № 1. — С. 5–21.

41. *Яковлев П. П.* Экономика Латинской Америки в эпицентре «идеального шторма» [Электронный ресурс]. — URL: http://www.perspektivy.info/oykumena/ekdom/ekonomika_latinskoj_ameriki_v_epicentre_idealnogo_shtorma_2016-08-01.htm
42. *Давыдов В. М.* Повестка развития латиноамериканских стран на сегодня и завтра // Латинская Америка. — 2016. — № 6. — С. 6–19.
43. *Семенов В. Л.* Латинская Америка в мировом инновационном процессе // Латинская Америка. — 2016. — № 5. — С. 30–45.
44. *Габарта А. А.* Влияние участия Мексики в НАФТА на формирование структуры национальной экономики: Автореф. дис. ... канд. экон. наук // URL: old.mgimo.ru/files/139867/gabarta_autoref.doc
45. *Буторина О. В.* Международные экономические отношения. Базовые параметры / *О. В. Буторина, С. А. Галкин, В. Н. Ткачев*; под ред. *О. В. Буториной*. — М.: Весь мир, 2013.
46. *Ткачев В. Н.* Международное движение капитала и проблема финансовых кризисов. Российский аспект. — М., 2008.
47. *Ткачев В. Н.* Глобализация мировых финансовых рынков // Страховое дело. — 2000. — № 8. — С. 22–30.

Раздел II.
Ибероамериканский мир
в пространстве и времени:
актуальные вопросы языка и культуры

Aída Fernández Bueno

LA SEDUCCIÓN DE LA PALABRA EN NOCHES BLANCAS DE F. DOSTOIEVSKI¹

Aída Fernández Bueno, PhD,
Universidad Complutense de Madrid,
España. afbueno@filol.ucm.es

Resumen: Este trabajo es un análisis de la novela de F. Dostoievski *Noches blancas* partiendo de una lectura atenta y atendiendo a elementos básicos de su composición. El título, como elemento compositivo, muestra una estructura dual que impregnará toda la obra.

Palabras clave: sueño, polifonía, diálogo, composición.

Aída Fernández Bueno

THE SEDUCTION OF THE WORD IN WHITE NIGHTS OF F. DOSTOIEVSKI

Abstract. This work is an analysis of the novel of F. Dostoievski *White Nights* starting from an attentive reading and attending to basic elements of its composition. The title, as a compositional element, shows a dual structure that permeates the entire work.

Keywords: dream, polyphony, dialogue, composition.

Cuando el retrato literario del soñador se consideraba ya agotado y trasnochado, Dostoievski escribe su novela *Noches blancas* (1848). En ella las claves compositivas y argumentales se cimientan sobre dos binomios: el día y la noche; el sueño y la vigilia, ambos subordinados al poder fascinante de la palabra; hablada, territorio del soñador; escrita, territorio de Náshtenka. Y así, la palabra para el soñador se convertirá en el modo de realizar su sueño. Y ese sueño comienza en el mismo encabezamiento: *Noches blancas* / *Белые ночи*. Dostoievski nos transmite una información que será directa o velada en ocasiones, pero en cualquier caso, nuestra tarea como lectores será buscar ese significado oculto en la profundidad de la palabra.

Noches blancas no es un título ambivalente, antagónico o un simple juego de contrarios. Las “*noches blancas*”, como expresión acuñada, aluden a un fenómeno de carácter meteorológico que en el hemisferio norte se produce al comienzo del estío. Durante esos días la oscuridad nocturna no llega a ser completa. Esta expresión, y la realidad referida, se han convertido en eslogan publicitario, un reclamo turístico muy difundido de las ciudades del norte de Europa.

Noches blancas de Dostoievski nos transporta a un escenario donde reinan los sueños y la ensoñación, pero sobre todo la palabra. Como título de una novela, precisamente del primer Dostoievski, éste se

¹ Este trabajo tiene su origen en una conferencia pronunciada en marzo de 2011 en la sala Replika Teatro de Madrid en el marco de las actividades programadas en torno a Fiodor Dostoievski. “Dostoievski confabulado” es el título del ciclo de actividades que unía la puesta en escena de *Noches blancas* con una serie de conferencias temáticas programadas antes de la representación.

permite referencias sensitivas, luminosas y románticas, que, además, serán el tono predominante de esta novela sentimental.

Consideramos el título un elemento clave de la composición por representar el primer cara a cara del lector con el texto y por concentrar toda la intención del autor, pero en el caso concreto de Dostoievski, el subtítulo no lo es menos. Añade lo siguiente: “Сентиментальный роман (Из воспоминаний мечтателя) / Novela sentimental (Recuerdos de un soñador)” seguido de estos tres versos²: Иль был он создан для того, / Чтобы побыть хотя мгновенье. / В соседстве сердца твоего? Ив. Тургенев (1843). [¿O fue creado para estar siquiera un momento / En las cercanías de tu corazón? I. Turgenev 1843].

Es el propio autor quien, desde el comienzo, define el marco genérico de su obra y nosotros, su público atemporal, lectores corrientes o críticos, no tenemos más que aceptarlo, entenderlo y leerlo en esa clave. Dostoievski lo recalca: “novela sentimental (Recuerdos de un soñador)” y cada palabra de este sintagma está perfectamente justificada.

La crítica especializada, tanto en España como fuera, se refiere a *Noches blancas*, por un lado, como una de las dos obras maestras “menores” de Dostoievski junto con *El doble* [7, p. 427]; incluso como un encantador relato (ibid.); como una novela romántica, una corta novela [12, 167], basándose exclusivamente en su extensión, es decir, en criterios externos. Hay una fluctuación por tanto en las denominaciones genéricas: relato, cuento o novela corta. Sin embargo, siguiendo a Kaida, el volumen “no es un principio interno de definición del género, sino puramente externo” [8, p. 98]. Si se analiza el significado del sintagma novela corta, atendiendo a su composición, se obtiene el siguiente resultado [ibid.]³. De esta manera, para que *Noches blancas* pudiera encajar en los parámetros de novela corta, la composición tendría que ser radicalmente diferente; en definitiva, Dostoievski tendría que haber escrito otra obra. Parece ser que en el fondo de la cuestión genérica está una no aceptación por parte de la crítica de lo que Dostoievski entiende por novela sentimental.

Noches blancas se publicó tres años después de *Pobre gente* (1845) siendo éstas, junto con *El doble* (1846), las obras más significativas y representativas del periodo de sus inicios literarios (aunque Dostoievski ya tenía una trayectoria literaria consolidada en los periódicos de la época dentro del género del folletín⁴).

La década de los cuarenta en la literatura rusa coincide con un momento de búsqueda de nuevas formas o nuevos cánones literarios. El romanticismo europeo, que tan bien conocía Dostoievski a través de escritores franceses como G. Sand, H. Balzac, V. Hugo y alemanes como J. W. Goethe, J. C. F. Schiller, o E.T.A. Hoffmann estaba agotado literariamente. En aquellos años se produjo un cúmulo de circunstancias de naturaleza literaria⁵ que propició la entrada de otras formas estéticas con el visto bueno de una de las voces más autorizadas del momento. Me refiero al crítico Visarión G. Belinski, quien saluda con un gran entusiasmo la llegada de Gógol, atacando al mismo tiempo el romanticismo de los años cuarenta y la visión del soñador. Belinski desmitifica y devalúa el retrato del soñador romántico que deviene en un artista que

² Cito por la edición de Juan López-Morillas de *Noches blancas. El pequeño héroe. Un episodio vergonzoso*, Madrid, Cátedra, 1996. Los versos que anota Dostoievski pertenecen a la poesía Цверок [Florecilla] escrita en 1843 por Iván S. Turguéniev (1818–1883), cuya estrofa final modifica muy levemente Dostoievski. Hablar aquí de la relación de Dostoievski y Turguéniev escapa a nuestros objetivos. En aquel momento, a pesar de mantener posiciones literarias muy diferentes, la relación entre ellos era amistosa. El correr del tiempo y la distinta suerte de los escritores se encargaron de distanciarlos.

³ Según Kaida (1998: 98) si se tratara de una novela corta, habría que cambiar el concepto genérico de tiempo (presentarlo en pasado y no en presente y futuro como aparece); suprimir el paralelismo de dos historias dentro de la trama; cambiar las estructuras de los diálogos; simplificar la estructura narrativa; y atenuar el dúo compositivo entre Náshtenka y el soñador.

⁴ El folletín es uno de los géneros más populares del periodismo literario satírico. Se viene cultivando en Rusia desde el siglo XIX y fue especialmente prolífico en la época soviética con escritores como M. Gorki o M. Koltsóv. El objetivo del folletín es “desenmascarar el mal en todas sus manifestaciones. La crítica del folletinista puede centrarse en cualquier fenómeno que no esté de acuerdo con la moral de la sociedad ni con el conjunto de los ideales” (Kaida 1986: 97). Dada la función satírica del género, la selección de los medios lingüísticos y su organización serán claves por lo que la alegoría se convierte en la principal particularidad del género. La alegoría “no se utiliza para ocultar pensamientos verídicos sino, al contrario, para expresarlos con más fuerza y desde otro punto de vista” (1986, 99). El folletín utiliza tradicionalmente una forma de lenguaje oculto de manera que el subtexto es algo inherente al folletín tanto en la época anterior a la revolución, como en el periodo soviético.

Fiodor Dostoievski y su hermano Mijail cultivaron este género desde el periódico Gaceta de San Petersburgo (Петербургская газета). Fiodor era consciente de que escribir folletines menoscababa su prestigio como creador, pero también le aportaba otras ventajas; en primer lugar, de carácter económico, ya que el periodismo exigía inmediatez: inmediatez para publicar y también para cobrar. En segundo lugar, el periodismo literario, el folletín, le permitía trabajar con el lenguaje, con el lenguaje figurado y codificado, puesto que había que burlar una feroz censura. (véase J. Frank (1984) “Los folletines de San Petersburgo”). La función del folletín era entretener al público con noticias, — que no lo son tanto desde el punto de vista estrictamente informativo — en vez de temas más serios y profundos, pero que podían ser potencialmente subversivos y peligrosos. Este género exigía una actualidad constante y casi por esencia se contradice con el trabajo literario que necesita de más reflexión.

⁵ J. Frank (1984) se refiere a la publicación de la primera parte de *Almas muertas* y *El capote* en 1842; a la actitud de Belinski propiciando un giro en la literatura rusa de los años cuarenta desde el romanticismo hacia un realismo social; y, por último, a la moda del “boceto fisiológico” francés.

no lo es, falso, que simboliza la incapacidad para luchar en la vida. Bajo estas condiciones, no extraña la escasa simpatía de Belinski por la nueva obra de Dostoievski, a diferencia de lo que ocurriera con *Pobre gente*. Dostoievski se propone dar la vuelta al retrato del soñador. Del mismo modo que en *Pobre gente* Dostoievski cambia su forma de relacionarse con sus personajes, en *Noches blancas*, reactualizando la novela sentimental, los dotará de una nueva dimensión; más humana y menos etérea.

Dostoievski clasifica *Noches blancas* como una novela sentimental y es que, para Dostoievski, el género es determinante, y para comprender lo innovador de la forma novelística en Dostoievski, los trabajos de M. Bajtín⁶ son una referencia necesaria. Según Bajtín, para Dostoievski “el género es siempre el mismo y otro simultáneamente, siempre es viejo y nuevo, renace y se renueva en cada nueva etapa del desarrollo literario y en cada obra individual de un género determinado” [2, p. 150]. En relación con esto, Kaida añade lo siguiente: “La novela [en Dostoievski] se presenta en forma de apuntes, diarios, memorias, notas de viaje, confesiones”, [8, p. 102] y así, entre las novelas de su siguiente periodo artístico, — tras el decenio trágico 1849–1859 — encontramos las siguientes: *Memorias de la casa muerta* (1860), *Apuntes del subsuelo* (1864), *Diario de un escritor* (1873–1881).

Todas las novelas de Dostoievski son una gran confesión, mantiene Kaida [8, p. 89]. Si a esto añadimos que, desde el principio, como indican Otero y López Fernández [5, p. 17], ya el joven “Dostoievski mostraba una poco habitual madurez artística”, ésta ya estaría presente en *Noches blancas* y, por lo tanto, no se debe a la casualidad cualquier rasgo de genialidad. Anna Dostoievskaya recuerda que su esposo Fiodor solía hablar en voz alta y que en esos momentos nadie intervenía. Expresar los propios pensamientos en voz alta nos remite formalmente a un monólogo, pero funcionalmente es un diálogo con una función purificadora y catártica en donde el interlocutor está silente. Y al mismo tiempo es una confesión; bien adopte la forma de carta o de diario. En el fondo es lo mismo. Y es que esa forma de diario o confesión permite oír a los personajes. Bajtín lo estudió magistralmente y habló de la “polifonía” de voces en Dostoievski como un rasgo fundamental de sus novelas. Significa esto que no hay un punto de vista único; significa que el autor coordina y dirige, pero los personajes tienen su propia voz.

En *Noches blancas* se narra una historia de amor no correspondido protagonizada por una joven, Náshtenka, y un soñador sin nombre, un hombre solitario, como él mismo se define, que lleva en San Petersburgo ocho años y durante ese tiempo no ha trabado conocimiento con nadie. Al mismo tiempo, como enorgulleciéndose, afirma: “[...] aún sin ella [la gente], a mí todo Petersburgo me es conocido” [3, p. 15]. Una noche de verano, cuando muchos de los habitantes de la ciudad han salido hacia el campo, se encuentran en la orilla del canal, y tras un incidente en el que él sale en su ayuda, comienzan a hablar. Tras ese primer encuentro, en el que conversan, habrá otros tres. En total cuatro noches y una mañana.

Las historias de los protagonistas están contadas con sus propias voces y en primera persona de manera que sabremos que no es casualidad que Náshtenka estuviera en la ribera del canal aquella primera noche. Estaba esperando a que su sueño se hiciera realidad y que su amado se presentara tal y como le prometió un año antes que haría. Finalmente, su sueño tomará cuerpo al mismo tiempo que se desvanece el del soñador, al que siempre le quedará la satisfacción de haberlo tocado con los dedos.

El desarrollo de la historia se apunala durante el transcurso de las veladas que pasan juntos en la complicidad y locuacidad que proporciona la noche y ahí están, desde mi punto de vista, las coordenadas de la narración. Y el propio soñador así lo dice: “en mis sueños compongo novelas enteras” [3, p. 23]. Las claves argumentales y constructivas del relato se centran pues en dos ideas: la palabra y el sueño o la ensoñación, entendida esta última como un estado de vigilia o no, en el que, y esto es lo principal, se evoca una realidad deseada.

Este Dostoievski, el de *Noches blancas*, sorprende a sus lectores. Hablar de *Noches blancas* en el conjunto de la obra de Dostoievski implica situarse en los comienzos de su carrera literaria. Nosotros, lectores de Dostoievski, acostumbrados a su registro amplio, encontramos en esta obra un registro desconocido, mínimo. Son sus inicios literarios, los inicios de su prosa y de su andadura creativa. La sorpresa no está en que Dostoievski utilizara un registro mínimo, sino, — y ahí sí que está la sorpresa, — en que ese registro ya vaticinaba su calidad artística y particularidad creadora.

La llegada de Dostoievski a la escena literaria implica la entrada en juego de otros principios estéticos que demandarán una expresión y lenguaje diferentes. También la relación que establece Dostoievski con sus personajes, en el diálogo con ellos, es totalmente novedosa y se convertirá en su seña de identidad creativa. Aunque en Gógol, Dostoievski reconoce a un maestro, su elaboración de los personajes en este momento está más próxima a Pushkin, al Pushkin de Los relatos del difunto Iván Petrovich Bélkin (1831).

Los personajes que sostienen la narración en *Noches blancas* son dos; dos los que están en escena

⁶ Véase Mijail Bajtín, *Teoría y estética de la novela*. — Madrid, Taurus, 1989 y *Problemas de la poética de Dostoievski* (1993).

y cada uno transita por su respectiva senda argumental cruzándose en algún momento con la del inquilino, que representa el vértice que cierra el triángulo amoroso y que justifica el que nos encontremos ante una historia de amor no correspondido.

Tanto Náshtenka como el soñador se reconocen como soñadores, pero lo entienden de diferente manera. A él los sueños, la ensoñación le apartan de la realidad; le permiten sobrellevarla construyendo otra realidad paralela, otro mundo de sueño, despierto o no. Ella también es soñadora, pero reconoce la frontera. Entiende que el sueño no es real y que hay que apartarlo: “A veces [dice] eso de soñar está bien... Por otra parte, quizá no. Sobre todo, si hay bastantes cosas en que pensar” [3, p. 29].

El personaje de Náshtenka está magistralmente dibujado y delimitado. Es la réplica perfecta del soñador, su contrapeso y coprotagonista absoluta de toda la acción. Cuando Náshtenka cree perdido su sueño de encontrarse con su amado, acepta la otra posible realidad, lo que implica dar alas al sueño de él. Pero es ahí cuando Dostoievski interviene rompiendo ese momento mágico con la llegada de su amado. El personaje de Náshtenka es despierto, vivo y vive, no solo su realidad, sino también la de los que le rodean. Es moderno, un espíritu rebelde, pero al mismo tiempo fiel a la tradición (como lo prueba su actitud hacia su abuela). El personaje de Náshtenka es muy rico y está plagado de resonancias literarias anteriores. En él vemos trazas de Lisa, de Karamzin; de Dunia, de *El maestro de postas*, pero especialmente de Tatiana Larina de *Eugenio Onegin* ambas de Pushkin. Igual que ella, Náshtenka representa la ligazón con la realidad, el vínculo con la tierra, con la tradición, con su familia, con los demás. Náshtenka es una mujer instruída, que piensa incluso en dar clases para contribuir a su sostenimiento económico; con interés por la ópera, pero muy especialmente por la lectura, que convertirá en su reducto más íntimo, de la misma manera que Tatiana Lárina. Tatiana leyó toda la biblioteca de Onegin mientras le esperaba, y así lo dice el narrador: “Se entrega ahora como nunca/ a la lectura de novelas, / sintiendo sed de los engaños /que le absorben por completo” [11, p. 213]; y Náshtenka, por su parte, se impacienta según va acabando las lecturas que le proporcionan. Ella le dice al soñador: “[...] y llegó el momento en el que yo no podía vivir sin libros y ya dejé de pensar en casarme con un príncipe chino” [3, p. 45]. A Náshtenka le gusta leer en voz alta y esta bella imagen en la que ella le relee a su abuela viejas lecturas, y otras que le proporciona el inquilino, representa la esencia de la tradición oral, la transmisión cultural a través de la palabra hablada y éste será un ámbito en el que ellas reinarán⁷. Náshtenka, perspicaz e intuitiva, presiente en él una buena persona, pero impaciente; impulsiva de pensamiento, y con las alas cortadas o no entrenadas para el vuelo. Ella se debate entre el amor por su inquilino, que fue real y ahora parece un sueño, y un sentimiento de cariño y gratitud hacia el soñador, aunque en cierto modo y medida también se enamora de él, más exactamente, de su palabra.

El soñador deja manifiesta una necesidad vital de hablar y sueña con la realidad de poder personificar su sueño, de encontrar a alguien con quien conversar francamente. En este primer encuentro con Náshtenka, al comienzo, es tan feliz, que solo pide de ella “dos palabras”, pero una vez iniciada la conversación, su euforia aumenta porque siente que puede realizar su sueño a través de la palabra. Pese a la promesa, él se enamora de ella desde el principio porque personifica su sueño. Nuestro héroe empieza a relatar su historia de forma atropellada, como él mismo reconoce, adoptando una postura pedante e impostada. Su discurso, de la misma manera, resulta encorsetado y poco ágil, artificial, como si leyera un libro, — piensa él mismo quince años después. Se mueve en un registro, también lingüístico, muchas veces soñado, pero en realidad desconocido; que no es oficial, pero no puede; no sabe ser coloquial. Es un experimento lingüístico y por eso él se muestra tan inseguro. Dostoievski quiere acercarse a una lengua hablada a través de la voz de sus personajes y consigue que la palabra en boca de Náshtenka sea ágil, directa y espontánea, mientras que la del soñador es torpe y amanerada hasta el punto de dificultar su comprensión y Náshtenka le dice: “Oiga, usted cuenta muy bien las cosas, pero ¿no es posible hablar un poco menos bien? Porque usted habla como si estuviera leyendo un libro” [3, p. 32] y el soñador se justifica: “[...] porque hace mucho tiempo ya que la conozco [...] y tengo que derramarme en un río de palabras, porque si no lo hago, me ahogo” [3, p. 32].

El personaje del soñador se perfila muy exactamente y en toda su dimensión desde el mismo comienzo por lo que, desde ese punto de vista, no aportará mucha más tensión narrativa a la novela; es bastante previsible. Lo interesante de esta construcción, de este esquema es que la tensión dramática se recupera justo al final para provocar un quiebro definitivo y letal en la historia. En este momento entra en escena el día rompiendo el hechizo de la noche. Día y noche; sueño y vigilia y en torno a estas ideas se construyen los diferentes mundos de nuestros protagonistas. “Mis noches terminaron con un mañana”, dice él [3, p. 70]. El día le devuelve la realidad y le coloca en la misma habitación que ocupó anteriormente, que

⁷ Este rasgo también lo comparte con el personaje femenino de *Pobre gente*, Várenka. Véase, además, A. Fernández Bueno (2010) “Temas y personajes en la literatura rusa: del prototipo a la ficción” en Bojničanova y Alvarado, *Las tradiciones folklóricas en la cultura de los pueblos eslavos*, Madrid, Atenea, p. 235–243.

vuelve a estar sucia de nuevo. El soñador solo pudo tocar la realidad soñada manteniéndose fiel a su propia etiqueta. Su sueño se desvaneció con el alba, se esfumó, y no le quedó más que aceptar la realidad, como Calderón, de que “la vida es sueño, y los sueños, sueños son”.

Literatura / Литература

1. *Bajtín, Mijail*. Teoría y estética de la novela. Madrid, Taurus, 1989. Trad. Helena S. Kriukova y Vicente Cazcarra. 519 p.
- 2.— Problemas de la poética de Dostoievski. Bogotá, Fondo Cultura Económica, 1993. Trad. Tatiana Búbnova. 378 p.
3. *Dostoievski, Fiodor*. Noches blancas. El pequeño héroe. Un episodio vergonzoso. Madrid, Alianza editorial, 1996. Intr. y notas de Juan López-Morillas. 176 p.
- 4.— Cuentos. Madrid, Siruela, 2007. Edición y traducción de Bela Martinova. Prólogo Juan Villoro. 554 p.
- 5.— Pobre gente. Barcelona, Alba Editorial, 2010. Trad. Fernando Otero Macías y José Ignacio López Fernández. 220 p.
6. *Fanger, Donald*. Dostoievski y el realismo romántico. Caracas, Ediciones de la Biblioteca de la Universidad Central de Venezuela, 1970. Trad. Francisco Rivera. 289 p.
7. *Frank, Joseph*. Dostoievski. Las semillas de la rebelión, 1821—1849. México, Fondo de Cultura Económica, 1984. 508 p.
8. *Kaida, Liudmila*. Filología rusa moderna. Nueva vertiente. Madrid, Ediciones del Orto, 1998. 168 p.
- 9.— Estilística funcional rusa. Madrid, Cátedra, 1986. 205 p.
10. *Hita JimÉnez, José Antonio*. Nueva visión de la obra de Dostoievski. Granada, Universidad de Granada, 2003. 216 p.
11. *Pushkin, Alexander*. Eugenio Oneguín. Madrid, Cátedra, 2000. Edición de Mijail Chlíkov. 557 p.
12. *Serrano Martíñez, Jorge*. Dostoiévski entre el bien y el mal. Madrid, Editorial Complutense, 2003. 652 p.
13. *Базанова Л. В.* и др. Отечественная литература. — Москва; Юрист, 1994. — 158 p.
14. — Сочинения по русской литературе XIX века. — Москва: Новый Юрист, 1997. — 119 p.
15. *Кайда Л. Г.* Стилистика текста: от теории композиции — к декодированию. — Москва: Флинта-Наука, 2005. — 208 p.
16. *Недзвецкий В. А.* От Пушкина к Чехову. — Москва: Изд-во Московского университета, 2002. — 560 p.
17. *Кулешов В. И.* История русской литературы. — Москва: Русский язык, 1989. — 639 p.

Juan José González Trueba

Paisaje e identidad cultural en España

Juan José González Trueba,
Prof. Área Geografía, Paisaje y Cultura, Dpto. de Estudios Culturales.
Centro Universitario CIESE (Fundación Comillas/Universidad de Cantabria), España.
gonzalezj@fundacioncomillas.es

Resumen. El paisaje es un concepto complejo que resulta de la interrelación entre naturaleza, cultura y sociedad. Se destacan, primero, las ideas geográficas, sus conceptos generales, su percepción e interpretación del paisaje español. Por primera vez, se propone un nuevo vocablo para la lengua española - maresaje, - para hacer referencia al paisaje marino. A partir de aquí, este artículo pone de manifiesto el interés de las profundas y valiosas imágenes del paisaje y maresaje provenientes de la literatura y la pintura para la construcción de la identidad cultural española.

Palabras clave: Paisaje geográfico, Maresaje, paisaje literario, paisaje pictórico, estereotipos, imagen cultural, identidad, España.

Juan José González Trueba

Landscape and cultural identity in Spain

Abstract. The landscape is a complex concept that results from the interplay of nature, society and culture. It's outlined, firstly, the geographical ideas, general concepts, perception and interpretation of Spanish landscape. For the first time, a new word is proposed for the Spanish language: "maresaje", to make reference to the marine landscape or seascape. Therefore, this paper aims to highlight the interest of deep and valuable images about landscape and seascape coming from literature and painting for the construction of Spanish cultural identity.

Keywords: Geographical landscape, seascape, Literary landscape, Pictorial landscape, Stereotypes, Cultural image, Identity, Spain.

«El paisaje es una masa de tierra y cultura»
Manuel de Terán (1952)

1. La belleza del oficio de geógrafo: Maestros del mirar

El significado de la palabra paisaje ha cambiado gradualmente con el paso del tiempo, hasta el punto de que hoy se ha convertido en un concepto complejo y polisémico, según autores, contextos y disciplinas. Si nos remontamos a la antigüedad, con una raíz común indoeuropea, en las lenguas germánicas es un vocablo que se introdujo allá por el siglo V d.c., como palabra compuesta de "land" —tierra arada, porción de tierra, terreno—, y "scape"—sheaf, shape —conjunto—. De ahí *landscape*, *landske* o *landscaef* (inglés antiguo), *landschaft* (alemán), o *landscap* (holandés). En origen, por tanto, la palabra hacía referencia a un "conjunto de terrenos", un espacio de la superficie terrestre, real, concreto, que no parece contener asociaciones estéticas y emocionales. Su equivalente en las lenguas latinas, derivado del latín *pagus* —tierra, campo—, lo

encontramos en *pays – paysage* (francés), *paese – paesaggio* (italiano) y *país – paisaje* (español). Sin embargo, la definición más habitual que nos encontramos en los diccionarios actuales tiene tan sólo trescientos años de antigüedad (desde s. XVII). Fue introducida, mejor dicho, reintroducida desde y para la pintura, haciendo referencia a una “*porción de terreno que puede ser avistada de una sola vez*” o “*extensión de terreno que se alcanza desde un punto de vista elevado*”. Incluso, como señala J.B. Jackson [1], realmente cuando se reintrodujo no significaba la vista, sino su pintura. En todo caso, una apropiación que marcaría su uso posterior. Un modo de entendimiento nuevo del paisaje como panorama, como *teatro del mundo*, que expresaba la importancia de la cualidad visual, los significados estéticos y las representaciones. La imagen pictórica tuvo gran calado cultural, hasta convertirse en la lente que llegaría hasta nuestros días, con sus cánones y categorías estéticas. Ya no es un lugar (real), sino su vista, su imagen, pues en muchos casos la representación llegará a sustituir a la realidad [2].

En occidente, pues en oriente la fecha es anterior y las ideas y creencias sustancialmente diferentes, el descubrimiento y formulación moderna del paisaje es un avance cultural iniciado en el Renacimiento, continuado con la ilustración, y extendido en el horizonte naturalista y romántico. En el ámbito de la ciencia, desde mediados del s. XIX y principios del s. XX, la geografía europea consolida su concepción moderna del paisaje, hasta el punto de hacer de éste el objeto central de su estudio, y considerarse, así misma, como la “*Ciencia del Paisaje*” [3]. La obra fundacional de A. von Humboldt inauguró una nueva concepción de la naturaleza y el paisaje, no sólo científica, sino ética y estética, de honda influencia en el panorama intelectual y cultural decimonónico. En el planteamiento de Humboldt convergen las perspectivas del racionalismo ilustrado, el romanticismo alemán y del proyecto positivista decimonónico. Para Humboldt, los geógrafos modernos se ocuparon no sólo de describir, cartografiar y clasificar, sino de encontrar la unidad y armonía de las cosas, como escribe el propio Humboldt en su obra cumbre – *Cosmos*–: «...la naturaleza, considerada por medio de la razón, es la unidad en la diversidad de los fenómenos, la armonía entre las cosas creadas... es el Todo animado por un soplo de vida» [4]. En suma, una propuesta que aúna armónicamente conocimiento y contemplación, empirismo e idealidad, referencias naturalistas y humanistas. Ambos horizontes están relacionados por una mutua simpatía, pero hay que ser capaz de fundirlos sin confundirlos [5].

El paisaje es entendido desde la geografía como la configuración formal de los hechos geográficos, físicos y humanos, más sus percepciones y representaciones culturales; es decir, el lugar y su imagen. Una concepción que se sitúa entre lo que el paisaje es, y lo que el paisaje significa, entre el conocimiento y la intuición, entre la ciencia y la cultura [6]. Así pues, el paisaje es concebido como producto de la relación de un espacio, un tiempo y una sociedad, con sus percepciones y expresiones de cultura en él vertidas, de manera visible e invisible, material e inmaterial. Sobre la base del paisaje natural se funde el cultural, que incluye el material, el humanizado, el construido y trabajado, pero también el percibido, imaginado, interpretado y representado. El paisaje entendido como *escritura de la tierra*, y la geografía como vía para la lectura de dicha escritura, la del lenguaje material y el imaginado. Tal consideración, confirma una ya clásica concepción del paisaje como un *palimpsesto*, un cuaderno que contiene escrituras reescritas, superpuestas a lo largo de la historia, en su condición siempre cambiante, entre las herencias del ayer y las perspectivas del mañana. De este modo, cada civilización ha escrito sus propios paisajes, lo que les convierte en totalizadores históricos y culturales.

Las obras de las principales figuras de la tradición geográfica moderna como A. von Humboldt, K. Ritter, F. von Richthofen, A. Heim, A. Penck, S. Passarge, E. Reclus, P. Vidal de la Blache, etc., serían conocidas y dadas a conocer por los institucionistas, destacando desde el propio Giner de los Ríos, hasta otros activos miembros como Bernardo de Quiros, Bartolomé Cosío o Rafael Torres Campos, entre otros. El pensamiento gineriano del paisaje presenta una profunda huella de influencia humboldtiana. Está presente ya en su concepción de la «*relación entre el espacio – tiempo y sociedad*», «*la movilidad de la mirada*», la geografía como «*ciencia de síntesis*», el viaje y la excursión como método, el valor de la experiencia directa, el contacto con el «*gran libro abierto de la naturaleza*», el efecto fortalecedor del cuerpo, la mente y el espíritu, como bellamente se expresa en nuestra lengua: «*al aire libre*», tiene un gran poder educativo – diría Giner–, incluso moral [7].

Rafael Torres Campos y Joaquín Costa fueron figuras destacadas en el proyecto educativo de la Institución Libre de Enseñanza y en la inserción de los conocimientos geográficos en las aulas y fuera de ellas. Además, ambos tuvieron una activa y comprometida participación en los primeros pasos de la Sociedad Geográfica de Madrid, fundada en 1876, la que años más tarde se convertiría, desde 1901, en la Real Sociedad Geográfica de España. Torres Campos, buen conocedor de la obra *Nouvelle Geographie Universelle* (1876), del geógrafo y pensador francés Elisée Reclus, no dudaría en calificar a ésta como «la obra doctrinal de nuestro tiempo». Esta obra, que aunaba la objetividad científica positivista y el ejercicio subjetivo

de las perspectivas de índole ética y estética, poseía un tomo dedicado a la Península Ibérica en el que se ofrece una nueva visión de España que rompía con los estereotipos románticos. Se pone en valor a Castilla, lo que engazaría plenamente con los idearios institucionistas que harían de ésta un símbolo, lugar de memoria histórica y contenedor de las claves de la identidad nacional española. Se abraza una nueva forma de percibir España, su paisaje e identidad nacional, una interpretación de la decadencia política, un juicio sobre la división regional y la necesidad de reforma territorial del estado para adaptarse a la diversidad geográfica de las regiones españolas. Con todo lo expuesto, es posible comprender con una perspectiva más amplia las singulares referencias intelectuales que marcan la actitud y el ideario institucionista, no exento de una clara apoyatura en el pensamiento geográfico moderno. Un modo de entendimiento de España y los españoles que calaría en colaboradores y colegas, además de en generaciones de alumnos que pasaron por sus aulas y, a la postre, acabarían convirtiéndose en algunas de las figuras más destacadas del panorama intelectual, académico y artístico de la España contemporánea [8].

Con el título de su obra *La belleza del oficio de geógrafo* [9], Eduardo Martínez de Pisón se despedía de la actividad docente, siendo una de las figuras más destacadas de la geografía española del último tercio del siglo XX, y no sólo por su extensa aportación científica, o su inspiradora calidad docente, sino por la extraordinaria sensibilidad cultural de su pluma, heredero de una tradición intelectual en la que el paisaje han tenido un papel central. En dicha obra, Pisón confiesa *«haber aprendido el oficio de una escuela de minuciosos observadores...y de un estilo de expresión que quería devolver con él algo de la calidad de lo que veía, y que no renunciaba a la percepción cordial de lo observado, ni a la experiencia espiritual»*. Entre las viejas maestrías y las nuevas tecnologías la geografía se ha venido fraguando como la ciencia del paisaje. E. Martínez de Pisón y N. Ortega Cantero [10], nos recuerdan que uno de sus maestros geográficos e intelectuales, Manuel de Terán, padre de la geografía moderna española y heredero del legado cultural gineriano e institucionista, *«puso a andar nuestra Geografía con esa calidad explícita, como “Ciencia de lo Real”, en una escuela cuyas raíces se establecen en la ilustración europea y en un modo de mirar el universo riguroso y fértil, y sabiamente inserto en lo propio, evocador del mundo, en aquella perspectiva que creía en la permeabilidad cultural del saber»*. Frases célebres como *«el paisaje es una masa de tierra y cultura»*, muestran el modo de entendimiento del maestro Terán. Un modo de entender la geografía como el *oficio de observar*, en palabras de Ortega y Gasset *un ver que se hace mirar*. Un oficio que, en nuestro país, antes de conformar escuela académica, habría venido ejercitándose por algunas de las más destacadas figuras de la cultura española de fines del s. XIX y principios del s. XX. Nadie tan geógrafos como los Giner de los Ríos, Unamuno, Azorín, Machado, Baroja, Valle Inclán, y otros muchos autores de la Generación del 98. Igualmente Ortega y Gasset y numerosos autores de la Generación del 14 y su influencia sobre la generación del 27. Todos ellos conforman un largo encadenamiento de aportaciones que encontraron en el paisaje un lugar de memoria e identidad del ser de España y los españoles.

2. Paisajes del alma e imagen literaria: Una geografía sentimental de España

En la España del último tercio del s. XIX y principios del s. XX, los geógrafos eran aún escasos y mal organizados, paradójicamente, — como diría Azorín —, *«en un país de grandes descubridores del Nuevo Mundo e ignorantes de su propia patria»*, lo que explica la ausencia de reflexiones originales sobre el paisaje español, centrados éstos en cubrir los más básicos vacíos de conocimiento presentes aún en los mapas. Sin embargo, en la cultura española del momento, no dejaron de existir voces que tomaron el concepto de paisaje como objeto de pensamiento, percepción y representación. En efecto, Martínez de Pisón [11] lo recuerda de manera expresiva: *«En España la verdadera contribución cultural al paisaje, con entidad y originalidad, — no sólo dentro sino también fuera de nuestras fronteras, de haber gozado de la difusión merecida — se inicia con el compromiso, actitud, práctica pedagógica y reformista de la Institución Libre de Enseñanza, y la obra de algunos de sus más destacados miembros, hasta la aportación de los autores de la denominada Generación del 98»*. El paisaje español se reconoce desde entonces en nuevos espejos de papel, dada la entidad de la aportación literaria, aunque ésta no fue la única. El resultado de la aportación de aquellos hombres excepcionales legaría para las generaciones futuras algunas de las más sensibles y profundas miradas que crearon una nueva imagen cultural de España.

Aunque con notables diferencias entre sí, los autores del 98 compartieron una actitud abierta, liberal, de intención reformista y regeneradora, preocupados por los «males de la patria», con un «dolorido sentir» plasmado en sus propias vidas y obras. Vivieron los cambios sustanciales de la España de fines del s. XIX y principios del XX, poniendo en entredicho los modelos políticos, sociales y culturales imperantes hasta el momento. Y, sin embargo, lejos de arrugarse, optaron por un camino nuevo, en un mundo de cambio,

se enfrentaron a la realidad de una España que era *inaceptable*, y desde esa realidad, comenzaron a buscar las claves para reformular una España que entendieron fundamentalmente como una *comunidad cultural*. A diferencia de otros escritores coetáneos, de corte modernista, con una atención por el paisaje de intención fundamentalmente estética, los autores del 98 tendrán en común su dimensión ética y estética. Bebiendo del ideario institucionista y gineriano, el horizonte cultural del 98 conformaría la imagen literaria moderna del paisaje español. Tal es así, que su legado constituye todo un avance de cultura, hasta el punto que *«hoy leemos los paisajes a través de su interpretación intelectual y de su aportación artística, de su imagen literaria y pictórica»* [12].

La montaña, el monte, el desierto y el páramo, las aguas continentales y marinas, la suavidad o el rigor del clima, el campo, los pueblos y ciudades, todos ellos son cargados de evocaciones, sentimientos y significaciones que contendrán sensibles claves explicativas del ser español. Son expresión de libertad, diversidad, serenidad, austeridad, sabiduría, tolerancia, silencio, y un profundo sentido de la belleza. El propio Francisco Giner de los Ríos, en su artículo titulado “Paisaje” de 1886 [13], considerado uno de los textos más representativos del espíritu interior de Giner [14], escribía: *«Romparamos un momento los vínculos de la servidumbre cortesana y vámonos al campo, que está mucho más cerca de Madrid de lo que tantos se figuran... No recuerdo haber sentido nunca una impresión de recogimiento más profunda, más grande, más solemne, más verdaderamente religiosa. Y entonces, sobrecogidos de emoción, pensábamos todos en la masa enorme de nuestra gente urbana, condenada a la miseria, la cortedad y el exclusivismo de nuestra detestable educación nacional a carecer de esta suerte el vivo estímulo que favorecen la expansión de la fantasía, el ennoblecimiento de las emociones, la dilatación del horizonte intelectual, la dignidad de nuestros gustos y el amor a las cosas morales que brota siempre al contacto purificador de la naturaleza»*.

Los *«paisajes del alma»* de Unamuno se consideran uno de los más vigorosos y con mayor acento simbólico del grupo del 98. El viaje y la experiencia directa, la vivencia y el contacto con el paisaje y quienes lo habitan, — *el paisanaje* —, la historia del pueblo — *intrahistoria* —, ocuparan una parte central de muchas de sus obras, fruto de los frecuentes recorridos por el solar español, y su convicción de que *«España está por conocer para los españoles»*. Para Unamuno el paisaje contiene las claves mismas del carácter nacional, de la historia del país, del fundamento de la patria. En una de sus cartas personales leemos: *«Yo vivo, más que de nada, de la enorme provisión que hice en mi país de los veinte a los veintiséis años sobre todo. Llevo el alma vestida de hayas, robles, castaños y nogales, y tapizada de argoma, helecho y brezo. Mañana a estas horas estaré bajo una encina»* [15].

La visión del paisaje español en Antonio Machado está estrechamente relacionada con el ideario gineriano e institucionista, del que fue alumno. Sus impresiones del Guadarrama, Castilla y Andalucía, de todos aquellos lugares que se encuentre en su *camino*, como metáfora de la vida, construyen una *«geografía emotiva»*, que generaría algunas de las imágenes más sensibles y profundas de nuestra literatura contemporánea. Poemas como *Las Encinas* son bien expresivos de los significados geográficos y culturales vertidos por el poeta sobre nuestros lugares y gentes [16].

Azorín fue uno de los autores más cercanos al ideario gineriano, interesado por descubrir e interpretar las huellas del tiempo pasado escritas en el paisaje. Dota de gran importancia al conocimiento geográfico, alertando del mal de *«un país en el que nadie sabe geografía»*. Castilla ocupará un lugar central en su obra, estableciendo un estrecho vínculo entre el paisaje castellano y sus gentes [17]. Sin embargo, no descuidará otros ámbitos regionales como los levantinos, de los que crea una renovada valoración de sus rasgos mediterráneos. Al hilo de esta cuestión, destaca el caso de Pío Baroja quien, a pesar de mostrar una clara atención por el paisaje español, será de los autores del 98 más distanciados del ideario gineriano, alejándose de Castilla, y centrándose en otros ámbitos como el País Vasco, o ciudades como Madrid, Cuenca o Córdoba de las que conformaría algunas de las imágenes modernas más logradas. Realismo y sensibilidad serán los dos basamentos de la obra de este autor, del que el propio Hemingway reconocería como uno de sus *maestros*, con un paisajismo en el que destaca un aliento pictórico, de pintor impresionista, atento a la diversidad y singularidad de cada región española. El mismo Baroja, tan geógrafo, escribió que *«había que ser macetas porosas que enlazan con el ambiente exterior, y no como el búcaro vidriado que aísla y conduce a la planta al raquitismo y la muerte»* [18].

El entendimiento del paisaje estará presente también en los autores de la generación del 14. Tal es el caso del propio Ortega y Gasset. En su obra filosófica se inserta con naturalidad en el entendimiento del espacio, los planos de la realidad y su interpretación. Es más, sus referencias directas a una *geografía sentimental* y al paisaje son claras y bastante capitales [19]: *«¿Qué es un paisaje?... como materialidad de lo que nos rodea ... síntesis entre las cosas y las ideas»*; *«La experiencia del paisaje es una experiencia vital»*; *«el medio al convertirse para mí en circunstancia, se hizo paisaje»*; *«no hay un yo sin paisaje»*; *«el patriotismo es ante todo la fidelidad al paisaje... la patria es el paisaje»*. Frases expresivas del pozo cultural y los diferentes planos de valores y significados contenidos en el paisaje para el filósofo español.

Por su amplitud y originalidad, la creación literaria del 98 generaría toda una geografía sentimental de nuestro país, un mapa literario con sensibles y profundos niveles de lectura y significación, todo un arte del paisaje, toda una vigencia cultural sobre el ser de España y los españoles. Recuerdo y comparto las palabras de Julián Marías [20] al afirmar que dicha aportación es ya «una adquisición para siempre» de la cultura española, con sus consecuencias y continuaciones hasta el presente. Las generaciones posteriores hemos recibido el legado de su mirada, con sus claves de interpretación y niveles de significación. Sin embargo, ésta habría tenido mayor reconocimiento y calado, dentro y fuera de nuestras fronteras, de haber sido conocida suficientemente en su momento. Pero, no olvidemos que surge desde una élite intelectual, científica y artística, y aunque su quehacer inicial, desde la propia ILE, está encastrado en un proyecto pedagógico y regeneracionista comprometido, que trata de llegar al pueblo llano, a través de la educación, su aplicación generalizada sólo encontraría sostén en los cortos años de la República.

La guerra civil española trajo consigo una ruptura traumática de este proyecto educativo y cultural, truncando el calado de su aportación en el conjunto de la sociedad. Durante los años de la postguerra, la propaganda de la dictadura franquista se encargaría de fosilizar su mensaje liberal y abierto, a favor del ideario reaccionario del nacionalcatolicismo. Durante estos años, la pérdida de figuras emblemáticas, el exilio de otros muchos, las sustituciones y el silencio impuesto desde el régimen, provocaría una gran sombra social y cultural que de nuevo venía a cubrir el país; y no sin razón, una vez más, desde fuera de nuestras fronteras se dibujaba una imagen de España como estado dictatorial, intolerante, conservador, religioso y cerrado. Una imagen de país del que poco se podía esperar en el plano de la cultura. Y, sin embargo, paralelamente, existe una sociedad española, más fuera que dentro de su espacialidad, en la que no fueron extrañas las aportaciones de genialidad.

Con todo, desde los años de la postguerra, la atención por el paisaje y sus valores decae en la literatura española, y ya nunca se volvería a dar algo parecido en cantidad y calidad, aunque su legado haya continuado, no sin saltos e interrupciones, en la obra de figuras de la talla de C. J. Cela y M. Delibes, o J. Llamazares entre los actuales, lo que ha venido ofreciendo imágenes revisadas, renovadas y valiosas de la España reciente. Ya con la transición hacia la democracia, la aportación generada un siglo antes por institucionistas y noventayochistas podía encontrar de nuevo cabida en la educación general del país, pero se dio de manera desnaturalizada, descontextualizada y, en muchos casos, parcialmente asumida y entendida [21].

La España actual ha cambiado mucho, también sus vigencias socioculturales, y sin embargo, con las necesarias adaptaciones y matices, nuestra relación y compromiso con nuestra circunstancia espacial, nuestros paisajes siguen siendo reflejo de lo que somos, de dónde venimos y hacia donde caminamos. La razón ordena e indaga mientras el mundo habla y actúa. *Caminante no hay camino/ sino estelas en la mar*. Escenarios prestados por el tiempo, los paisajes se suceden. *Son recuerdos de olvidos* — decía Cernuda — , que van tejiendo nuestro mundo.

Nuestra literatura contiene buena parte de la esencia del pensamiento y el ser español. Narra la circunstancia de una historia compartida, la diversidad y contrastes de nuestros paisajes, lugares de memoria e identidad común, nuestros pueblos y ciudades, sus gentes, su mirada, su modo de hacer y ser. La lengua española se convierte así en morada vital del carácter nacional. En ella, sea de manera oral o escrita, acontece la expresión de la realidad. El escritor es entendido como el hombre que interpreta desde su lengua, desde su país, personalmente, la realidad en forma expresa; al igual que las gentes de la calle lo son en su quehacer diario.

3. El arte del paisaje: Pintura e imagen cultural de España

En la actualidad, el modo de entendimiento más generalizado del paisaje, como panorama, como extensión de terreno que se ve desde un punto, incluso como representación de dicho objeto, atendiendo a un canon de belleza dado, es una reinención, o mejor dicho, una apropiación, que desde el siglo XV, comienza con la pintura renacentista italiana, flamenca y holandesa. A partir de entonces, con la invención del marco, la venta a través de la que mirar, el estudio de luces y sombras, contrastes, colores, formas, juegos de líneas y perspectivas, hacen de la pintura del paisaje una composición, un arte de componer. Un impulso inicial a la vez naturalista y espiritualista. En el s. XVII con Rubens se renueva tal línea, a la vez que añade su magistral visión de profundidad y, tras él, vendría la tendencia flamenca a lo decorativo, mientras que el arte holandés con Ruysdael aportaba el gran efecto de mares y celajes. La pintura paisajista italiana pasaría a ser un género especializado, ganando en lo aéreo y con tendencia al efectismo. Poussin vendría a añadir un *paisajismo histórico*, y Lorena avanzaría en la evolución de las escenografías y los efectos

de luces. La luz adquirirá una gran significación, desde Corot, Turner o Friedrich, hasta los impresionistas. Con este recorrido, en occidente la pintura encuentra y rescata el paisaje. Es una aportación propia al objeto y a veces hasta una sustitución en la materialidad del cuadro, en el sentido del término y en la apreciación estética. El arte del paisaje trazará, así, todo un recorrido de categorías estéticas: maravilla, pintoresco, sublime, gracia y belleza [22]. Los paisajes tienen estilos, como el arte, son el rostro del carácter nacional con sus rasgos propios.

En nuestro caso, los grandes maestros de la pintura del siglo de oro, como el Greco, Murillo o Velázquez, construyen la imagen de la España imperial y religiosa. Sus cuadros están cargados de escenas religiosas, cristianos de serio porte y negra vestidura, mitología, pomposos guardainfantes, nobles, meninas y emperadores, o grandes campos de batalla, escenarios de la gloria nacional en los que el paisaje aparece aún como telón de fondo. Y es que, en España el aprecio y énfasis de la pintura por el paisaje es un avance plenamente moderno. El tránsito del paisajismo como género pictórico mayor llega con ilustrados y románticos, especialmente desde principios del s. XIX.

Con el horizonte viajero romántico se inicia la conformación de la imagen pictórica moderna del paisaje español, con sus preferencias, caracteres e impresiones. El paisaje es interpretado como un estado de conciencia, «*por la larga contemplación de lo bello — escribe R. Ford —, se sorprenden trozos del bello mundo interno*». De acuerdo con los cánones alpinos y nórdicos, de viajeros más extranjeros que nacionales, se produce una marcada predilección por los ámbitos montañosos y boscosos, por castillos y ruinas testigos del legado antiguo y medieval, por lo exótico materializado en el clima, paisajes y la huella oriental del sur [23]. Comenzaba así la *andalucización* de la imagen de España [24]. En su obra *Manual para viajeros por España y lectores en casa de 1845* escribe: «*Sevilla, Córdoba, Ronda y Granada, cada una a su manera peculiar, no tienen rival ni en España ni en Europa*». Por contra, las llanuras y mesetas del interior apenas interesan al viajero romántico, le aburren, son monótonas, siente por ellas una manifiesta animadversión.

La genialidad de Francisco de Goya inaugura un cambio de época en la pintura española. Su obra «*El 3 de mayo en Madrid*» o *Los fusilamientos* (1814), expresa la exaltación nacional española frente a la invasión francesa; y con la serie *Tauromaquia* contribuye también a extender la imagen exótica de lo andaluz-español. La pintura de G. Pérez Villaamil es expresiva de los gustos, motivos y lugares románticos con su «*Castillo de Alcalá de Guadaira*» (1833), la «*Vista de la Torre del Oro*» en Sevilla (1835), o «*Paisaje*» (1839), donde la montaña y el bosque, se enmarcan en una composición plenamente romántica. El viajero romántico recoge los tipos humanos, los modos de vida, costumbres y formas de organización de la España de la época, y así lo vemos plasmado en la obra de autores como Valeriano Domínguez Becquer y sus escenas costumbristas pintorescas. Entre los artistas extranjeros, destacaran los formidables grabados de Gustav Doré de fines del s. XIX, que adornaron numerosas guías y obras de viaje europeas, con sus tipos populares: gitanas, mendigos, pícaros, cenacheros y bandoleros, sus palacios moriscos o sus ruinas cristianas.

El panorama de fines del siglo XIX traería aires de cambio con la llegada de visiones más realistas y naturalistas, promovidas por las nuevas corrientes de pensamiento científico y filosófico europeo. Y todo, al tiempo que se daban permanencias de autores y tendencias tardíamente románticas. La pintura del paisaje se convierte en objeto, vía y género propio de expresión de la realidad de España y los españoles, con sus caracteres, diversidad y contrastes. Enlaza así, plenamente, como hemos visto en el primer apartado de este trabajo, con la llegada e influencia del pensamiento geográfico moderno, el regeneracionismo y la aportación del institucionismo. La escuela paisajista española adquiere entidad propia con la maestría y obra de Carlos de Haes (1829–1898) y sus discípulos posteriores. Aunque en algunas de sus primeras obras aún es posible percibir la influencia de los cánones románticos, como en los cuadros «*Un paisaje. Recuerdos de Andalucía. Costa del Mediterráneo, junto a Torremolinos*» (1860) o «*Montañas de Asturias. Los Picos de Europa*» (1871), obras como «*La canal de Mancorbo. Picos de Europa*» de 1876, se han convertido en paradigma del paisajismo realista español. Sin embargo, a su vez, con obras del propio Haes como «*Torremolinos*» (1876), en la que la pincelada se ensancha, y la luz y el color adquieren el protagonismo central de la percepción del paisaje, el maestro belga abriría el camino hacia una pintura impresionista seguida por diversos autores posteriores.

El paisajismo español encontraba continuidad así en la obra de pintores como Regoyos, Domingo, Beruete, Sorolla, Zuloaga, R. Baroja, Morera, entre tantos otros. El propio Azorín llegará a comparar a Baroja con Regoyos diciendo: «*De unos paisajes a otros, del pictórico al literario no hay más que un paso*». Aureliano de Beruete, con sus pinturas del Guadarrama, de las *armonías cantábricas* [25], o de ciudades cargadas de historia como Ávila y Toledo, busca una honda significación cultural de paisaje. De éste diría Emilia Pardo Bazán: «*Cada paisaje de Beruete... es un trozo de verdad implacable*». A diferencia del rechazo romántico, Castilla y la meseta central se convertirán en lugares de memoria e identidad, sin desatender, a su vez, la diversidad regional de todo el reborde periférico. En este sentido, las conexiones y equivalencias

entre esta pintura paisajista y la imagen literaria de la generación del 98 es bien expresiva, evidencian una percepción y un modo de entendimiento del paisaje como contenedor de la identidad nacional española [26]. Se enfrentan a la tarea de entender y extender una nueva realidad, reorientar el destino de un pueblo, entre las herencias del pasado y las perspectivas del futuro. La pintura del paisaje plasmó una nueva visión de España, con lienzos cubiertos de una amplísima paleta de color. Con los distintos tonos de verde también se enseñó geografía cultural. Igual lección, nos traería nuestro genial maestro de la luz, Joaquín Sorolla. En su obra encontramos, por igual, la esencia del Cantábrico y del Mediterráneo. Esta misma trayectoria a través de la impresión de luces y colores la podemos encontrar en numerosos pintores de la escuela paisajista catalana, con obras cargadas de lirismo, como es el caso de Eliseo Meifrén Roig o Francesc Gimeno. Con las tendencias modernistas, autores como Santiago Rusiñol, aunque pinten también paisajes, lo harán con intención más estética que ética.

A medida que avanza el siglo XX, como en el resto de planos de nuestra cultura, el paisaje iría perdiendo primacía, respecto a las nuevas tendencias y corrientes del expresionismo, surrealismo y cubismo, y aún así, el paisaje no está ausente en la obra de algunos de nuestros más geniales pintores. En la obra de Joan Miró «*La Masía*» (1922), aparece como icono y expresión del paisaje e identidad catalana. En Salvador Dalí, su «*Cadaques visto desde la torre de Creus*», ofrece desde el cubismo su original visión de un paisaje de memoria personal. También con su «*Muchacha en la ventana*» (1925), el marco se hace verso, el paisaje mediterráneo, a través de la ventana, adquiere de nuevo una especial simbología. Lo mismo encontramos en la obra de Benjamín Palencia, asiduo del círculo institucionista, con sus pinturas sobre Altea (1927, 1929), en las que el mediterráneo se enmarca entre las callejuelas de la villa, pintura cubista que rellena la paleta del ocre mediterráneo. Incluso alguna de sus obras más originales tendrán el «paisaje» (1926), como medio de representación. Igualmente, nuestro universal Pablo Picasso pintará una serie de cuadros con el paisaje como motivo, bagaje y mensaje. Reinventa, desde su originalidad, la ventana a través de la que mirar su mundo mediterráneo. Así es en «*Paisaje*» (1912), «*Paisaje con árbol muerto y vivo*» (1919), o como expresa, con su estilo propio un «*Paisaje mediterráneo*» (1952), con sus luces, colores y formas identitarias. Como vemos, la pintura del paisaje también fue imagen, idea y sentimiento de una España necesitada de más luz.

4. Paisajes marinos o Maresajes: La mar en la cultura española

No se puede pensar y sentir España sin la mar. Forma parte de nuestra circunstancia espacial (geográfica), temporal (histórica) y cultural. Desde el punto de vista espacial, su territorio continental es una península, una *casi isla*, conectada al resto de Europa a través del istmo pirenaico. Está abrazada por sus cuatro costados por la mar. A esto se añaden los archipiélagos mediterráneos y atlánticos, y los enclaves de la costa africana.

Desde antiguo el mar fue considerado un medio hostil al ser humano, en su condición de animal dotado de piernas para caminar por tierra y pulmones para respirar el aire. Fue el lugar del mito y el misterio, largo tiempo inexplicado, el mar se asoció a la idea de peligro, aventura y miedo. Séneca el retórico (padre de Séneca el filósofo) escribió: «*Nada es infinito, excepto el océano*». La entrada al gran océano, al mar abierto que en la mitología griega estaba señalado por columnas, entre otras, las de Hércules situadas en el estrecho de Gibraltar, señalaban el final del mundo a los *Argonautas*, el límite a un *mare horridum et ignotum* — espantoso y desconocido —, era el *Non Terrae Plus Ultra* — no existe tierra más allá —. Los aires de cambio llegaron con la nueva era de los viajes y descubrimientos, surcando los mares en una travesía del *mito al logos*, de lo ignoto a lo nuevo. Encabezado por españoles y portugueses, la atracción por lo desconocido, el afán de gloria y la búsqueda de riquezas vencieron el temor medieval al océano. Así, la antigua advertencia mitológica fue sustituida por el lema *plus ultra* — *más allá* —, con el que el imperio ultramarino español animaba a los navegantes a desafiar y olvidar las creencias del pasado. Por cierto, dichas columnas y lema aún son visibles en el escudo actual de la bandera española.

El ser español en el tiempo ha estado marcado por tal circunstancia. En su condición de espacio de frontera, de extremo civilizatorio, la mar ha sido confín, amenaza, aventura, horizonte de esperanza, exploración, descubrimiento, conquista, camino de fortuna, ambiciones, naufragios, puente de intercambio, salida y llegada de productos, gentes, ideas y culturas, vía de exilio y migración, espacio trabajado, vivido y soñado. El Mar Mediterráneo ha sido puerta de entrada de fenicios, griegos, cartagineses, romanos y árabes; gentes y culturas sin cuyo legado no podemos entendernos hoy. Por el Mar Cantábrico arribaron las influencias de diversos pueblos del norte como celtas, normandos y vikingos, que contribuyeron a

acentuar nuestra diversidad regional. Y el Atlántico, más allá del *Finisterre*, se abría para permitirnos ser descubridores de *nuevos mundos*. Con América en 1492 se iniciaba la historia de un encuentro con más de tres siglos de duración, una mezcla y hermandad cultural que perdura. Tendrían que pasar varios siglos para que con la ilustración primero, el romanticismo después, la idea de lo bello y lo sublime recalasen en nuestra cultura. Desde entonces, todo un poso de valores y significados se refleja en la mar. Con el tiempo, la mar también se ha convertido en lugar de memoria, afecto, belleza, libertad e identidad cultural.

En lo social, la población española se ha ido concentrando mayoritariamente en la periferia, en torno a sus franjas costeras. Es un poblamiento y sociedad volcada al mar. La costa se ha convertido en el lugar de vivienda, ocio, recreo, destino y atracción. Los vacíos poblacionales de las mesetas interiores, acentuados por el éxodo rural en tiempos de la postguerra, contrastan con las acumulaciones urbanas costeras del Levante y Andalucía, así como las principales ciudades y puertos cantábricos y atlánticos. A la España de la fiesta, toros y pandereta, se le suma un tópico alimentado por un modelo turístico de masas de “sol y playa”, que, iniciado durante la dictadura franquista, y reforzado hoy por los medios de comunicación globalizados, acrecienta la imagen romántica y estereotipada de nuestro país. Efectivamente, el mar y la playa tienen una posición central en el imaginario de España del visitante extranjero. Pero la imagen atractiva del Mediterráneo con su luz, sus aguas y costas, oculta una realidad mucho más diversa y contrastada, la de una España mediterránea y atlántica, seca y húmeda, de dorado ocre e intenso verdor. Sus regiones de cada punto cardinal contienen igual diversidad cultural, sin que lo propio tenga por qué negar lo compartido. En este sentido, como he planteado recientemente en la presentación de la obra de E. Astakhova [27], la riqueza de una realidad nacional depende, más aún de lo que es, de la intensidad y perfección con que sea conocida, imaginada, aprehendida y proyectada. La realidad humana incluye su interpretación, en buena medida *somos lo que creemos ser*. Pensar España implica la necesidad de ensayar y preguntarse sobre el grado de autenticidad de las imágenes de España, entre la complacencia real y el desapego teórico.

Sobre nuestro sentimiento de la mar, hay una curiosidad y una explicación. En lengua española es frecuente encontrar entre aquellas personas con un vínculo especial, cercano y vivencial con la mar, *hombres y mujeres de mar*, el hecho de que se refieren a ésta en femenino — *la mar* —, frente a un uso más generalizado del masculino — *el mar* —, por parte de los pobladores de interior. Juan Ramón Jiménez escribiría «*sin compañera... o sin compañero/ según te diga el mar o la mar*». Los valores otorgados a la mar en nuestra cultura hacen que la lengua, en su condición de *morada vital del pueblo*, esté plagada de vocablos de origen marítimo. Los marinos, pescadores y navegantes, entre otros muchos amantes de la mar se refieren a esta con el símil de una bella mujer, con su alma y sus estados de ánimo cambiantes, de la tormenta a la calma, que a pesar de los peligros enamora, es fiel compañera, amor para siempre. Es expresivo y entrañable ver cómo los ancianos pescadores, ya jubilados, tras toda una larga y dura vida trabajando en la mar, acuden cada día al muelle, al muro, a la playa o al acantilado, sacan su pequeño bote para *ir a la mar*. La mar ha sido su vida, amenaza, sacrificio y fuente de sustento. Sienten un especial agradecimiento, respeto y atracción. Para muchos es nuestro espacio de libertad espiritual. Es símbolo y lección de permanencia y cambio, movimiento, efímera existencia. La belleza del mundo en una ola que rompe al encontrar la costa; en una gota de agua que se hace nube, lluvia, río, lago, nieve o glaciar, antes de volver a la mar.

Cuando cruzamos la orilla y entramos en la mar, hay encuentro y unión. La mar contiene grandes fuerzas de la naturaleza que configuran sus componentes: olas, vientos, corrientes, mareas, marejadas y maresías. Esta bella palabra — *maresía* —, en nuestra lengua española hace referencia al aire cargado de humedad marina característica de las zonas próximas a la orilla del mar. El salitre en suspensión, especialmente visible los días de fuerte oleaje, con las primeras o últimas luces del astro rey, inunda con su *olor a mar* toda la costa. Se forma así, un ambiente propio, un deleite para todos nuestros sentidos, un vínculo reconocible, sedimentado ya para siempre en nuestro interior, algo que empapa nuestro corazón. Es sustancia y metáfora, hay en ella una enérgica y esencial verdad.

Como apuntaba en el apartado anterior dedicado al paisaje en la pintura española, la mar ha tenido su espacio y atención propia. Sus luces, colores y texturas, su carácter efímero y cambiante, han posibilitado una pintura emotiva y cargada de significaciones. La mar ha sido musa, motivo y vía de expresión para algunos de nuestros más brillantes pintores; desde Sorolla y su luces, gentes y lugares, pasando por Miró o Dalí que pintan también sus tierras y mares, a nuestro Picasso universal, quien reinventara desde su originalidad la ventana a través de la que *mirar su mundo mediterráneo*.

Dentro de nuestras letras, se han escrito diálogos intensos con la mar que expresan una relación íntima y un sentir especial. Pienso que, en buena medida, lo expresado sobre la mar es reflejo de nuestra forma de ser y estar en el mundo, son claves de civilización y cultura. Recuerdo las palabras del maestro Giner de los Ríos quien decía que «*uno encuentra en el paisaje, lo que cada uno trae consigo*», «*yo no quisiera humanizar el océano, sino ser como él. Sólo entonces comprendería su esencia*» [28].

La poesía ha sabido, quizás como ninguna, expresar los valores y significados de la mar en nuestra cultura. En ella están vertidos cantidad de sentidos versos que muestran la relación de un pueblo con un elemento fundamental para entender nuestro *estilo vital*. No se trata aquí, aunque no sería tarea menor y falta de interés, ensayar una antología poética del mar en España [29]. No obstante, una rápida mención a algunos autores y obras pueden servir para evidenciar el calado de la propuesta planteada. ¿Por dónde empezar? En el *Libro de Apolonio* del siglo XIII, se encuentran ya estrofas de sus desventuras marinas narradas a un pescador. También desde Martín Codax y su «*Ondas do mar de Vigo*», a Garcilaso de la Vega y «*Pasando el mar Leandro el animoso*». Juan de Arguijo cantaría pronto al devenir de la vida y la existencia en «*La tempestad y la calma*». Desde José Zorrilla y su poema «*El mar, el mar*», G. Gómez de Avellaneda y sus versos «*Al mar*», Gustavo Adolfo Bécquer y su canto a las «*Olas gigantes que os rompéis bramando*», hasta Rosalía de Castro y su «*Del mar azul las transparentes olas*», que «*tentadoras me besan y me buscan*». F. Villaespesa escribió «*Junto al mar*»; y Eduardo Marquina con «*Se pinta el mar*», expresaría que «*la tierra es toda vida / y el mar es todo amor (...) / la tierra es criatura y el mar es creador*». Rubén Darío y su bello canto a la «*Marina*», es un poema cargado de epítetos y metáforas. Joan Maragall en sus «*Vistas al mar*», habla de velas que parecen «*flores del mar*». Este tiene veintiocho colores «*y todo está revuelto: el cielo, el agua / (...) muda el color cual virgen vergonzosa*». El maestro Unamuno y «*El poema del mar*», utiliza metáforas de la geografía terrestre para describir el mar como un «*Yermo rumoroso... / cuna de la vida... / palpitante sábana... / campo de misterio... / tumba de ambiciones...*». Irrenunciable la mención a la sensibilidad de Juan Ramón Jiménez y su «*Mar despierto*». Es un poeta de mar, creció a su lado, «*Salgo a mirarte cada aurora*», y lo entiende como el «árbol de olas» que sostiene en su agua el cielo vivo. El mar como «ojo en dura metamorfosis», que contempla «*sin tregua ni cansancio el espectáculo total del sol y las estrellas*». Federico García Lorca escribió «*La balada del agua del mar*», donde el mar posee «*dientes de espuma/ labios de cielo*», y el agua se vende, se lleva, se llora. Y Manuel Machado su «*Marina*». El genial Rafael Alberti y su obra *Marinero en Tierra* de 1924 contiene sus bellos versos de «*El mar. La mar*» y «*Si mi voz muriera en tierra*»: «*El mar. La mar/ El mar. ¡Sólo la mar!/ ¿Por qué me trajiste, padre,/ a la ciudad?/ ¿Por qué me desenterraste/ del mar?/ En sueños, la marejada/ me tira del corazón./ Se lo quisiera llevar./ Padre, ¿por qué me trajiste/ acá?*»; Y «*Si mi voz muriera en tierra/ llevadla al nivel del mar/ y dejadla en la ribera/ Llevadla al nivel del mar/ y nombradla capitana/ de un blanco bajel de guerra/ ¡Oh mi voz condecorada/ con la insignia marinera:/ sobre el corazón un ancla/ y sobre el ancla una estrella/ y sobre la estrella el viento/ y sobre el viento la vela*». Gerardo Diego escribió su «*Mira el mar, siempre el mar*»; Tomás Morales «*Los puertos, los mares y los hombres de mar*» y «*Oda al Atlántico*»; mientras P. Salinas canto a «*Los mares*»; Luis Cernuda «*El mar es un olvido*»; y Miguel Hernández su «*Mar y Dios*». Los versos de Vicente Aleixandre están cargados de emociones en «*Mar del paraíso*», donde canta a la «*Luz eterna, / vasto mar sin cansancio/... rosa del mundo ardiente...*». A orillas del mar aprendió a decir «los primeros nombres amorosos:/ cielo, arena, mar». No puedo tampoco dejar de recordar a mi paisano José Hierro y su «*Despedida del mar*»; a Blas de Otero y su poema «*Que trata de España*», o más recientemente a Juan Luis Panero y su «*Más allá del mar*», o Manuel Padorno con su «*El mar cae en la orilla, desde arriba*» y «*Oír la ola distinta*». La enumeración de esta marejada poética podría contar con un largo etcétera.

Llegado este punto, evidenciados los valores de la mar en la cultura española, recuerdo una conversación mantenida con otro viejo maestro de geógrafos en España — Luis Vicente García Merino —, quien, conocedor del origen y etimología del término paisaje, y debatiendo sobre el concepto y sus significados, me recordaba que, en principio, la palabra paisaje se refiere y limita a los espacios terrestres, de ahí en nuestra lengua la necesidad de adjetivarlo con “*marino*”, si a este ámbito nos vamos a referir. Tal reflexión, me llevó a la necesidad de argumentar que, más allá de la orilla, hay algo, independientemente de la subjetividad del observador, hay un objeto observado, un lugar, con sus componentes, procesos y dinámicas, en superficie y en profundidad, un espacio con una configuración de formas, luces, colores, texturas, que en su enorme diversidad, son percibibles por nuestros sentidos. Un lugar donde el elemento agua es el gran dominante, original significación. Y además, es un espacio de energía esencial sobre el que cada individuo y colectivo a lo largo del tiempo han vertido todo un poso cultural, con miradas, sentimientos, circunstancias y modos de entendimiento propios. La relevancia de la idea expuesta es tal, que me lleva a la conveniencia de proponer un vocablo nuevo, propio, específico con el que referirnos al “paisaje marino” como “*maresaje*”. No es del todo original, pues en otras lenguas ya existe tal equivalente. En lengua inglesa, por ejemplo, a su *landscape* — *paisaje* —, añaden un *seascape* — *maresaje* —, como término utilizado y aceptado, dada la entidad del objeto físico referido y sus significaciones culturales. En todo caso, proponer una nueva palabra para nuestra lengua española, siempre es una feliz aportación.

5. Conclusión:

Lenguajes y lecturas del paisaje español

Decía Giner que «*hay continuidad entre las palabras y los lugares, entre las descripciones y los panoramas, entre los paisajes y el observador*». La fuerza de las cosas nos penetra en la inmediatez del paisaje. Les invito a acudir al encuentro del ser de España y los españoles a través de sus paisajes y maresajes. La realidad que se aparece ya no es sólo vista y estética, es tuétano y ética. En un tiempo marcado por la mutilación de paisajes, pensemos que no sólo perdemos lugares físicos, sino también sus valores, significados y sentimientos en ellos vertidos. Cuando un paisaje desaparece, un poema enmudece, una pintura se oscurece, una cultura se empobrece.

En España ha sido común en el tiempo la *preocupación nacional* sobre el *ser español*. Muchas de las grandes figuras de la cultura española han mostrado su *preocupación*, su *descontento*, un *dolorido sentir*, un *me duele España*, pero las más de las veces erróneamente interpretados. Se ha malentendido la *quejumbre*, que venía del entusiasmo y afán de perfección. Se ha tomado como desapego, el más radical apego. A este nivel hay que distinguir entre la negación rencorosa y el descontento creador. Y en esta tarea de caminar hacia otra España posible, más abierta y sensible, el valor cultural del paisaje español tuvo una atención especial. Evidenció nuestra diversidad, su sentido y condición, sin que lo propio deba ser negación de lo compartido

En Europa, y el mundo en general, no ha habido nada tan devastador como la *ignorancia mutua*, el *desinterés* entre los pueblos, la ceguera por los demás. En la comprensión de España y los españoles han sido escollos clave tanto la ignorancia como el demasiado saber, el prejuicio, la construcción de tópicos y estereotipos que desde fuera se han construido por desconocimiento o malintención. Lo que se dice, lo que dicen los españoles de sí mismos, lo que dicen los visitantes, tiene tal fuerza que en ocasiones se interpone entre los ojos y la realidad, y hace difícil ver lo que se tiene delante. Uno corre el riesgo de quedarse en las ideas previas, y no llegar a su destino, a conocer la *España real* y sus *posibles trayectorias*. Las formas de otro tiempo no son lo que somos, sino lo que hemos sido, de dónde venimos y con lo que entendemos a donde hemos llegado. Pero junto a lo que *ha sido*, es conveniente considerar lo que *pudo*, y me atrevo a decir, *debió ser*. La vida no se reduce a hechos, sino que la posibilidad es un ingrediente esencial de ella. Es conveniente analizar la pluralidad de trayectorias falsas o verdaderas, posibles e imposibles, llevadas a buen puerto o truncadas, por azar, errores propios o intervenciones ajenas. Si entendemos el carácter de un pueblo como un *camino abierto* por el que transita la vida humana, la individual y la colectiva, en un «*hoy es siempre todavía*», en versos de nuestro genial poeta Antonio Machado, «*a distinguir me paro las voces de los ecos*».

El paisaje español tiene sus lenguajes, escrituras y lecturas propias. Viajeros, geógrafos, poetas, pintores, escritores y tantos otros han encontrado en el paisaje su circunstancia y posibilidad, bagaje y destino, individual y colectivo. Cada cultura ocupa, construye y proyecta sus paisajes. Tiene una relación ineludible, íntima, cotidiana y propia con sus paisajes, de ahí que estos se convierten en expresión de su ser, su estilo vital. El paisaje es un palimpsesto, un cuaderno donde se escribe y reescribe el caminar de una sociedad; un totalizador histórico, pero también, la marca del rumbo actual. Son lugares de memoria e identidad. Acabo con unas palabras que recientemente el profesor Martínez de Pisón compartía con amigos y colegas: «*Ver el mundo como paisaje es, así, un logro de la cultura*». Por ello, en la realidad española actual, el arte de pasear, mirar y conversar, deben volver a ser una clave de cultura, una trayectoria de futuro.

Literatura

1. Brinckerhoff Jackson, J.: Discovering the vernacular landscape. — Connecticut, Yale University Press. 1984. 298 p.
2. Milani, R.: El arte del paisaje. — Madrid, Biblioteca Nueva. 2007. 378 p.
3. Para un acercamiento exhaustivo del tema, Martínez de Pisón, E.: Miradas sobre el paisaje. — Madrid, Biblioteca Nueva. 2009. 349 p., Martínez de Pisón, E. El paisaje, entre ciencia y cultura. Laberintos, Gobierno de Aragón, 21. — Zaragoza. 2010. Pp. 1–8.
4. Ortega Cantero, N. (Ed.): Naturaleza y cultura del paisaje. — Madrid-Soria, Universidad Autónoma de Madrid y Fundación Duques de Soria. 2004. 221 p., Besse, J. M. La sombra de las cosas: Sobre paisaje y geografía. — Madrid, Biblioteca Nueva, 2010. 325 p.
5. Martínez de Pisón, E.: La percepción del paisaje. Homenaje a Julián Marías. — Madrid, Espasa Calpe. 1984. Pp. 449–466.
6. Ortega Cantero, N.: Paisaje y cultura. En Paisaje y Medio Ambiente (E. Martínez de Pisón Ed.). Valladolid — Sorio, Universidad de Valladolid y Fundación Duques de Soria. 1998. Pp.13–150., Maderuelo, J. Paisaje y pensamiento. — Madrid, Abeda Ed. . 2006. 385 p.

7. *García Velasco, J. y Morales Moya, A.* (Eds.): La Institución Libre de Enseñanza y Francisco Giner de los Ríos: Nuevas Perspectivas. 3 vol. — Madrid, Fundación Francisco Giner de los Ríos Ed. 2014. 1.756 p., *González Trueba, J. J.* *Lenguajes*, lecturas y escrituras del paisaje español: Geografía cultural en la Institución Libre de Enseñanza y la Generación del 98. Cuadernos Iberoamericanos 2 (4). — Moscú, Universidad MGIMO Ed. 2014. Pp. 48–56., *González Trueba, J. J.* El legado de Giner de los Ríos y la Institución Libre de Enseñanza: Geografía, Naturaleza y Cultura en España. — Madrid, Revista Abaco. 2016. Pp. 45–55.
8. *Ortega Cantero, N. y García Álvarez, J.*: La visión de España en la obra de Élisée Reclus: Imagen geográfica y proyección política y cultural. — Oviedo, *Ería* (69). 2006. Pp. 35–56.
9. *Martínez de Pisón, E.*: La belleza del oficio de geógrafo. — Madrid, Publicaciones Universidad Autónoma de Madrid. 2009. 74 p.
10. *Martínez de Pisón, E. y Ortega Cantero, N.* (Eds.): Manuel de Terán, geógrafo (1904–1984). — Madrid, Residencia de Estudiantes. 2007. 437 p., Cabo, A. Naturaleza y paisaje en la concepción geográfica de Manuel de Terán. En *Viajeros y paisajes* (J. Gómez y N. Ortega eds.). — Madrid, Alianza Ed. 1988. 135–150.
11. *Martínez de Pisón, E.*: Imagen del paisaje. La Generación del 98 y Ortega y Gasset. — Madrid, Fórcola. 2012. 203 p.
12. *Ortega Cantero, N.*: La imagen literaria del paisaje de España. En *Atlas de los paisajes de España*. — Madrid, Servicio Publicaciones del Ministerio de Medio Ambiente, Medio Rural y Marino, Gobierno de España. 2010. 786 p., Romero, M.; Paisaje y literatura de España. Antología de los escritores del 98. — Madrid, Ed. Tecnos. 1958. 478 p., *Gómez Mendoza, J. y Ortega Cantero, N.* (Eds.): *Viajeros y paisajes*. Ed. Alianza. — Madrid, 1988. 375 p., *Martínez de Pisón, E.*: Imagen del paisaje. La Generación del 98 y Ortega y Gasset. — Madrid, Fórcola. 2012. 203 p.
13. *Giner de los Ríos, F.*: Paisaje. La Ilustración Artística. Reimpreso en *Boletín de la Institución Libre de Enseñanza*, II (34–35), 1886. pp. 95–102.
14. *García Velasco, J. y Morales Moya, A.* (Eds.): La Institución Libre de Enseñanza y Francisco Giner de los Ríos: Nuevas Perspectivas. 3 vol. — Madrid, Fundación Francisco Giner de los Ríos Ed. 2014. 1.756 p.
15. *Unamuno, M. de.* Obras completas. — Madrid, Ed. Turner-Castro. 1990. Varios tomos., *Martínez de Pisón, E.*: Imagen del paisaje. La Generación del 98 y Ortega y Gasset. — Madrid, Fórcola. 2012. 203 p., *López Ontiveros, A.* Valor, significado e identidad del campo y de los paisajes rurales españoles según Unamuno. *Boletín de la AGE*, 51. — Madrid. 2009. Pp. 127–152.
16. *Machado, A.* Obras completas. — Madrid, Biblioteca Nueva. 1984. 1279 p.
17. *Martínez Ruíz, J.* “Azorín”. España. Hombres y paisajes. — Madrid, F. Beltrán Ed. 1909. 166 p., *Martínez Ruíz, J.* “Azorín”. El paisaje de España visto por los españoles. — Madrid, Renacimiento Ed. 1917. 198 p., *Ortega Cantero, N.*: Paisaje e identidad nacional en Azorín. *Boletín de la AGE*, 34. — Madrid. 2002. Pp. 119–131., *Ortega Cantero, N.* Paisaje e identidad. La visión de Castilla como paisaje nacional (1876–1936). *Boletín de la Asociación de Geógrafos Españoles*, 51. — Madrid. 2009. Pp. 25–49.
18. *Baroja, P.* Obras completas. T. I–VII. — Madrid, Biblioteca Nueva. 1946.
19. *Ortega y Gasset, J.*: Obras completas. T. I–IX, *Revista de Occidente*. — Madrid, 1946–1962., *Martínez de Pisón, E.*: *Ortega y Gasset y la Geografía*. *Ería*, 43, Oviedo. 1997. Pp. 169–189., *Martínez de Pisón, E.*: Imagen del paisaje. La Generación del 98 y Ortega y Gasset. — Madrid, Fórcola. 2012. 203 p.
20. *Marías, J.*: Ser español. Ideas y creencias en el mundo hispánico. — Barcelona, Ed. Planeta. 1987. 368 p., *Marías, J.* España inteligible. — Madrid, Alianza Editorial. 1985. 421 p.
21. *González Trueba, J. J.* El legado de Giner de los Ríos y la Institución Libre de Enseñanza: Geografía, Naturaleza y Cultura en España. — Madrid, Revista Abaco. 2016. Pp. 45–55.
22. *Milani, R.*: El arte del paisaje. Madrid, Biblioteca Nueva. 2007. 378 p., *Martínez de Pisón, E.*: Miradas sobre el paisaje. — Madrid, Biblioteca Nueva. 2009. 349 p., *Martínez de Pisón, E.* El paisaje, entre ciencia y cultura. *Laberintos*, Gobierno de Aragón, 21. — Zaragoza. 2010. Pp. 1–8.
23. *Ortega Cantero, N.*: El paisaje de España en los viajeros románticos. *Ería*, Oviedo. 1990. Pp. 121–137., *Delgado Bujalance, B. y Ojeda Rivera, J. F.* La comprensión de los paisajes agrarios españoles. Aproximación a través de sus representaciones. *Boletín de la AGE*, 51, 2009. 93–126.
24. *López Ontiveros, A.*: El paisaje de Andalucía a través de los viajeros románticos: Creación y pervivencia de mito andaluz desde una perspectiva geográfica. En *Viajeros y paisajes* (Gómez Mendoza, J. y Ortega Cantero, N. (Eds.)). — Madrid, Ed. Alianza Universidad, 1988. Pp. 31–65.
25. *González Trueba, J. J. y Serrano Cañadas, E.*: Cultura y naturaleza en la Montaña Cantábrica. Santander, Servicio Publicaciones Universidad de Cantabria. 2007. 371 p.
26. *Pena, M^a.* C. Pintura del paisaje e ideología. La generación del 98. — Madrid, Ed. Taurus. 1982. 225 p.
27. *Астахова Е. В.* Испания как метафора. Монография. — М.: изд-во МГИМО-Университет, 2017. — 280 с.
28. *García Velasco, J. y Morales Moya, A.* (Eds.): La Institución Libre de Enseñanza y Francisco Giner de los Ríos: Nuevas Perspectivas. 3 vol. — Madrid, Fundación Francisco Giner de los Ríos Ed. 2014. 1.756 p.
29. *González Gutiérrez, C. y Suárez González, M.* Antología poética del paisaje de España. — Madrid, Ed. De la Torre. 2001. 445 p., *Ruíz Casanova, J. F.* (Coord. y selecc.): Antología Cátedra de Poesía de las Letras Hispánicas. — Madrid, Cátedra. 2016. 1341 p.

Javier Manso Vergara

La amplitud idiomática de España: ¿Paraíso o Averno si se utiliza políticamente?

Хавьер Мансо Вегара,
доцент кафедры перевода испанского языка МГЛУ,
ст. препод. кафедры лингвистики и профессиональной
коммуникации в области права МГЛУ,
почётный преподаватель Университета
Антонио де Небриха (Мадрид, Испания).
javier.manso@yandex.com

Sinopsis. Actualmente en España se realiza un uso de las lenguas autonómicas cooficiales como barrera y arma idiomática en apoyo a la idea de independencia de algunas comunidades autónomas y en perjuicio del resto de los españoles. Hacemos una breve inmersión en este tema, incluso citando versículos de la Biblia, para una exposición del uso de la lengua como un arma política y sus perjuicios.

Palabras clave: España, Independencia, Lengua, Arma Política, Biblia, Cataluña, País vasco.

Javier Manso Vergara

The idiomatic amplitude of Spain: Paradise or Averno if it is used politically?

Abstract. Nowadays, in Spain, the use of the regional co-official languages as a barrier and linguistic weapon is supporting the idea of independence of some autonomous communities and to the detriment of the rest of the spaniards. We speak about a brief immersion in this topic, even quoting verses of the Bible, for an explication of the use of language as a political weapon and the damages it makes.

Keywords: Spain, Independence, Language, Policy Weapon, Bible, Catalonia, Basque Country.

Es necesario aclarar que este artículo implica las lenguas, idiomas, dialectos, usos idiomáticos y todo lo concerniente a los mismos, en lo referente a España. Aquellos que podríamos encajar en Hispanoamérica, será tema de otro artículo, Dios mediante.

Por todos es sobradamente conocido que existe una variada amplitud idiomática en España. Esta variedad se podría clasificar de varias maneras, algunas quizás más idóneas que otras, pero todas podrían ser consideradas como válidas en uno u otro aspecto.

Partiendo del Español como lengua oficial del Estado español, también llamado castellano (aunque esta acepción tiene, según los casos un sentido diferenciador y diferenciado), podemos afianzar que la riqueza lingüística en España va descendiendo en vertical y horizontal desde el idioma español como primero en importancia extensión tanto dentro como fuera de España, hasta los diferentes usos idiomáticos de menor extensión, que no de importancia, que existen en las diferentes regiones de España.

¿Por qué hacer esta distinción, en primer lugar? La respuesta es clara: podemos diferenciar actualmente en España el idioma oficial, idiomas cooficiales, idiomas no oficiales, variantes idiomáticas, variantes

dialectales y lo que se conoce ahora como lenguas procedentes de los procesos migratorios recibidos en España desde mediados de los años noventa.

Respecto al tema del castellano como idioma oficial del Reino de España, poca aportación novedosa podría hacer este artículo por ser un asunto muy manido explicado hasta la saciedad desde los más variados, y esperpénticos en ocasiones, puntos de vista. El castellano deriva del esfuerzo conciliador y unificador de los Reinos de España durante el proceso de la Reconquista por parte de los Reyes Católicos. De igual manera, se utilizó el mismo, el idioma español, en los países de Hispanoamérica tras las respectivas independencias como lengua vehicular en detrimento de las lenguas precolombinas, de ahí que se haya perpetuado su uso hasta nuestros días en todo el mundo hispanohablante¹.

Hablando de las lenguas cooficiales, aquí empieza a tomar forma el título de nuestro artículo por una sola y simple razón: muchas de las lenguas cooficiales (y también las demás como veremos después), se enzarzan en un viaje que va más allá de la identidad lingüística de una zona, región comarca, provincia, comunidad autónoma, para resaltar como una seña de nacionalismo político-lingüístico que sirve como arma defensiva ofensiva en muchos de los llamados procesos de autodeterminación, de independencia, de reconocimiento como Estado y como ustedes quieran llamarlos (incluso de sedición, con el Código Penal español en la mano).

Esa singularidad político-lingüística se ve alimentada por otras lenguas que, sin ser cooficiales, son de uso extendido en ciertos territorios. Citemos, por ejemplo, el asturleonés o bable y el mallorquín. El asturiano o bable es usado y está extendido, con sus diversas variantes, por Asturias, zonas de Cantabria, Castilla y algunos territorios portugueses. El mallorquín (también el menorquín y el ibicenco), es considerado como un dialecto del catalán no como lengua autóctona de las Baleares. Sin embargo, la mayor parte de los habitantes de las Islas Baleares, consideran que el suyo es un idioma propio, no dialectado, y no convienen con la idea de que las Baleares se quieran reconocer como parte de los que algunos llaman “países catalanes”, es decir, todas aquellas regiones o territorios que han dependido en mayor o menor parte de la Cataluña, ni mucho menos, aceptan que el catalán sea el idioma cooficial en Baleares porque ello conllevaría, sin lugar a dudas, reconocerlo como tal y ser dependiente de Cataluña en un alto porcentaje. Debemos decir que sí, que las autoridades así lo han decretado dado que se exige el certificado del idioma catalán para tener acceso a una posición de empleo pública o un puesto en el Govern Mallorquí (Gobierno Mallorquín).

Es complicado saber qué pasó, ha pasado, pasa y pasará por la mente de los políticos que, cruzando las fronteras de una lengua designan cuáles deben ser cooficiales-con todo lo que ello significa- y cuáles, no.

En los comienzos de la democracia española, una vez terminado el régimen del General Franco, se inicia un debate político de la mayor significación en lo que a las lenguas se contempla. La libertad del uso de las lenguas vernáculas de cada zona de España, vigente durante la II República, vio cercenado sino dificultado su camino desde la Guerra Civil española hasta el comienzo de la Monarquía. Durante el mandato de Franco, no sólo no se podían utilizar con carácter oficial o cooficial, además de estar prohibido su uso oficial estaban consideradas como lenguas “rurales”, “campesinas” o “de pueblo” dado que la gente culta y en las ciudades no se hablaban. No por ello, se verían dirigidas a la extinción, sino todo lo contrario dado que esa cuasi clandestinidad, forzada o no, puede ser una de las razones que más empuje haya dado a estas mismas lenguas, dato con importante significancia porque son las generaciones más jóvenes, incluso niños, los que con mayor vigorosidad defienden el uno de aquellas. ¿Podríamos decir que estos usuarios de la lengua han sufrido la censura y/o prohibición de éstas? No, claramente, no. Entonces, ¿por qué esa apasionada defensa de las mismas en detrimento, en la mayor parte de los casos, del castellano?

Se podría decir que se hace un uso del idioma particular con un sentido que va mucho más allá de la simple comunicación entre las personas.

Veamos unos pocos datos políticos que han podido llegar a interpretar la lengua como un dispositivo para defender las ideas propias en contra de las demás.

¹ ESPAÑOL. Para designar la lengua común de España y de muchas naciones de América, y que también se habla como propia en otras partes del mundo, son válidos los términos castellano y español. La polémica sobre cuál de estas denominaciones resulta más apropiada está hoy superada. El término español resulta más recomendable por carecer de ambigüedad, ya que se refiere de modo unívoco a la lengua que hablan hoy cerca de cuatrocientos millones de personas. Asimismo, es la denominación que se utiliza internacionalmente (Spanish, espagnol, Spanisch, spagnolo, etc.). Aun siendo también sinónimo de español, resulta preferible reservar el término castellano para referirse al dialecto románico nacido en el Reino de Castilla durante la Edad Media, o al dialecto del español que se habla actualmente en esta región. En España, se usa asimismo el nombre castellano cuando se alude a la lengua común del Estado en relación con las otras lenguas cooficiales en sus respectivos territorios autónomos, como el catalán, el gallego o el vasco. Diccionario panhispánico de dudas ©2005 Real Academia Española.

En Cataluña y en el País Vasco, sobre todo, se compendia el esfuerzo de muchas personas hasta el día de hoy, existiendo alguna situación tanto política como social y real de mayor autonomía o, incluso, de una separación de España. Dicen los políticos de este movimiento que las actuales protestas en Cataluña tienen raíces históricas.

En ningún otro país de Europa, hay mayores y más ambiciosas aspiraciones separatistas, como en España. Ejemplo de lo citado es el plan de cierto factor catalán de que se sometiera a votación un referéndum sobre esta situación y sus deseos.

Aún más daño hizo la lucha a través de atentados y asesinatos de la banda terrorista de origen vasco de ETA (Euskadi ta askatasuna, en vasco, libertad para el País Vasco en castellano; banda terrorista que al igual que el IRA irlandés, desea no sólo la independencia de una determinada tierra sino también el control de la misma bajo su mandato y la situación política del comunismo. Es decir, no sólo desean la “independencia”, también el control y la implantación del comunismo por las armas).

Hay personas en Cataluña y en el País Vasco que albergan el deseo de una separación de España y de más autonomía de la administración central. Desde el estallido de la crisis económica, se ha incrementado su número por una falsa idea de que es la Administración central la que perjudica su economía, deteriora su mercado laboral y pagan más impuestos para el mantenimiento del resto de España.

Esa aspiración por la independencia tiene antecedentes históricos. Una fecha importante es el día 25 de octubre de 1979, dado que en aquel día votaron a favor vascos y catalanes en un referéndum para la aprobación de un Estatuto que rigiese sus regiones con una determinada forma de “autogobierno”, es decir, la Autonomía dentro del Estado español y ésta se concedió. Estos acontecimientos estuvieron relacionados directamente con el final del mandato del General Francisco Franco (1939–1975) y el comienzo de la denominada democracia.

Se realizó una encuesta por parte del Gobierno de la Generalidad, Govern de la Generalitat, encuesta emitida y controlada por el mismo órgano, con los siguientes resultados: alrededor del 67 por ciento de los catalanes están descontentos con el actual Grado de Autonomía de Cataluña frente a la administración central española. Casi la mitad (45 por ciento) cree, además, que su nivel de vida en caso de una Independencia de España, podría mejorar. Esto se llevó a cabo entre abril y mayo de 2014, en una cifra inferior a 2.000 encuestados, cuya representatividad en dicho sondeo se realiza por el Centro de Estudios de Opinión (CEO).

Hay una idea confusa sobre la centralización y unión de España por el régimen del General Franco. No se puede decir que sea cierto examinando la historia sin mayor intención que relatar los hechos, obviando el tema político.

Dicha unión y centralización de España deviene desde el reinado de los Reyes Católicos. ¿Por qué se puede creer que la Reconquista española y la expulsión de los moriscos de España tomó la cifra de casi ochocientos años? Es la reconquista más larga de la historia mundial. Por un simple motivo: los diferentes reyes que existían en la época estaban más concentrados en mantener o adquirir más poder para ellos mismos que en la expulsión de los invasores árabes. Por citar un ejemplo de una batalla significativa de la Reconquista, la de Despeñaperros – Las Navas de Tolosa- (puerto llamado así porque era donde se despeñaba a los moriscos infieles capturados aunque su origen etimológico también puede ser otro, perros= término o confín, frontera y Bezpaña, una palabra mal pronunciada que une la de Hespaña y Bespaña); pues bien, sabiendo su significación y relevancia en el curso de la Reconquista, hubo reyes españoles que no acudieron a la misma con sus huestes.

Sí es cierto qué duda cabe, que en la época moderna es en el régimen de Franco cuando se produce la completa centralización del Estado, como en todos los demás países en esa época o, ¿es qué podríamos hablar de la “descentralización de Rusia, Francia, Inglaterra...? Anteriormente, se logró, a lo largo de los siglos, diferentes grados a nivel local y regional de un nivel de autodeterminación en cierta medida.

La transformación en democracia después de la muerte de Franco en 1975, dio lugar a diferentes corrientes en las regiones españolas en la transición de la dictadura a la democracia para su Autonomía. En Cataluña y en el País Vasco, pidieron no sólo la restauración del derecho fundamental a la autodeterminación, sino también el reconocimiento lingüístico y cultural de sus raíces y, de igual manera, respeto a su conciencia e identidad.

Después, la concesión provisional de autogobierno de casi todas las regiones, pero bajo el control del Gobierno central, entró en vigor el 29 de junio. En diciembre de 1978, en el Congreso de los Diputados, sería aprobada la vigente Constitución española en vigor. Esto dio a las diferentes regiones de España, la formación como Comunidad Autónoma y el correspondiente Estatuto. En los mismos se recoge también las lenguas del catalán y el euskera como lenguas cooficiales, por supuesto en Cataluña y País Vasco respectivamente.

España es, con alrededor de 506.000 kilómetros cuadrados, más grande que Alemania (alrededor de 360.000 kilómetros cuadrados) y tiene 46,5 Millones de Habitantes. El País Vasco se extiende a través de más de 7.200 kilómetros cuadrados y viven allí 2,2 millones de personas. Cataluña tiene una población de 7,5 millones y una superficie de alrededor de 32.000 kilómetros cuadrados.

Hoy en día en España hay 17 Comunidades Autónomas con sus propios parlamentos regionales y gobiernos. También dos ciudades autónomas.

El gobierno de Cataluña quiso realizar un referéndum para la autosoberanía y separación del resto de España. El tribunal Constitucional y el Gobierno español dejaron claro que era un referéndum ilegal.

Pero vayamos un poco más allá y adentrémonos en el concepto de la lengua y su poder. Me gustaría exponer algunos ejemplos sobre esta materia examinando, en primer lugar, los textos bíblicos. ¿Por qué sobre los textos bíblicos? Aparte de por su religiosidad diáfana, por ser el Libro más leído de la historia y del que podemos extraer ejemplarizantes ideas del tema que tratamos en este artículo.

De acuerdo a la descripción del texto bíblico, el lenguaje es un arma tan poderosa que la bomba atómica en comparación parece un juguete. Esta arma tiene la capacidad de llevar la angustia a la vida de cualquier persona, sin necesidad de destruirla físicamente, y puede producir heridas que nunca se curan completamente. La bomba atómica se encuentra a disposición de las grandes potencias, pero el lenguaje está disponible para cualquier persona, rica o pobre, sabio o tonto, inteligente o ignorante, pequeño o adulto. Todos tienen acceso a esta arma y pueden utilizarla en beneficio propio o perjuicio ajeno, caso del lenguaje independentista en España.

Desafortunadamente, a diferencia de otras armas convencionales, hay muchas leyes que regulan la posesión y el uso de esta arma. Ninguna otra arma existente sobre la faz de la tierra tiene un potencial de energía mortal como esta antigua arma que es el lenguaje. La Biblia tiene mucho que decir sobre el uso de la lengua, en los labios, en la boca, en las palabras y el lenguaje.

Dios ha dado al hombre la capacidad de hablar y ser entendido, y puede ser expresado con palabras y frases. A partir de esta capacidad viene también una gran responsabilidad. *“Hermanos míos no os hagáis maestros muchos de vosotros, sabiendo que recibiremos mayor condenación”* (Santiago 3:1-12). Las palabras, los discursos de ejercer un gran poder. Por esta razón, Santiago advierte a aquellos que quieren ser profesores o ponentes, a los políticos que propagan la independencia, la lengua como barrera o como arma en el caso que nos atañe en este artículo, llamándolos a su responsabilidad, diciendo que ellos tendrán que dar cuenta de sus palabras. ¿Por qué una advertencia?

Si nos fijamos en el pasado nos damos cuenta de que las palabras han dado lugar a los eventos más importantes en la historia de la humanidad.

Alejandro el grande, instó a su ejército con las palabras y se transmitió el entusiasmo para convencer a los soldados a dar su vida por él. Napoleón expresó un carisma propio para dirigir a sus súbditos a una obediencia ciega. Hitler emocionó a la multitud con sus discursos con el fin de generar una locura colectiva que llevó a la segunda guerra mundial y el exterminio de seis millones de judíos. John Kennedy llevó a una ilusión de grandeza y esperanza a los Estados Unidos con la fuerza de su oratoria.

Pero ninguna palabra ha sido tan poderosa como la de Jesucristo, el Verbo hecho carne, que ha cambiado el curso de la historia de la humanidad. Y sigue cambiando la vida de millones de personas. De ahí las citas en este escrito siendo la Santa Biblia el libro traducido al mayor número de idiomas.

“Porque todos ofendemos en muchas cosas. Si alguno no ofende en palabra, éste es un hombre perfecto, capaz también de refrenar todo el cuerpo” (Santiago 3:2). Si el lenguaje puede ser completamente controlado, podríamos también ser capaces de refrenar todo el cuerpo. Esto indica que nuestra forma de hablar implica todo nuestro ser. Si podemos controlar lo que decimos y cómo lo decimos, a continuación, vamos a comprobar también todo el resto de lo que nos deparará estas palabras.

La declaración, *“Si alguno no ofende en palabra ...”* nos dice que no será una tarea fácil no cometer errores, por lo que debemos luchar. El poder adictivo de la lengua es claro: *“Confesar por eso los pecados de uno a otro, orad unos por otros para que seáis sanados la oración de los justos tiene una gran eficacia”* (Santiago 5:16). El apóstol Santiago, Patrón de España reflejado en la figura simbólica de Santiago Matamoros y el grito de guerra de “Santiago y cierra España” durante la Reconquista, está diciendo que confesar nuestra debilidad humana a los demás nos ayudará a ganar, ya que el hecho de que los demás lo sepan nos hace más responsables.

La sanación espiritual del pecado, de la parte de la confesión no de ocultamiento. El ocultamiento de la verdad para intentar construir una realidad falsa por parte del independentismo para mayor gloria de los políticos, es el pecado del que estamos hablando: pecar -mentir- para conseguir algo que sabemos que no es correcto, pero nos beneficia.

Esta es también una manera de llevar a cada uno la carga de los otros, recordando que *“la oración de un hombre justo tiene una gran eficacia”*. Los líderes políticos en España, de cualquier partido relacionado fervientemente con la lingüística “armamentística” y el uso indebido de la misma, ¿son hombres justos? ¿Son un ejemplo a seguir por miles de personas? ¿Debemos creer en sus palabras porque es el camino correcto y el uso de esas palabras no van intencionadas a ofender ni denostar sino a convencer? ¿Pueden convencer por sí mismos a través del idioma regional a aquellas personas que no entiendan dicha lengua? ¿Por qué hablan en castellano cuando quieren llegar a más personas en vez de expresarse siempre en el idioma que tanto defienden y que utilizan en la mayor parte del tiempo como su identidad o incluso, como arma?

“He aquí que nosotros ponemos freno en la boca de los caballos para que nos obedezcan y así dirigimos. Mirad también las naves, que a pesar de que son tan grandes y son impulsadas por los fuertes vientos, son guiadas por un pequeño timón por donde el que las gobierna quiera. Así también la lengua es un miembro pequeño, pero se jacta de grandes cosas. Observa: ¡un pequeño fuego puede incendiar un gran bosque!” (Santiago 3:3-5).

Las palabras no son solo palabras, como dijo alguien cuyo nombre ahora no recuerdo. Las palabras están hechas de fuerza y tienen el poder de afectar a toda la vida de un ser humano. El texto utiliza algunas de las ilustraciones mentales que nos hacen comprender cómo el lenguaje es capaz de influir en el curso de la vida. El caballo (v. 3). Imaginar a una raza de caballo con su jinete en la silla de montar. El caballo se rige por una pequeña pieza de metal que se coloca en la boca. El timón de un barco (v. 4). Imaginemos un gran barco, dirigido por un pequeño timón. El fuego (v. 5). Imaginemos un gran bosque, árboles por todas partes. Sólo una pequeña chispa para destruirlo por completo. Así es con el idioma. Una sola palabra puede destruir una vida, miles de vidas.

Una arenga política que no sea noble, que intente confundir, mentir, tergiversar la realidad, la historia, los hechos y las necesidades, situación que por desgracia está a la orden del día en España, se convierten en “chismes” y este chisme es como fuego y se propaga rápidamente y trae ruina y devastación a una sociedad civilizada que siempre ha estado en paz, o debería haber estado en paz, como es la española.

Así también es la lengua. Es un pequeño miembro que dirige la totalidad de la vida. Una palabra o frase puede afectar a toda la vida. Las palabras tienen el poder de llevar a la gente al camino correcto o lejos del camino correcto. Somos responsables por el efecto que nuestras palabras tienen en los demás. Muchos, y tenemos el ejemplo de muchos políticos españoles pasados y actuales, a causa de una palabra en una manera despreocupada, han destruido o están destruyendo la armonía que debe existir en una familia, dado que podemos notar a todos los españoles como una gran familia que debe vivir en paz y prosperidad en vez de atacarse verbal e incluso físicamente.

Nuestras palabras no sólo tienen el poder para liderar, sino también para destruir. Las palabras, como el fuego, pueden crear una destructiva reacción en cadena. El lenguaje, si no se controla, es capaz de destruir todo lo que se tiene. La lengua es como un fuego. Nuestras palabras pueden destruir a los demás, mostrar lo que somos y lo que tenemos en el corazón. La Biblia dice que *“el que cuida su boca y su lengua, guarda su alma de la angustia”* (Proverbios 21:23).

En la carta de Santiago nos encontramos con muchas citas sobre la lengua. Por ejemplo: *“Si un hombre piensa de sí mismo para ser religioso, pero no refrena su lengua, sino que engaña a su propio corazón, la religión de tal es vana”* (Santiago 1:26). En otras palabras, si no podemos mantener la lengua bajo control, nuestro servicio no es de ningún valor. El don de la palabra es muy importante y, como todo lo demás, puede ser utilizado para el bien o para el mal. El lenguaje, si no se utilizan correctamente, pueden ser un gran problema.

Es necesario reconocer el abuso del lenguaje, como un problema que viene desde el corazón y la mente. En el capítulo 12 de Mateo, se explica también que el abuso o el mal uso de la lengua tiene sus raíces en el corazón del hombre, y que las palabras son la expresión de lo que uno tiene dentro, tanto positivas como negativas: *“¿generación de víboras! ¿cómo podéis hablar cosas buenas siendo malos? Porque de la abundancia del corazón habla la boca. El hombre bueno, del buen tesoro del corazón saca buenas cosas; y el hombre malo, del mal tesoro saca malas cosas”* (Mateo 12:34, 35).

Está escrito: *“guarda tu corazón más que cualquier otra cosa, porque de él derivan la fuente de la vida”* (Proverbios 4:23). Debemos ser cautelosos acerca de los sentimientos, del corazón, porque lo que sale de la boca es el resultado de lo que uno tiene en el corazón. La boca, entonces, es el termómetro del corazón.

Algunas personas piensan que las palizas son más dolorosas que la palabra, pero no es así. Los huesos rotos se curan después de un período de tiempo, pero algunas palabras pueden dejar heridas que difícilmente sanaran.

Lo que nos dicen produce resultados positivos o negativos. Las palabras que hablamos, pueden traer a la vida la esperanza o el amor, pero también puede traer la muerte y la destrucción. La verborrea

y el odio lingüístico, crea un clima de desorden patente en España, llegando a multar a los comercios, vehículos, productos, establecimientos, etcétera que no estén rotulados en catalán, es decir, no permiten que se escriba en castellano en una parte de España se multa con importes de alta cuantía al que lo hace. ¡Se multa por escribir en el idioma legal y de uso obligatorio del país! Incluso, se niega la escolarización en castellano en institutos y universidades en España por el predominio, ilegal pero impuesto desde los cargos políticos, de las lenguas autonómicas.

Está escrito que *“la muerte y la vida están en poder de la lengua”* (Proverbios 18:21).

Una vez que la palabra sale de la boca, ya es tarde para ser capaz de recogerla de nuevo. Dice Santiago: *“Sabed esto, mis amados hermanos, todo hombre sea pronto para oír, tardo para hablar, tardo para airarse”* (Santiago 1:19). En otras palabras, es decir, debemos conectar la lengua al cerebro antes de su uso, y no debemos permitir que lo que decimos sea el resultado de nuestra ira.

Jesús dijo: *“De la abundancia del corazón, habla la boca”* (Mateo 12:34).

El totalitarismo-nacionalismo, bien sea total o no, y la corrupción de la lengua están conectados. El lenguaje político que actualmente se utiliza en España, distorsiona los acontecimientos y conceptos lingüísticos de tal manera que evita el ámbito conciliador de entendimiento de la lengua para producir una imagen externa de enfrentamiento.

Si los pensamientos pueden corromper el lenguaje, el lenguaje también puede corromper el pensamiento. Esto plenamente de acuerdo con esta cita.

En este caso de enfrentamiento lingüístico, las formas de manipulación están dirigidas a la mente, a falsificar los datos para un convencimiento que, por irreal, no puede tardar en caer. En primer lugar, todo el sistema se basa en la falsificación de la historia — para dos propósitos. Externamente, cambiar toda la información referente a la historia para la sustitución de una mentira con otra. El segundo propósito es erradicar la memoria de la mente de las personas. La única razón por la que mucha gente cree y hace caso de estas armas lingüísticas y sus arregas miserables, es que les han dicho que esto será mucho mejor que lo que tienen ahora y han tenido antes. Y como se tergiversa la información correcta sobre el pasado, habrá personas que a no sabrán si es verdad o no.

El lenguaje es de importancia central para el pensamiento humano, porque construye las estructuras y los límites de las ideas que los individuos son capaces de formular y expresar. Si el control de la lengua se centraliza en una agencia política, podría alterar la estructura de la lengua para que sea imposible concebir desobediencia o pensamientos contrarios, con el objetivo final de que nadie va a ser capaz de conceptualizar cualquier cosa que pudiera cuestionar lo que le están diciendo y, por ende, entender que España y el castellano son los culpables de que estén mal o de que no estén mejor.

Cuando es necesario manipular la historia y la propia memoria, es igualmente necesario olvidarse de que se ha hecho.

La principal distinción es que el lenguaje políticamente correcto está, a menudo, inspirado sólo por cortesía, para aparentar una suavidad de convencer con un lenguaje calmado aparentando que es la otra parte, “el enemigo”, el que usa la violencia verbal e incluso física para el sometimiento de las ideas y las “ansias de libertad de esos pueblos injustamente oprimidos”.

Р. Р. Алимова

Специфика грамматических реалий и нарушений грамматических стандартов в современном дискурсе испанских газетных СМИ

Алимова Рушания Рашитовна, канд. филол. наук, доцент
Кафедры испанского языка МГИМО МИД России. ralimova@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы характерные процессы, происходящие в грамматической сфере в газетно-публицистическом дискурсе Испании. Особое внимание уделено практическим примерам, демонстрирующим случаи нарушения грамматических норм и стандартов.

Ключевые слова: газетно-публицистический дискурс, дискурс испанских СМИ, грамматические аспекты газетно-публицистического дискурса, нарушение грамматических стандартов в дискурсе СМИ.

Rosana Alimova

Specificity of grammatical realities and violations of grammatical standards in the contemporary discourse of Spanish newspaper media

Abstract. In article there are analysed the characteristic processes happening in the grammatical sphere in a journalese discourse of Spain. The special attention is paid to the practical examples showing cases of violation of grammatical norms and standards.

Keywords: mass media discourse, discourse of the Spanish mass media, grammatical aspects of a journalese discourse, violation of grammatical standards in a discourse of mass media.

На современном этапе развития лингвистической науки внимание ученых сосредоточено на изучении различных видов дискурса. Одной из лакун в исследовании дискурса как в отечественной, так и зарубежной лингвистике выступает дискурс газетных СМИ или газетно-публицистический дискурс. Дискурс газетных СМИ формирует собственное информационное пространство, обладая рядом отличительных характеристик: идеологической ориентированностью, моделированием событийной реальности, выполнением функции воздействия и привлечения внимания, формирования общественного мнения, а не просто отражением происходящего.

Для испанского общества газетно-публицистический дискурс имеет особое социальное и коммуникативное значение. В настоящее время испанский социум переживает своеобразный переходный период, который отражается в языке и речи, фиксирующих все, даже самые малые, изменения общественного сознания [1, с. 403–407]. Сегодня мы можем говорить об определенной сформированности нового испанского газетно-публицистического стиля. Следуя речевым тенденциям, язык газетных СМИ Испании отражает языковую реальность со всеми традици-

онными и инновационными употреблениями, всю богатую культурную и языковую историю страны [2, с. 3]. Его инновационный потенциал непрерывно вносит вклад в обогащение испанского языка, а его влияние на современную жизнь общества можно сравнить с литературой в прошлом [3, с. 356]. Динамический и инновационный характер испанского газетно-публицистического дискурса (ГПД) в настоящее время проявляется в разнообразных изменениях, происходящих на всех его уровнях, в том числе грамматическом, где эволюционные процессы с каждым годом осуществляются все активнее.

Рассмотрим примеры, демонстрирующие функционирование различных грамматических явлений, выступающих отличительной чертой испанского ГПД. Материалом для анализа грамматических явлений выступили такие издания, как «El Mundo», «El País», «ABC», «La Vanguardia», и ряд других (выпуски 2010–2017 гг.). Рассматриваемые примеры были заимствованы из разделов международных событий, внутренней политики, экономики, редакционных колонок журналистов, разделов спорта, культуры и науки. Жанровая принадлежность текстов, ставших основой для выборки, — смешанная (новостные заметки, аналитические статьи, репортажи, эссе, очерки, аннотации и заголовки статей и т. д.).

Осуществлённый анализ текстов показал, что в современном испанском ГПД можно сегодня часто наблюдать такое явление, как транспозиция — переход одной части речи в иную грамматическую категорию. Каждая часть речи, в зависимости от свойственных ей грамматических признаков и способов их выражения, имеет при транспозиционных процессах свою специфику. Среди распространенных переходных процессов выделяются субстантивация и адъективация. При этом наиболее часто встречаются субстантивированные прилагательные, замещающие эллиптические номинации: *las regionales*, *las presidenciales* — в значении «выборы», *la transportadora*, *la distribuidora* — в значении «компания соответствующего профиля» и др. Транспозиция выполняет важную роль в языковых процессах испанского ГПД, его устройстве и функционировании, проявляя себя в форме асимметрии в языке. Благодаря транспозиции расширяются прагматические возможности различных языковых единиц, растёт эмоциональность и экспрессивность ГПД.

Нередким в текстах испанских газетных СМИ является и такое явление грамматического порядка, как эллипсис, выступающее как механизм языковой экономии и характеризующееся возможностью восстановления в условиях имеющегося контекста. Информационная насыщенность окружающего социума и газетно-публицистического дискурса как «зеркала» происходящих в нём явлений различного порядка возрастает, что актуализирует использование средств лингвистической экономии в тексте с целью более точной, оперативной, сжатой передачи мысли.

В частности, в текстах испанского ГПД можно наблюдать пропуск артикля — как правило, при существительных во множественном числе в функции подлежащего, в особенности в заголовках газетных статей: *Niños llegados de otras comunidades evitan el cierre de un colegio rural* (El País, 08/19/2012). Однако все же наиболее частотными являются именной и глагольный эллипсис: *Detienen en México a un hijo de El Chapo, buscado en EE UU* (El País, 21/06/2012); *La Renta Mínima, bajo mínimos* (El País, 08/09/2012).

Активные изменения в области функционирования грамматических средств в испанском ГПД можно выявить в случае выражения эмоциональной оценки, передачи значений сомнения и неуверенности, возможности и необходимости. Так, для выражения оценочной функции и привлечения внимания читателя испанские журналисты часто применяют эмфатические конструкции с артиклем *lo* [4, с. 54]. Также отмечаются частые случаи употребления местоимения-дополнения *lo* в функции косвенного объекта при одушевлённом существительном, что считается некорректным с точки зрения классической грамматической нормы. Например: *Al arbitro lo pegaron después del partido* (correcto: *le pegaron*) (El Mundo, 11/08/2013).

Многочисленные нарушения грамматических норм можно заметить при употреблении в испанском газетном дискурсе прецедентных единиц. Наиболее часто это явление наблюдается в авторских колонках и комментариях, блогах журналистов, в задачи которых входит не просто информирование читателя, а выражение собственного мнения к какому-либо событию, своей оценки. Распространенность прецедентных единиц в газетной прессе определяется также тем, что они способны реализовать главный принцип публицистического стиля, — чередование экспрессии и стандарта [5, с. 25]. Так, борьба за формальное выражение гендерного равенства привела к широкому распространению политкорректных парных форм женского и мужского рода (*niñas y niños*), что проявилось в появлении во многих испанских газетах некорректных с

точки зрения грамматики форм женского рода по прецедентной модели: *artistas (o artistas); cada cual y cada cuala* и др.

Очевидное изменение грамматических стандартов заметно сегодня в заголовках газетных СМИ Испании. Заголовки в современных СМИ выступают специфической формой высказывания продуцента сообщения, определяющей дальнейшее прочтение читателем текста. Заголовки современных испанских СМИ отличаются возрастающей информационной насыщенностью, лаконичностью, активным использованием страдательного залога, утвердительных конструкций, присутствием или наоборот (как у газеты «ABC», наиболее стремящейся в своей практике к грамматически корректной подаче материала, в том числе и в заголовках) категорическим отсутствием характерных для стиля штампов и идиоматических клише. На языковую специфику заголовков оказывают влияние не только лингвистические тенденции, но особенности верстки, печати отдельных СМИ, редакционных традиций [6, с. 7–15]. В особенности отмеченные тенденции касаются глагольных заголовков. Нужно отметить, что в испанских газетных текстах большинство заголовков в целом содержит глаголы, что продиктовано самой грамматикой испанского языка. В них можно часто зафиксировать глаголы неличной формы: инфинитив, герундий или причастие, которые не обладают грамматическими формами времени, наклонения и лица, но выражают при этом аспектуальность действия (потенция реализации, действие в процессе развития, окончание действия и т. д.): *Ser libro en Israel; Mirando al Norte; EEUU, dispuesto a dar ayuda a los damnificados por ‘Gustav’ en Cuba* (*El Mundo*, 12/11/2007).

Типичным для испанского ГПД является инверсия в заголовках, когда причастие выносится перед существительным, что еще больше подчеркивает результат действия: *Arrestados en Panama cuatro sospechosos de asesinar al gerente de CEPESA* (*El País*, 15/01/2016).

Характеризуя особенности грамматических единиц в испанском ГПД, нельзя не упомянуть о грамматических эвфимизмах, представляющих собой эвфемизмы формы и характеризующихся сильной зависимостью от контекста. Грамматическими средствами выражения эвфемии выступают морфосинтаксические (эвфемистическая нагруженность некоторых показателей времени, числа, лица, рода, наклонения, залога) и синтаксические модели, основанные на пропуске или включении некоторых компонентов высказывания. В частности, для морфосинтаксической эвфемии (употребление неопределенно-личных и безличных конструкций, пассивного залога) характерно использование «обезличенных» структур с целью более абстрагированной и обобщенной косвенной характеристики субъекта. Так, все более распространенное использование пассивных грамматических конструкций выступает характерным приемом речевых манипуляций в испанском ГПД, маскируя истинного агента действия или сообщения и позволяя по-иному расставить идеологические акценты, при необходимости смягчая события в общественном сознании, умалчивая определенные детали. Например: *En Filipinas, cinco periodistas fueron asesinados por informar sobre la corrupción local o criticar ajunacionarios públicos* (*La Vanguardia*, 01/03/2010). Здесь за счет употребленной грамматической конструкции мы наблюдаем умалчивание об убийцах журналистов и одновременно определенный намек на лиц, ответственных за случившееся. Таким образом, достигается эффект смягчения сообщения (зафиксирован факт убийства, но он отделен в сознании читателя от непосредственных виновных в произошедшем), что снижает эмоциональный и событийный накал сообщения.

Приведённые в настоящей статье примеры, безусловно, не являются исчерпывающими, но уже на их базе можно сделать вывод о нестойкости и прогрессирующей продуктивности грамматических языковых явлений в газетно-публицистическом дискурсе Испании, ряд которых не фиксируется даже словарями [7, с. 68–72]. Язык испанской газетной журналистики постоянно генерирует новые грамматические конструкции в целях придания большей четкости и экспрессивности сообщениям. Некоторые из грамматических явлений при этом становятся речевой практикой, институализируются, другие исчезают сразу после появления.

Проведенный комплексный анализ актуальных грамматических явлений, функционирующих в испанских газетных СМИ, позволяет рассматривать их как не теряющий своей важности и продуктивности элемент, структурный компонент медиатекста. Функциональные задачи, преследуемые журналистами, определяют лингвопрагматические особенности включенных в них грамматических явлений, а именно: выбор языковых средств, их структурирующих, осуществляемый в индивидуальных целях журналиста или идеологических целях издания; модели построения; использование времен и наклонений; выбор прецедентных языковых единиц, отражающих языковую картину мира испанцев [8, с. 97–103]. В свою очередь, краткость формы, емкость и убедительность содержания, структурная специфика грамматических явлений в ис-

панских газетных СМИ, обладающих огромным лингвопрагматическим и национально-культурным потенциалом, обеспечивает выполнение важнейших функций медиатекста: информирования, воздействия, привлечения внимания читателя.

Таким образом, очевидно, что современный ГПД Испании сегодня содержит множество грамматических единиц и конструкций, которые требуют осмысления на двух уровнях: на уровне языка и на уровне культуры. Это обстоятельство определяет необходимость непрерывного изучения трансформирующихся грамматических лингвокультурных реалий в среде газетных СМИ Испании, обусловленной контекстами.

Литература / References

1. *Yakovleva V. V.* El proceso de la renovación del léxico en el español moderno // Перспективы глобального мира сквозь призму испанского языка и культуры: исследования и преподавание (*Perspectivas del mundo global a través de la lengua y cultura española: investigación y enseñanza*) Доклады и тезисы IV международной научной конференции испанистов (1–4 апреля 2010 г., МГИМО–Университет МИД России). – М.: МГИМО (У) МИД России, 2010.
2. *Ковригина А. И.* Реализация принципа экономии языковых средств в современной испанской прессе: лексико-синтаксический аспект: Автореф. дисс... канд. филол. наук. – М., 2013. – 22 с.
3. *Царева Н. И.* Новаторский характер языка прессы // Испанский язык в контексте диалога культур: исследования и преподавание (*El español en el espacio intercultural: investigación y enseñanza*). Материалы III международной научной конференции испанистов (20–22 марта 2008 г., МГИМО–Университет МИД России). – М.: МГИМО (У) МИД России, 2008. – 375 с.
4. Модальность в языке и речи: новые подходы к изучению: Сб. науч. трудов. – Л.: Наука, 1978. – 388 с.
5. *Костомаров В. Г.* Русский язык на газетной полосе. – М.: МГУ, 1971. – 266 с.
6. *Верецинская Ю. В.* Испанский газетный заголовок: лингвопрагматический и национально-культурный аспекты: Автореферат дис. ... канд. филол. наук. – М.: 2013. – 22 с.
7. *Алимова Р. Р.* Актуальные процессы в испанском газетно-публицистическом дискурсе: грамматика и синтаксис / Гл. ред. А. А. Орлов, отв. ред. вып. Л. С. Окунева, М. В. Ларионова // Ибероамериканские тетради. – М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2017. Вып. 2 (16). – С. 68–72.
8. *Ларионова М. В.* Испанский медийный дискурс: quid novum? / Гл. ред. А. А. Орлов, отв. ред. вып. М. В. Ларионова, С. М. Хенкин // Ибероамериканские тетради. – М.: ИМИ МГИМО МИД России, 2017. Вып. 1 (15). – С. 97–103.

А. А. Силин

Его называли «золотым пером» Испании

Силин Андрей Андреевич, канд. филол. наук, доцент,
Российский государственный социальный университет.
silandol48@gmail.com

Аннотация. Статья, написанная в жанре литературно-исторического очерка, посвящена судьбе талантливого писателя и журналиста Мариано Хосе де Ларра, оставившего ярчайший след в истории и культуре испанского общества XIX в.

Ключевые слова: Мариано Хосе де Ларра, испанская литература, испанская журналистика, Испания, XIX в.

Andrey Silin

They called him the «golden pen» of Spain

Abstract. The article, written as literary and historical essay, is dedicated to the destiny of the talented writer and journalist Mariano José de Larra, who left the brightest trace in the history and culture of Spanish society of the nineteenth century.

Keywords: Mariano José de Larra, Spanish literature, Spanish journalism, Spain, XIX century.

В столице Испании Мадриде, прямо напротив кафедрального собора Св. Альмудены, что на улице Байлен, и в нескольких шагах от Королевского дворца стоит не очень заметный бюст из серого гранита, на котором высечена скромная надпись: «Ларра» и годы жизни 1809—1837. Однако не все знают, что в истории испанской журналистики и литературы и в истории испанского общества XIX в. этот рано ушедший из жизни молодой человек оставил ярчайший след.

Тогда Мадрид и его королевский двор, несмотря на потерю Испанией первых заморских колоний и тяжкие последствия войны за независимость против Наполеона, по-прежнему поражали своим блеском и роскошью. Куртизанки в ярких шелковых платьях с бантами и кружевными серебряными сумочками, прозванными в народе «ridicules» («нелепые, смешные» — *фр.*; «ридикуль» в русском языке — ручная женская сумочка. — *Прим. авт.*); франты в цилиндрах, с широкими галстуками типа «пластрон», в брюках цвета серебра и лакированных туфлях, с огромными карманными часами на золотых цепях и моноклями в глазах прогуливались пешком, в двухместных колясках или ландо по улицам и бульварам столицы, придавая ей притягательное очарование театра. Мадридское общество шеголяло нарядами и веселилось на балах, на различных народных праздниках. Вино лилось рекой, повсюду звучали гитары, и разносились куплеты уличных певцов. Жизнь была ключом.

В те годы среди блестящей «золотой» молодежи Мадрида выделялся талантливый писатель и журналист по имени Мариано Хосе де Ларра. Он родился 23 марта 1809 г. в Мадриде в старинном здании бывшего Монетного двора на улице Сеговия, в котором дедушка Ларры по отцовской линии был администратором, и недалеко от места, где стоит бюст писателя. Здание стояло немного вверх по улице от нынешнего виадука — там сейчас садик, посвященный фотографу Альфонсо. Но недолго он прожил в этом доме. В 1812 г. испано-английские войска под командованием Веллингтона разбили французов под Саламанкой, и Жозе Бонапарт, которого его брат Наполеон в 1808 г. посадил на испанский трон, испугался падения Мадрида и решил перебраться в Валенсию, откуда при случае можно было сбежать по морю во Францию. Отец Мариано Хосе, довольно образованный ученый медик и страстный поклонник французских просветителей, с молодости примкнувший к стремлениям и принципам французской революции, поступил на службу в наполеоновскую армию и отправился в свите Пепе Ботельи (так называли в народе нового короля Жозе I) сопровождать его к Средиземному морю вместе со всей семьей. Так в трёхлетнем возрасте Ларра впервые покидает родной город. После падения Наполеона отец увез семью во Францию, где маленький Мариано провёл своё детство и познакомился с французской культурой, определившей во многом его идейное развитие. Он учился в одном известном колледже в Бордо, где почти забыл испанский язык, но зато прекрасно овладел французским. После возвращения в 1818 г. в Мадрид, когда его отец при заступничестве инфанта Франсиско де Паула, брата короля Фернандо (Фердинанда) VII, был прощен, будущий писатель вынужден с азов начинать изучение родного языка. Проучившись три года в столичной школе Пиас, затем из-за переездов отца он несколько лет учился в разных школах Наварры и в Имперском колледже Св. Исидро в Мадриде, а после окончания школы — в университетах столицы, Вальядолида и Валенсии, но курса так и не окончил. В 18 лет он поступает в военизированный корпус Королевских добровольцев, предназначенный для защиты абсолютистского трона Фернандо VII, что давало целый ряд привилегий его ученикам. Но Ларру привлекали журналистика и писательская деятельность. Еще когда ему было 12 лет, Ларра перевёл отрывки из гомеровской «Илиады», а также написал в стихах триста строк «Исторической географии Испании». В Мадриде Ларра вращается в мирке, в который входили известный юрисконсульт Мануэль Камбронеро, мажордом Королевского дворца Кирико Аристисабаль, директор мадридских театров Гримальди и самый авторитетный испанский журналист той эпохи Хосе Мария Карнереро. Именно тогда и под влиянием последнего Марьяно выбрал путь журналиста-сатирика. В 1828 г. он начинает выпускать журнал «Сатирический оборотень современности» («El Duende Satírico del día»), выбрав эпиграфом слова Буало: «Я ненавижу свою обрашаю против нелепостей нашего века». Его критическое перо направлено против злоупотреблений, отсталых сторон жизни, террора и реакции, царивших в Испании. За 18 месяцев было выпущено 5 номеров, в каждом по две статьи, в которых молодой журналист развенчивал невежество, грубость нравов, нелепые развлечения и праздность мадридской элиты. Естественно, что это было не по нраву правящим кругам и клерикалам, поэтому в 1829 г. журнал был запрещен цензурой. Однако, когда в 1832 г. после болезни Фердинанда VII на трон взошла молодая королева Мария Кристина, Ларра начал выпускать другой сатирический журнал «Простодушный болтун» («El Pobrecito Hablador»),

в котором все статьи писал всегда он сам. Чаще всего Ларра подписывал статьи псевдонимом «Фигаро», героя произведения Бомарше, творчество которого оказало на него большое влияние. В нем он стал писать так называемые «костумбристские» очерки — поучительные очерки о нравах общества, продолжая курс, начатый такими костумбристами, как Себастьян Миньяно, Серафин Кальдерон и Рамон де Месонеро Романос. Но у молодого костумбриста все отметили отличия от предшественников: критику этих нравов, политическую сатиру и довольно тенденциозные портреты разных видных представителей испанского общества. С горькой иронией Мариано Ларра пишет об отсталости и невежестве родного отечества и требует от литературы и искусства стать средством просвещения народа.

После смерти Фердинанда VII вспыхивают антиклерикальные, создаются народные комитеты, не подчиняющиеся центральному правительству, и отряды народной милиции для отпора карлистскому мятежу. Началась третья испанская буржуазная революция, тянувшаяся целый девять лет. Это был период расцвета творчества Ларры, когда наряду с блестящей публицистикой он занимается драматургией и прозой. В 1837 г. он вынужден закрыть и свой журнал, и с этого момента молодой публицист сотрудничает в различных газетах и журналах, например в «Испанском журнале» («La Revista Española»), печатая статьи по литературе и искусству под псевдонимом «Фигаро».

Именно тогда Ларра пишет пьесу «Масиас» и исторический роман «Паж короля Энрике Слабого», в которых выразил в первую очередь свои субъективные переживания и любовные порывы. В основу обоих произведений он положил легенду о трубадуре XV в. Масиасе, о его любви к Эльвире — жене богатого и влиятельного сеньора. После ряда перипетий все заканчивается гибелью Матиаса и Эльвиры, а их любовь остается неудовлетворенной, поэтому, как мы увидим далее, во многом эти произведения автобиографичны.

Благодаря меткой и остроумной критике пороков испанского общества той эпохи Фигаро-Ларра за короткий период становится самым читаемым и самым высокооплачиваемым журналистом. Он достиг того, чего не смог никто в то время: превратил профессию журналиста в «золотое дно». Достаточно сказать, что газеты «Эль Мундо» и «Эль Редактор Хенераль» платили ему по 40 тыс. реалов за статью — это в три раза больше, чем месячная зарплата тогдашнего председателя правительства. Конечно, при таких доходах он жил на широкую ногу, а в обществе говорили, что в Европе есть только два самых элегантных и замечательных человека — лорд Байрон и Ларра. Бурная светская жизнь Ларры успешно дополняла то восхищение, которое возбуждало его перо: он жил в одном из самых роскошных домов Мадрида, полном различной прислуги, выезжал в коляске с кучером, запряженной двойкой великолепных лошадей, и носил сюртуки и цилиндры от лучших портных и шляпных мастеров Лондона... В общем, жизнь удалась!?

Долорес Армихо

Напомню, что это был период расцвета романтизма в Испании, когда этот литературный стиль превратился в стиль жизни, а тема любви и смерти стала самой популярной в обществе. И в это время в Мадрид приезжает некая Долорес Армихо де Камбронеро, уроженка Севильи, выросшая с желанием познать свободу и все новое, что возникало в мире. Ее рано выдали замуж, и она уговорила мужа уехать в Мадрид, так как Севилья из «столицы Индий» превратилась в провинциальный город, в котором молодой женщине уже не хватало «воздуха». Красивая и остроумная севильянка очень скоро стала блистать в салонах и культурных кругах Мадрида, тем более что у нее был талант поэтессы. Долорес жаждала стать законодательницей мод, великой литераторшей и первой придворной дамой наподобие знаменитых француженок, таких как мадам Рекамье, мадам де Сталь или Тереза Кабаррюс, которую называли «Дева Мария Термидора». Однако мадридский двор в те годы не мог предложить Долорес Армихо подобную возможность, так как ни король Фернандо VII, ни его министры не были приверженцами искусства и литературы. А что касается любовных пристрастий, то испанский король ограничивался, как известно, амурными похождениями с простыми девушками типа Пепы Наранхеры — торговки апельсинами. Долорес оставалось искать достойную пару среди литераторов, где, конечно же, первым среди равных был Ларра.

Тогда имя Ларры гремело еще и в связи с премьерой его пьесы «Масиас», и именно тогда начала плести вокруг него свои сети Долорес Армихо. Молодой денди не мог не увлечься романтической и прекрасно образованной замужней кокеткой. Между ними вспыхнула всепоглощающая бурная любовная связь, которую они и не скрывали. Весь Мадрид был шокирован, хотя таким образом Ларра материализовал то, о чем он писал в статьях о морали тогдашнего общества. Нужно заметить, что, несмотря на блестящую светскую жизнь, Ларра был несчастлив в личной жизни, о чем он напишет в известной статье «Жениться рано и плохо». Ведь он женился довольно рано, в 21 год, а тут соблазны света, деньги и известность мало-помалу разрушали и без того не очень прочные семейные узы. И вот эта вулканическая любовь к Долорес! Ларра уходит от жены в 26 лет, берет на себя заботу о трех маленьких детях и теряет право жениться снова, так как разводов тогда не было. Муж Лолы Армихо увозит жену в путешествие по Европе, пытаясь порвать эту связь и надеясь, что время погасит страсть. Он снимает для нее лучшие отели Рима, Парижа, Веймара и других городов Старого Света, возит по дворцам родственников во Флоренции, Швейцарии и Париже и развлекает ее, как может. А Ларра старается следовать за ними в поисках мимолетных встреч с любимой. Мюнхен, Венеция, Вена.... Именно в Вене холодной зимой 1834 г. муж Лолы заболевает воспалением легких и умирает.

Казалось бы, путь к счастью любовников открыт. Однако происходит непонятное: после похорон мужа Лола исчезает и Ларра тщетно ищет ее. Потеряв ее следы, он возвращается в Мадрид и скрывается от одиночества на дружеских вечеринках и литературных собраниях в знаменитых мадридских кафе «Фонтана де Оро», «Куатро насионес» и «Эль Параисо». И без усталости пишет, а герои его пьес и романов говорят на горьком языке любви. «Звезда Севильи с черными волосами, небрежно заплетенными Амуром», — пишет Ларра, вспоминая возлюбленную. А где же сама повелительница сновидений и мечтаний Фигаро? Нужно думать, она снова плетет кому-то сети.

В ту пору в руки Ларры попадают «Страдания молодого Вертера» Гете, и он, взволнованный самоубийством романтического героя, восклицает, что «именно так умирают от любви». А тут еще и неудача с депутатством Ларры, когда после его избрания происходит *Motín de la Granja* — мятеж в городке, где находится летняя резиденция испанских королей, после чего выборы были признаны недействительными и Мариано потерял свой долгожданный депутатский мандат. Наступает роковой день — 13 февраля 1837 г., день праздничного карнавала. Как тут не поверить предрассудкам и загадкам природы?

В этот день Ларра проснулся поздно, позавтракал и поехал к своему другу Мариано Рока де Тогорес, известному писателю и политику — будущему маркизу де Молинос. Затем вместе они посетили бывшую жену Ларры Хосефу Веторет чтобы обсудить финансовые вопросы. Дочери (старшей, Адели, было 5 лет, а младшей, Бальдомере, — четыре) в это время уехали с гувернанткой полюбоваться на карнавальные маски и костюмы. В семь вечера Ларра был у себя в кабинете, когда слуга доложил о приходе.... госпожи Долорес Армихо! Ларра тут же приказывает просить ее в кабинет, и его сердце трепещет от радости предстоящей встречи. Но Долорес пришла не одна, а с подругой, при этом обе держали в руках черные шелковые полумаски, под которыми они скрывали свои лица от посторонних до прихода в дом Ларры. Значит, никто не должен был знать о их визите! Ларра бросается к Долорес в надежде обнять ее, но она останавливает его

жестокими слова: «Все кончено. Я пришла только просить тебя вернуть мне письма». Оказывается, после смерти мужа она познакомилась с довольно именитым человеком, за которого хочет выйти замуж, и теперь не хочет, чтобы ее любовные письма попали случайно в его руки. Ларра помертвел и несколько мгновений не мог вымолвить ни слова. Затем упал перед ней на колени и стал целовать ей руки, прося прощения неизвестно за какие грехи. Он плакал, как ребенок, и упрашивал не бросать его, обещал оставить свою карьеру, дом и отдать ей все свое богатство, лишь бы она согласилась уехать с ним из Испании в любую страну, законы и обычаи которой позволят им жениться. Но напрасно. Долорес с неприязнью смотрела на эту сцену и хотела, чтобы все побыстрее закончилось. Она специально выбрала этот карнавальное вечер и должна была обязательно вернуться домой с желанными письмами.

В конце концов Ларра, сраженный ее холодностью, сумел взять себя в руки, сел за стол, закурил и достал из ящика пачку писем, перевязанных шелковой зеленой лентой. Погладив их, Ларра протянул письма Долорес, и та с жадностью схватила вожделенную добычу, тут же спрятав их в сумочку. Не сказав ни слова утешения несчастному любовнику и только бросив сухо «Прощай!», она поспешно удалилась. Ларра приказал слуге проводить дам до двери, а сам остался в кабинете. Когда дамы спускались по лестнице, послышался сухой звук, словно хлопок закрывшейся двери при сквозняке. Но никто не придавал этому значения.

Вечер катился к концу, когда в дом вернулись дочери, и старшая, Адель, побежала в кабинет отца, чтобы как обычно поцеловать его. Но через минуту она в ужасе бежала по коридору с криком: «Папа лежит под столом, он весь залит кровью!». Когда на этот крик сбежались взрослые, то застали Ларру лежащим на ковре с простреленным виском, из которого струилась кровь, а рука его крепко сжимала пистолет. Вест о его смерти потрясла весь Мадрид.

Одна из газет, сообщая на следующее утро об этом событии, подчеркнула, что на столе кабинета лежала открытой пьеса Ларры «Масиас» с каплями крови на страницах. Вся его жизнь схожа с жизнью его героев...

Два дня, несмотря на протесты церковников, тело Ларры было выставлено публике для прощания. Церковь, отказывавшаяся совершать отпевание самоубийцы, отступила. Затем гроб с телом перенесли в приход Святого Якова, откуда похоронная процессия проследовала на кладбище Фуэнкарраль. Траурный кортеж состоял из двенадцати бедняков, которые несли в руках большие восковые свечи, и более ста одетых по этикету сановников. Тысячи людей пришли проститься с великим Фигаро и, как кто-то отметил, столько публики не видели с похорон

Лопе де Веги. Здесь были представлены все слои общества, а среди писателей и поэтов фигурировали такие знаменитости, как Вентура де ла Вега, Хуан Эухенио Арсембуш, Хосе де Эспронседа, Мартинес де ла Роса и другие.

На похоронном катафалке лежали книги, написанные Ларрой, а по бокам — громадные лавровые венки и венки из роз. А на самом кладбище, когда гроб сняли и стали опускать в могилу, на соседний пантеон взобрался какой-то мальчишка, лет пятнадцати с виду, и в повисшей тишине звонким голосом прочел:

*Этот смутный гул, прерывающий ветер,
— это колокола траурный голос,
Тщетная копия прощального плача
Над утомленным и скорбным телом,
Что уснет назавтра в прахе...»*

Стихи взволновали и восхитили публику, а когда закончились последние из двадцати строф поэмы, буря аплодисментов всколыхнула кладбище. Тут же все стали спрашивать: «Кто это был? Что это за поэт такой молодой и талантливый?». И вот уже из уст в уста передают: «Его зовут Хосе Соррилья». И Вентура де ла Вега, отныне наследовавший негласный титул короля испанской литературы, произнес пророчески: «Мы присутствовали при кончине одного великого поэта и рождении другого».

А что же наша Долорес Армихо? Оказалось, узнав о смерти Ларры, она почувствовала такие угрызения совести, что в день похорон села в дилижанс и уехала в Андалусию, где от раскаяния за свои любовные грехи и эгоизм постриглась в монахини и поступила в монастырь Босоножек в Севилье.

Раздел III.

Научные обзоры, рецензии

Aída Fernández Bueno

NOTA INFORMATIVA: Máster Class

La intermedialidad textual en la cultura rusa: disputa virtual entre Nikita Mijalkov e Iván Búnin (Insolación)

Aída Fernández Bueno,

PhD, Universidad Complutense (Madrid, España),
Coordinadora de la movilidad del programa ERASMUS
Plus Internacional con Rusia en la Facultad de Filología.
afbueno@filol.ucm.es

Aída Fernández Bueno

The textual intermediality in Russian culture: virtual dispute between Nikita Mijalkov and Ivan Búnin (Sunstroke)

El pasado mes de abril la Facultad de Filología de la Universidad Complutense de Madrid recibió la visita de Liudmila Kaida¹, quien durante más de veinte años impartió diferentes cursos de Literatura y Estilística rusas. La visita tenía como objetivo impartir una “Master Class” a los alumnos del grado de Lenguas Modernas y sus Literaturas.

Mucho han cambiado la situación académica y los planes de estudio en estos últimos años, ahora ya en el marco del Espacio Europeo de Educación Superior. Esta nueva distribución de materias y tiempos, que inevitablemente resta tiempo de estudio y profundización también a las asignaturas de literatura, hace que los estudiantes reciban con interés y entusiasmo propuestas formativas y actividades académicas de tan alto nivel como éstas.

Kaida, durante su periodo “complutense”, escribió dos obras de referencia en español: *Estilística funcional rusa* (1986) y *Filología rusa moderna* (1998), que fueron las primeras en presentar a la comunidad científica y al mundo filológico universitario español, los caminos por los que transcurría la filología rusa moderna en los años noventa. El filólogo y académico Fernando Lázaro Carreter prologó el libro *Estilística funcional rusa*, lo que da una idea de la dimensión y repercusión que ha tenido este trabajo en la propia filología española. En él ya quedaban presentados y expuestos los principales pilares teóricos de su concepción teórica y metodológica que se mueve en un terreno novedoso y, sobre todo, práctico: el propio texto creativo como objeto y objetivo de estudio, atendiendo a los elementos que intervienen en su configuración, lector, autor y el propio texto como protagonista indiscutible.

En *Estilística funcional rusa* Kaida presenta conceptos básicos y constantes en sus trabajos: el subtexto del autor, la composición — su categoría reina —, el análisis de la composición y el método de la descodificación. Pero el punto de partida básico e imprescindible, que según ha ido pasando el tiempo ha demos-

¹ Liudmila Kaida es Catedrática Doctora de Estado de la Federación rusa por la Universidad Lomonósov de Moscú y ha sido condecorada por su contribución al desarrollo de la ciencia en el ámbito universitario y a la popularización de la lingüística rusa en España. Su actividad docente en la UCM comenzó en 1983 y ha impartido más de treinta cursos en Doctorado y en los estudios de la licenciatura de Filología Eslava

trado ser más necesario es la lectura profunda y profesional de los textos (especialmente los de creación). En definitiva, las lecturas que integran los programas oficiales.

Alas obras mencionadas siguieron otras escritas ya en ruso: *Композиционный анализ художественного текста* (2000 г.); *Стилистика текста: от теории композиции — к декодированию* (2005 г.); *Композиционная поэтика публицистики* (2006 г.); *Эссе. Стилистический портрет* (2008 г.); *Композиционная поэтика текста* (2011 г.); *Интермедиальное пространство композиции* (2013 г.) y *Эстетический императив интермедиального текста* (2016 г.)² Natalia S. Tsvetova destaca que las ideas que Kaida desarrolla en su último libro germinaron en tres obras anteriores: *Эссе. Стилистический портрет* (2008 г.); *Композиционная поэтика текста* (2011 г.); *Интермедиальное пространство композиции* (2013 г.). Véase Н.С. Цветова. Интермедиальный текст: лингвофилософское прочтение. Резензия на книгу: Кайда Л. Г. Эстетический императив интермедиального текста: лингвофилософская концепция композиционной поэтики. — М.: Флинта, Наука, 2016. 128 с.; Медиалингвистика № 1 (16) / Media linguistics vol. 1 (16).]. En todas ellas, formalmente, se mantiene una constante: la ejemplificación de sus posicionamientos teóricos con textos creativos de autores clásicos rusos como Bunin, Chéjov o Ivanov en el caso del último de sus libros.

El otro elemento constante en su teoría es la atención a la categoría de la composición, independientemente del tipo de texto; ya sea un texto de creación o documental.

Pero con su última monografía se ha producido un muy importante salto cualitativo. Ahora claramente rebasamos el terreno de lo estrictamente lingüístico y nos adentramos en el terreno de — en palabras de Kaida— “la síntesis artística”; nos adentramos en la estética y en la filosofía y todo ello en una tonalidad muy personal que se sabe abierta a la discusión. Pero seguimos manteniendo un hilo conductor, la composición, campo en el que confluyen el autor y el lector. La composición se convierte en una categoría universal presente en todas las obras de creación, independientemente de sus herramientas de expresión; bien sea la palabra, el color, el sonido, la imagen. La composición está en el terreno de la percepción; es lo que el oyente, el espectador, el lector percibe, al mismo tiempo que lo que el autor, artista, o pintor escribe, pinta, dirige, crea.

Cuando empecé a trabajar en este campo, lo hacía desde la tradición filológica española del comentario de textos. La estilística del texto aportaba otro punto de vista y concentraba su atención en unidades diferentes, utilizando también otras herramientas. El concepto de lector y autor ya eran de sobra conocidos, aunque para la estilística del texto, para Kaida, ambos, lector y autor trabajan en “régimen de ganancias”; es decir: de coautoría. La novedad estribaba en la consideración del texto — “su Majestad el texto”, como dice Kaida — como objetivo final y con él la composición. Las “herramientas” básicas son: la descodificación (el método de la descodificación) y el análisis de la composición. Esta es la forma de trabajo que he adoptado y adaptado a mi realidad en las clases, modulándola en función del auditorio, manteniendo siempre unos elementos esenciales que implican potenciar la lectura detallada y profesional del texto; estudiar el estatus novedoso y central de la composición; escudriñar la función del autor, sus indicadores formales; es decir: qué indicios nos proporciona el autor a través de su texto y de su subtexto para llegar a desentrañar el significado que él le quiso dar.

² Natalia S. Tsvetova destaca que las ideas que Kaida desarrolla en su último libro germinaron en tres obras anteriores: *Эссе. Стилистический портрет* (2008 г.); *Композиционная поэтика текста* (2011 г.); *Интермедиальное пространство композиции* (2013 г.). Véase Н.С. Цветова. Интермедиальный текст: лингвофилософское прочтение. Резензия на книгу: Кайда Л. Г. Эстетический императив интермедиального текста: лингвофилософская концепция композиционной поэтики. — М.: Флинта, Наука, 2016. 128 с.; Медиалингвистика № 1 (16) / Media linguistics vol. 1 (16).

Е. В. Крюкова

**Рецензия на учебник Е. В. Астаховой
«Испанский язык для дипломатов.
Уровни B2-C1» – «Español para diplomáticos»**

Елена Владимировна Крюкова, канд. полит. наук,
доцент Кафедры испанского языка МГИМО МИД России.
lenakryukova@yandex.ru

Elena Kriukova

**Review of the textbook E. V. Astakhov
“Spanish for diplomats. Levels B2-C1” –
“Español para diplomáticos”**

Рецензируемый учебник «Испанский язык для дипломатов. Уровни B2-C1 – Español para diplomáticos» [1] подготовлен на Кафедре испанского языка МГИМО. Автор – доцент, кандидат исторических наук Астахова Е. В.

Дипломатию издавна определяли как «науку о внешних сношениях или иностранных делах государства», как «науку или искусство переговоров» [2, с. 27]. И, конечно, дипломатическая деятельность включает в себя массу современных форм: встречи глав государств, дипломатическая переписка, заключение двусторонних и многосторонних договоров и соглашений, участие государств в международных организациях, работу посольств, изложение позиций государства в средствах массовой информации и многое другое. Система международных отношений постоянно развивается и находит реальное воплощение во внешнеполитической деятельности государств и, без всякого сомнения, является основным предметом изучения студентов МГИМО.

Испания и страны Латинской Америки играют особую роль на международной арене и знание дипломатической терминологии на испанском языке вызывает особый интерес и необходимость глубокого изучения не только у студентов, изучающих язык по образовательной программе «Дипломатия», «Мировая политика» и «Международные отношения», но и студентов других факультетов института.

Учебный курс «Испанский язык для дипломатов» Астаховой Е. В. ставит целью выработать основные компетенции языка профессий – «Дипломатия», «Международные отношения», освоить соответствующую терминологию и сведения на испанском языке.

Темы разделов и их размещение соответствуют программам, разработанным в Университете МГИМО на Кафедрах истории международных отношений и дипломатии.

Учебник отвечает уровням B2-C1 европейского образовательного пространства и рассчитан на обучение испанскому языку как основному на факультетах международных отношений, политологии и мировой политики. Он может также использоваться в магистратуре и в группах испанского языка как второго языка на факультете международных отношений МГИМО.

Учебный курс состоит из 12 частей, которые включают:

- тексты по истории и практике дипломатии;
- материалы, раскрывающие особенности дипломатического языка;

- основные виды дипломатических документов;
- тексты по мастерству ведения переговоров и бесед, составления речей;
- материалы по протоколу и социальному этикету;
- контрольные упражнения;
- краткий толковый словарь дипломатических терминов;
- приложения.

Приложения содержат полный текст Венской конвенции о дипломатических сношениях, который приводится параллельно на испанском и русском языках; сокращённые формы обращений, принятые в испанском языке и используемые в переписке; наиболее употребительные в дипломатической практике латинские и иноязычные выражения; некоторые правила делового и социального этикета.

Все представленные в учебнике материалы на испанском и русском языках аутентичны и не адаптированы, при этом разнообразны и актуальны.

Каждый урок учебника включает основной текст, раскрывающий содержание заявленной темы; затем следуют авторские комментарии, чрезвычайно полезные для студентов, поскольку содержат объяснение терминов и явлений, связанных с изучаемой тематикой.

Упражнения помогают студенту расширить и освоить лексику. Предлагаются упражнения на сочетаемость слов, использование фразеологизмов, употребление синонимов и антонимов. Целью заданий является создание ситуаций общения, что позволяет совершенствовать коммуникативные компетенции, развивать навыки и умения изложения мыслей, умение вести дискуссию и отстаивать своё мнение.

Разделы учебника содержат соответствующие теме цитаты и афоризмы, что весьма ценно и интересно, так как позволяет полнее развить предложенную тему и расширить общую эрудицию студента. Автором учтено, что студенты должны научиться писать эссе и составлять комментарии к отдельным высказываниям. Для этого в методической записке подробно разъясняется, как писать эссе, как составлять аннотации и реферировать тексты.

Завершают учебный курс итоговые контрольные упражнения, которые служат для рейтинговой проверки полученных знаний: студентам предлагается ответить на вопросы, объяснить значения аббревиатур, прокомментировать известные высказывания о политике, написать эссе, перевести дипломатические документы, смоделировать ситуации переговоров, беседы и т. д.

Весьма ценными являются Приложения, так как содержат важную информацию, в частности краткий словарь ключевых дипломатических терминов, иностранные словосочетания, получившие широкое употребление в дипломатии, прежде всего — латинизмы; тексты Венской конвенции о дипломатических сношениях на испанском и русском языках (что также полезно с точки зрения анализа лексико-грамматических трансформаций), систему обращений в дипломатической переписке, некоторые правила этикета.

Учебник издаётся в третий раз. В его новую версию внесены исправления и дополнения: обновлены тексты, введены новые речевые упражнения, комментарии и приложения.

Учебник Е. В. Астаховой «Испанский язык для дипломатов» представляет собой большой интерес как для студентов, стремящихся приобрести необходимую эрудицию и развить навыки общения в сфере профессиональной деятельности, так и для преподавателей, поскольку открывает перед ними широкое поле для творческой работы. Представленные в данном издании материалы интересны с информационной, социокультурной и образовательной точек зрения. В учебно-методическом плане это пособие важно тем, что содержит набор упражнений и заданий, которые позволяют овладеть теми аспектами профессиональной компетенции, которые будут необходимы будущим дипломатам и международникам в их практической работе.

Следует отметить, что ранее вышел ещё один учебник по языку профессии, разработанный Астаховой Е. В. совместно с доцентом Кафедры испанского языка Крюковой Е. В. «Основы политологии на испанском языке» — *El ABC de las Ciencias Políticas* [3], предназначенный для студентов, магистрантов и аспирантов, изучающих испанский язык по образовательным программам «Политология», «Мировая политика» и «Международные отношения». Данные учебные курсы являются важной составной частью языковой и профессиональной подготовки студентов МГИМО и других ВУЗов, которые посвятили себя изучению испанского языка и связывают свою дальнейшую деятельность с проблемами политологии, дипломатии и мировой политики.

Литература

1. *Астахова Е. В.* Испанский язык для дипломатов. Уровни B2-C1. – Español para diplomáticos. – М., МГИМО, 2017.
2. *Гарден, Сатоу Э.* Руководство по дипломатической практике. – М., 1947.
3. *Астахова Е. В., Крюкова Е. В.* «Основы политологии на испанском языке» – El ABC de las Ciencias Políticas. – М., МГИМО, 2015.